

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2017. № 11(107)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 07.00.00. Исторические науки и археология; 08.00.00. Экономические науки

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В.О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@sziu.ranepa, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2017
- © Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2017
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2017
- © Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета, главный редактор;
- Елисеева И. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Еремеев С. Г.** — доктор экономических наук, профессор, ректор Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Субетто А. И.** — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург);
- Комаровский В. С.** — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);
- Макаров В. Л.** — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Квинт В. Л.** — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, председатель совета (Москва);
- Крастиньш А. В.** — почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);
- Лезеан Э.** — PhD, доктор философии по политическим наукам (Франция);
- Хань Лихуа** — профессор, директор Института Конфуция при Российском гуманитарном университете (Москва), профессор Института международной экономики Университета международного бизнеса и экономики (Пекин, Китай);
- Вольман Х.** — PhD, доктор права, профессор (Германия);
- Кармен Перес Гонсалес** — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);
- Феликс Вакас Фернандес** — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Косов Ю. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург), заместитель главного редактора
1. По политическим наукам:
- Акопов С. В.** — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Вульфович Р. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Казанцев А. А.** — доктор политических наук (Москва);
- Колесников В. Н.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Малькевич А. А.** — кандидат политических наук, доцент (Омск);
- Полякова Т. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Теребнёв Л. В.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)
2. По истории:
- Аграшенков А. В.** — кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Вершель В. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ежова Г. В.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Лушин А. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Морозов В. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Новикова И. Н.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Сергеев В. М.** — доктор исторических наук, профессор (Москва);
- Шумилов М. М.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
3. По экономике:
- Балашов А. И.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Бодрунов С. Д.** — доктор экономических наук, профессор (Москва);
- Запорожан А. Я.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Каранатова Л. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Куклина Е. А.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Халин В. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Цыгалов Ю. М.** — доктор экономических наук, профессор (Москва)

EDITORIAL COUNCIL

- Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg) — Chairman of the board, Chief Editor;
- Eliseeva I. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Eremeev S. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (Saint-Petersburg);
- Smorgunov L. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg);
- Subetto A. I.** — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg);
- Komarovsky V. S.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPa and regional academies of public administration (Moscow);
- Makarov V. L.** — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic-Mathematical Institute (Moscow)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Kvint V. L.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Board (Moscow);
- Krastins A. V.** — Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
- Lezean E.** — PhD in Political Sciences (France);
- Han Lihua** — Professor, Director of Institute of Confucius at the Russian Humanities University (Moscow), Professor of Institute of the International Economy of University of the International Business and Economy (Beijing, China);
- Wolman H.** — PhD, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany)
- Carmen Pérez González** — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain)
- Félix Vacas Fernández** — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

- Kosov Yu. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg), Deputy Chief Editor;
1. *Political Sciences:*

- Akopov S. V.** — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);
- Volkov V. A.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Vulfovich R. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Kazantsev A. A.** — Doctor of Science (History), Moscow;
- Kolesnikov V. N.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Malkevich A. A.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
- Polyakova T. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Terebnev L. V.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg)

2. *History:*

- Agrashenkov A. V.** — PhD in History, Associate Professor (St. Petersburg);
- Vershel V. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Ezhova G. V.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Isaev A. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Lushin A. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Morozov V. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Novikova I. N.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)
- Sergeev V. M.** — Doctor of Science (History), Professor (Moscow)
- Shumilov M. M.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

3. *Economics:*

- Balashov A. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Bodrunov S. D.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
- Zaporojan A. Ya.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Karanatova L. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Kuklina E. A.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Halin V. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Khodachek V. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Tsygalov Yu. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow)

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 8 ВОСТРЯКОВ Л. Е., КАШИНА М. А.**
Политическая мобилизация или политическая модернизация?
Государственная культурная политика и использование гендерного ресурса государственной политики и управления
- 17 ОРЛОВА И. А.**
Понятие «законно созданный суд» в национальном и международном праве (проблемы определения)
- 25 УШАКОВ Е. В.**
Исследования имплементации программ в науке государственного и муниципального управления

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 33 ЗАСЛАВСКАЯ Н. Г.**
Проблемы взаимодействия ЕАЭС и ЕС
- 40 ГИБАДУЛЛИН А. А.**
Исследование инвестиционной деятельности в странах Евразийского экономического союза

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 47 СМИРНОВ А. Ю., АЛЕХИН М. Ю., АЛЕКСАНДРОВ В. Л.**
Состояние и перспективы развития грузоперевозок в Российской Федерации
- 53 КУДРЯШОВ В. С., СОКОЛОВ А. А.**
Государственная кластерная политика как инструмент повышения конкурентоспособности субъектов РФ
- 61 РОСТОВА О. В., РОСТОВА А. С., РОДИОНОВА Е. С.**
Применение метода реальных опционов в управлении инновационными проектами

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 72 АНТИПОВ Е. О., ТУТЫГИН А. Г., КОРОБОВ В. Б.**
Проблемы осуществления транспортировки грузов в Арктической зоне РФ морским путем
- 80 ПОЛЮШКЕВИЧ О. А.**
Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска)
- 95 КОВАЛЕВ А. А., ТРЕТЬЯКОВ А. Л.**
Социально-онтологические аспекты понятия «информационная война»
- 104 РОДИНА В. В.**
Особенности промышленного дискурса в СССР во второй половине XX века
- 119 КАБЫЛИНСКИЙ Б. В.**
Конфликт и культура: к вопросу об эффективном управлении

- 125 ДЕГТЯРЕВА О. В.**
Флешмоб как протестная технология в политическом движении
(на примере Украины)

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 131 ГРИДНЕВ В. П.**
Руководство тыловым обеспечением войск в Курской битве
- 140 МАРЧЕНКО Г. В.**
Российское офицерство в годы революционных потрясений
и Гражданской войны: моральный и политический выбор
- 148 БРОДСКАЯ И. М.**
Динамика образа Октябрьской революции 1917 года в российских
учебных текстах: 1918–2017 годы

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 154 АЛИМУРАДОВ М. К., ВЛАСЮК Л. И.**
Стратегирование — новая область профессиональных знаний
- 160 ВОЛЬМАН Х., КУЛМАН С.**
Административная политика и административные реформы*
- 170 КОСОВ Ю. В., ТРОХИНОВА О. И.**
Политическая мобилизация: перспективы развития теории принятия
политических решений

POLICY AND LAWFUL STATE

- 8 VOSTRIAKOV L. E., KASHINA M. A.**
Political Mobilization or Political Modernization? State Cultural Policy and Use of a Gender Resource of State Policy and Management
- 17 ORLOVA I. A.**
Concept "Legally Constituted Court" of National and International Law (Definition Problem)
- 25 USHAKOV E. V.**
Researches of Programs Implementation in Science of the State and Municipal Management

EURASIAN STUDIES

- 33 ZASLAVSKAYA N. G.**
Challenges to Interaction between EAEU and EU
- 40 GIBADULLIN A. A.**
Investigation of the Investment Activity of the Eurasian Economic Union

POWER AND ECONOMY

- 47 SMIRNOV A. YU., ALEKHIN M. Y., ALEXANDROV V. L.**
Status and Prospects of Freight Transportation in the Russian Federation
- 53 KUDRYASHOV V. S., SOKOLOV A. A.**
The State Cluster Policy as Instrument of Increase in Competitiveness of Territorial Subjects of the Russian Federation
- 61 ROSTOVA O. V., ROSTOVA A. S., RODIONOVA E. S.**
Application of a Method of Real Options in Innovative Projects Management

SOCIETY AND REFORMS

- 72 ANTIPOV E. O., TUTYGIN A. G., KOROBOV V. B.**
Problems of Implementation of Freights Transportation in the Arctic Zone of the Russian Federation by Sea
- 80 POLUSHKEVICH O. A.**
The Influence of Toponymy on the Identity of City Residents (Based on Materials from Irkutsk)
- 95 KOVALEV A. A., TRETYAKOV A. L.**
Social and Ontologic Aspects of the Concept «Information War»
- 104 RODINA V. V.**
Features of Industrial Discourse in the USSR in the Second Half of the Twentieth Century
- 119 KABYLINSKII B. V.**
Conflict and Culture: Ways of Effective Management
- 125 DEGTIAREVA O. V.**
Flash Mob as a Protest Technology in the Political Movement (On the Example of Ukraine)

HISTORY AND CULTURE

- 131 GRIDNEV V. P.**
Control of Logistic Support of Troops in the Battle of Kursk
- 140 MARCHENKO G. V.**
Russian Officers during the Years of Revolutionary Turmoil and the Civil War:
Moral and Political Choice
- 148 BRODSKAYA I. M.**
Dynamics of the 1917 October Revolution Image in Russian Educational Texts:
1918–2017

SCIENTIFIC LIFE

- 154 ALIMURADOV M. K., VLASYUK L. I.**
Strategizing as a New Field of Professional Knowledge
- 160 WOLLMANN H., CULLMANN S.**
Administrative Policy and Administrative Reforms
- 170 KOSOV YU. V., TROKHINOVA O. I.**
Political Mobilization: Prospects of Development of the Theory of Adoption
of Political Decisions

Политическая мобилизация или политическая модернизация?

Государственная культурная политика и использование гендерного ресурса государственной политики и управления

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-8-16

Востряков Лев Евгеньевич

Санкт-Петербургский институт культуры
Профессор кафедры социально-культурной деятельности
Доктор политических наук
lev-vostriakov@yandex.ru

Кашина Марина Александровна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры связей с общественностью и социальных технологий
Кандидат философских наук, доцент
Kashina_soc@inbox.ru

РЕФЕРАТ

Авторами рассматривается практика использования гендерного ресурса в процессах политической модернизации и политической мобилизации в России. Проводится сравнительный анализ данных процессов с точки зрения их бенефициаров. Доказано, что кейс «Светы из Иваново» выступает примером успешной консервативной мобилизации гендерного ресурса с помощью интернет-технологий.

Обосновывается значение государственной культурной политики в формировании современных гендерных отношений. Показано, что отечественная государственная культурная политика последних лет направлена в большей степени на консервативную политическую мобилизацию, что снижает эффективность использования гендерного ресурса в государственном управлении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гендерный ресурс, государственная культурная политика, политическая мобилизация, политическая модернизация

Vostriakov L. E., Kashina M. A.

Political Mobilization or Political Modernization? State Cultural Policy and Use of a Gender Resource of State Policy and Management

Vostriakov Lev Evgenievich

Saint-Petersburg State University of Culture (Russian Federation)
Professor of Department of Socio-Cultural Activity
Doctor of Science (Political Science)
lev-vostriakov@yandex.ru

Kashina Marina Aleksandrovna

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Public Relations and Social Technologies
PhD in Philosophy, Associate Professor
Kashina_soc@inbox.ru

ABSTRACT

The authors consider the usage of gender resource in the processes of political modernization and political mobilization in Russia. They conduct a comparative analysis of these processes from the

point of view of their beneficiaries. The authors prove that the story of «Sveta from Ivanovo» is a good example of successful mobilization of conservative gender resource using web-technologies.

It is argued the importance of the state cultural policy in the formation of modern gender relations and the authors show that modern Russian state cultural policy is aimed mostly at the conservative political mobilization. This reduces the efficiency of the use of gender resource in public administration

KEYWORDS

gender resource, the state cultural policy, political mobilization, political modernization

Тема политической модернизации, в частности, перехода к современным формам политической организации, то крайне актуализируется, то откатывается на периферию исследовательского интереса. Обусловлено это не столько объективными причинами и логикой научного поиска, сколько политической конъюнктурой и динамикой политических процессов, в которой периоды «разрядки» сменяются периодами «напряжения», когда на первый план выходит задача «собирать камни», чтобы мобилизовать общество в условиях усложнения внутри- и внешнеполитической ситуации. Намного более принципиален вопрос о бенефициарах политической модернизации политической мобилизации. Если в первом случае в качестве такового выступает общество в целом, поскольку модернизация идет путем развития политических институтов и структур, то во втором — выгодоприобретателями становятся субъекты политической мобилизации, использующие политическую энергию масс в интересах консервации политических институтов и защиты частных интересов, особенно в случае авторитарной мобилизации.

Выступая одним из социальных ресурсов государственного управления, гендерный ресурс, вовлекается в процессы мобилизации и/или модернизации различными способами, но центральным выступает продвижение или критика различных образцов гендерных отношений. Подобные стимулирующие или репрессивные меры осуществляются в первую очередь посредством государственной культурной политики¹. В настоящей статье авторы проверяют гипотезу о том, что отечественная государственная культурная политика последних лет в большей степени направлена не на модернизацию общественных отношений, а на консервативную политическую мобилизацию, что снижает эффективность использования гендерного ресурса в государственном управлении.

Гендерные отношения обретают политический характер в ходе противопоставления приватной и публичной сфер общества, артикуляции групповых интересов мужчин и женщин, и научной рефлексии противоположности этих интересов феминистской теорией. В результате женщины получают статус политического субъекта. В то же время они продолжают оставаться объектом государственной политики и управления, поскольку выполняют ключевую для существования общества функцию биологического воспроизводства населения, рождения и воспитания детей. Мужчины, изначально занимая в публичной сфере доминирующее положение, являются субъектами политики по определению, могут выступать объектом государственной

¹ Исходя из теории социального конструирования гендера, предполагающей, что гендер, выступая социальной надстройкой над биологическим полом, может сильно варьировать в зависимости от социально-культурных особенностей конкретного общества, авторы рассматривают культурную политику в качестве важного инструмента управления гендерными отношениями.

политики, но вне связи с задачами воспроизводства населения, например, как военный ресурс.

Различия ролей мужчин и женщин в обществе институализируются системой гендерных норм, представлений и стереотипов, формирующей неравенство в доступе и обладании различными ресурсами, активами и капиталами для женщин и мужчин. Таким образом, государственная политика и управление получают ресурс, связанный с использованием в государственных целях гендерно сконструированных возможностей женщин и мужчин. Исходя из этого, мы определяем гендерный ресурс как возможность задействовать способность населения: (а) к репродукции и воспроизводству человеческих ресурсов (демографическая компонента) и (б) к общественно-политической и экономической активности, которая институализируется гендерной системой, гендерными нормами и ролями (социокультурная компонента). Данный ресурс формируется и применяется в государственной политике и управлении на социетальном и институциональном уровнях (подробнее см.: [4]).

Главной политической предпосылкой актуализации использования гендерного ресурса в государственной политике выступает модернизация политической системы, которая предусматривает дифференциацию и усложнение политических институтов, расширение числа политических акторов, включение в политическую жизнь ранее дискриминированных с точки зрения возможности выражать свои интересы социальных групп. Критерием успешности модернизации выступает повышение адаптивности и резистентности политической системы, ее возможности отвечать на вызовы внешней среды. Именно это соответствие требованиям времени и делает политическую систему современной. При этом в каждой стране политическая модернизация, т. е. адаптация политической системы и политических институтов к требованиям современности осуществляется по-своему — как с учетом историко-культурных, национальных особенностей, так и отвергая их, заимствуя «чужие» образцы. Движущей силой модернизации везде выступает необходимость разрешения противоречия между универсальным рационализмом, лежащим в основе всех современных обществ, и национальным традиционализмом, вырастающим из обычаев, ценностей, исторического опыта каждой отдельно взятой страны. Это определяет национальную модель модернизации, однако не отрицает саму идею перехода к современным политическим институтам.

Вопрос о характере модернизации в нашей стране до сих пор является дискуссионным. Еще пять лет назад О. Ф. Шабров отмечал, что «руководством страны не был сформулирован «даже предварительный проект модернизации». Хотя сомнений в необходимости модернизации в то время не возникало, представления «о путях и содержании»: «консервативная или либеральная, полная или частичная, сначала политическая или экономическая» — серьезно конфронтировали. В первую очередь, как указывал президент отечественной Академии политической науки, существовал и существует конфликт между западничеством и почвенничеством (славянофильством), между демократией западного образца, опирающейся на индивидуализм, и российским менталитетом, в основе которого — чувственное мирозерцание, общинность и коммунальность [8].

Опыт Японии — страны, высоко ставящей коллективистские ценности, — свидетельствует, что модернизация на «общинной» основе вполне осуществима. С нашей точки зрения, для российской модернизации большим препятствием выступает не «загадочная русская душа», не желающая быть рациональной, а противоречивость российской системы ценностей как таковой. Она уже не является традиционной в силу осуществленной советской властью экономической модернизации, но она не может принять и так называемые «общечеловеческие ценности» общества массового потребления, потому что в стране не была проведена модернизация других сфер

жизни общества, в первую очередь — политической. Реальное гражданское общество в условиях однопартийной системы и авторитарной власти появиться не могло. Откуда в условиях плановой экономики, порождающей «равенство в бедности», было взяться среднему классу, выступающему базой реальной демократии и модернизационных процессов?

Более того, сегодня в условиях сложной экономической и международной ситуации модернизационный проект явно замещается в нашей стране мобилизационным, усиливающим тренды централизации и концентрации власти. А это противоречит практике развития местного самоуправления и субсидиарности, демократизации политической системы. Наконец, неоднозначна роль российских политических элит, которые, по оценке А. И. Соловьева, изобретают «все более изощренные схемы перераспределения общественных благ в пользу высших слоев общества, а «социально ориентированная» политика государства сохраняет устойчивую тенденцию на увеличение бедности в стране, распространение алкоголизма и суицидальных настроений, резкое снижение численности среднего класса» [7, с. 103].

Политическая мобилизация как средство вовлечения широких масс в политические процессы, в отличие от политической модернизации, может быть разнонаправленной. На одном полюсе — соревновательность, что предполагает усиление конкуренции внутри политической системы между достаточно дифференцированными и автономными политическими партиями и институтами. На другом — авторитарность, где целью выступает обеспечение лояльности населения правящему режиму путем использования пропаганды; политические институты в этом случае неавтономны и недифференцированы. С определенной долей условности можно сказать, что политическая мобилизация первого типа характерна для стран, закончивших модернизацию, а второго типа — для государств, находящихся в состоянии транзита.

Чтобы оценить характер политической мобилизации в нашей стране, обратимся к Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. В этом важном документе подчеркивается, что «для достижения стратегических целей обеспечения национальной безопасности в области культуры реализуются государственная культурная политика и государственная национальная политика, которые направлены на укрепление и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, обеспечение национальной, религиозной, расовой терпимости». К традиционным российским духовно-нравственным ценностям Стратегия относит «приоритет духовного над материальным, защиту человеческой жизни, прав и свобод человека, семью, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины»¹.

Ключевой задачей государственной культурной политики, как следует из приведенного выше определения, выступает поддержка традиционных духовно-нравственных ценностей. Это, собственно, и дает основания отнести культурную политику современной России к инструментам консервативной мобилизации, а не политической модернизации, поскольку конфликт универсалистских ценностей и национальных традиций решается в пользу последних. Хотя в самом перечне этих ценностей специфическим можно считать лишь приоритет духовного над материальным и коллективистскую этику, что противопоставляет российские ценности западному прагматизму и индивидуализму. Все остальные ценности, упомянутые в Стратегии, являются вполне универсальными.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Гарант.ру: информационный портал.

На первый взгляд различия между модернизацией и мобилизацией с точки зрения использования гендерного ресурса не столь уж велики, потому что политическая мобилизация, как и модернизация, ведет к росту политической активности населения, в том числе женского. Однако на самом деле расхождения оказываются весьма существенными, поскольку в первом случае гендерные отношения и их инструментарий — цели, ценности, установки, представления, стереотипы — претерпевают существенные изменения в направлении расширения жизненных возможностей личности, во втором — этого не происходит, более того, апелляция к «позитивному» прошлому выступает средством осуществления консервативной политической мобилизации.

Иначе говоря, модернизация гендерных отношений, понимаемая как переход от традиционных (патриархатных, асимметричных, строго определенных и неизменных отношений господства–подчинения между мужчинами и женщинами) к современным (предполагающим партнерство, симметричность, плюрализм и свободу жизненного выбора) выступает ресурсом изменения политических институтов и структур, поскольку именно это преобразование превращает женщин в полноправных участниц политических процессов, отвечая одной из центральных идей модернизации — расширению круга политических акторов. В случае политической мобилизации, апеллирующей к прошлому, объектность женщин в политических процессах только усиливается.

Не характеризуя специально инструменты государственной культурной политики, которые неплохо проанализированы в научной литературе (см. напр.: [2; 3]), остановимся на ее влиянии на гендерные отношения. Мобилизационные процессы всегда были тесно связаны с активным включением новейших политических технологий, при этом самые современные из коммуникационных механизмов пропагандистского влияния на общественное сознание, используемые «в современных политических процессах (и прежде всего, процессах мобилизационных)», как метко подмечает В. А. Ачкасова, «полностью укладываются в пропагандистские схемы». При этом «для осуществления масштабного, постоянного и интенсивного пропагандистского воздействия на общественное сознание задействуются практически все имеющиеся Интернет-ресурсы» [1, с. 77–80]. Достаточно ярким примером политической мобилизации гендерного ресурса выступает кейс С. И. Куричиной, уже ставший предметом политологического анализа. Нельзя не согласиться с одним из исследователей феномена «Светы из Иваново», профессором О. В. Рябовым, отмечающим, что «в современном мире политическая мобилизация осуществляется по преимуществу не с помощью насилия, а непрямыми методами; будь то использование авторитета политического лидера или эксплуатация мобилизационного потенциала ценностей и символов» [6, с. 130]. Неслучайно представители оппозиционного лагеря стремятся трактовать свои политические отличия от сил, поддерживающих правительственный курс, «как культурные, проявляющиеся в уровне образования, моральных стандартах, воспитанности, гендерных представлениях, отношении к моде и т. д.» [6, с. 127]. Весьма показательна с точки зрения гендерных отношений та уничижительная критика, которой «успешные и образованные» оппозиционеры подвергли «девушку из провинциального города» за ее отсталость, которая проявляется «не только в типе ее фемининности, неспособности следовать „продвинутым“ стандартам женственности, но и в том, какую маскулинность она считает эталонной: „мужчиной мечты“ она назвала Путина» [6, с. 133].

Необразованность, но естественность этой «благородной дикарки» из российского «города невест» получает в интернете как положительную, так и негативную оценки. При этом оппозиционеры, считающие себя носителями модернизационных идей, называя ее «нашисткой», остаются в меньшинстве, тогда как большин-

ство оценивает «народную звезду» как «просто реально глоток свежей воды из колодца народного самосознания. Самосознания примитивного, но доброго, уповающего на царя-батюшку», одну из миллионов, которые «не хотят ни революций, ни войн, ни бунтов, потому и выступают за власть, которая обеспечила их мирным небом над землей и которая позволила им да-да-да... в том числе и „более лучше одеваться“! Классная девчонка эта Света из Иваново. И настоящая!» (цит. по: [6, с. 136]).

Анализ подобного столкновения мнений в Сети позволяет утверждать, что именно такая женщина — преданная властям, готовая подчиняться, необремененная излишним образованием, и при этом — сексуально привлекательная, вполне способна противостоять оппозиционным «модернизаторам». Поскольку в ходе политической мобилизации для «постоянного и интенсивного пропагандистского воздействия на общественное сознание задействуются практически все имеющиеся Интернет-ресурсы» [1, с. 80], то «Света из Иваново» с точки зрения поддержки консервативных ценностей оказывается очень успешным проектом.

Анализируемый кейс — не пример модернизации гендерных отношений, он скорее демонстрирует откат назад, поскольку тип женщин, к которому принадлежит С. И. Курицина, не стремится к конкуренции с мужчинами за позиции, позволяющие принимать ключевые решения, прежде всего — политические. Впрочем, мобилизационная активность «Светы из Иваново» была признана привлечением ее к работе на канале «НТВ».

Казалось бы, полную противоположность С. И. Курициной представляет другой субъект российской политической мобилизации — «символ российского Крыма», самая молодая в истории России женщина, получившая звание генерала — Н. В. Поклонская, героиня песен, комиксов и даже мультфильма. Эта миловидная, спортивная женщина, не желая служить «пришедшим к власти на Украине фашистам», отважилась занять должность генерального прокурора Республики Крым, когда многие мужчины сделать это не рискнули. Опыт государственной службы Поклонской включает не только работу в правоохранительных органах (в том числе и в генпрокуратуре Украины), но и деятельность в высшем законодательном органе России. С осени 2016 г. она обладает мандатом депутата Государственной Думы РФ, где она представляет «Единую Россию» и выступает заместителем председателя комитета нижней палаты Федерального Собрания РФ по безопасности и противодействию коррупции. Одновременно Н. В. Поклонская возглавляет комиссию Госдумы по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Госдумы, а также является членом парламентской комиссии по рассмотрению расходов федерального бюджета, направленных на обеспечение обороны России, национальной безопасности и правоохранительной деятельности.

Тем самым Н. В. Поклонская благодаря своей общественно-политической активности получила генеральское звание и вошла в абсолютно мужские сферы деятельности — контроль доходов, финансы, охрану правопорядка и оборону. Являясь почитательницей последнего российского императора, Поклонская инициировала среди православно настроенной общественности кампанию против фильма А. Е. Учителя «Матильда», за признание его экстремистским материалом, поскольку фильм якобы оскорбляет память Николая II и чувства верующих. В результате представители некой общественной организации, прикрываясь православной риторикой, перешли от публичных угроз в адрес авторов фильма к конкретным преследованиям и поджогам автомобилей, а некоторые киносети по соображениям безопасности отказались от проката фильма.

Важнейшие субъекты отечественной государственной культурной политики в этой ситуации однозначно продемонстрировали, что они не собираются под-

держивать самозванных активистов, представляющих себя ревнителями духовно-нравственных ценностей, а на деле — безответственных провокаторов. Министр культуры России В. Р. Мединский назвал подобных распоясавшихся «активистов» «поджигателями» и потребовал от правоохранительных органов «обеспечить соблюдение законности, жестко пресечь давление на государство и кинобизнес»¹. О необходимости принять меры уголовного характера против подобных «борцов за консервативные ценности» вынуждена была заявить и Н. В. Поклонская².

В обоих случаях, сколь бы непохожими они ни казались, предпочтения (в виде работы на одном из центральных каналов телевидения, генеральского звания или депутатского мандата) получают лишь отдельные личности — субъекты консервативной мобилизации. Модернизация гендерных отношений, напротив, расширяет жизненные возможности всех женщин без исключения.

Подобное «запечатывание» ресурса развития общества, связанного с использованием личностного потенциала женщин в публичной сфере, несомненно, выступает ярким свидетельством того, что активизация гендерного ресурса, проводимая государством в последние годы, направлена на политическую мобилизацию, но не модернизацию российского общества.

Более того, в 1990-е годы, когда модернизационные процессы только начинались, в ситуации экономического кризиса и роста мужской безработицы российским женщинам предлагалось не выйти на рынок труда, а уйти с него. Это позволяет некоторым исследователям подобную «модернизацию» экономической роли женщин в нашей стране в конце XX в. называть реэмансипацией. Нельзя не согласиться с Ю. Косяковой и Д. Куракиным, утверждающими, что семейная политика в постсоветский период «была направлена на усиление традиционных образцов семейного уклада и поощряла матерей сидеть дома». Продолжительный «декретный» отпуск на фоне явно недостаточной государственной поддержки уменьшали шансы женщин занять должности в статусных кабинетах, но способствовали их «самоотбору в пользу работ, предполагающих меньше обязательств, усилий и меньше шансов карьерного роста» [5, с. 141]. Подобная архаизация гендерных отношений превращала их в ресурс уже экономической (де)мобилизации на основе консервативных ценностей.

То же самое происходит и в политической сфере. По сравнению с советскими временами женское политическое представительство заметно упало, это особенно остро проявилось в годы, предшествовавшие экономическому кризису 1998 г., а также сразу же вслед за дефолтом «черного августа». Кратковременный успех общественного движения «Женщины России», представители которого были избраны в состав Государственной Думы России первого созыва, заслуживает отдельного исследования. В то же время реального влияния на политическое участие женщин подобный триумф партии Е. Ф. Лаховой и А. А. Федуловой не оказал, особенно на уровне региональных законодательных органов государственной власти. В некоторых субъектах федерации женщины-депутаты вообще отсутствовали: такая картина отличала в 2010 г. Магаданскую областную Думу и Законодательное собрание Пензенской области, в последнем положение дел не изменилось и в 2012 г.³.

¹ Цит. по: Беззаконие и цензура: Мединский призвал не потакать противникам фильма «Матильда» // ТАСС. Культура. 2017. 13 сентября [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/kultura/4558374> (дата обращения: 14.09.2017).

² Замахина Т. Поклонская: Активист-радикал Калинин задержан по моему запросу // Российская газета: интернет-портал. Власть. 2017. 20 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/09/20/aktivist-radikal-kalinin-zaderzhan-po-zaprosu-poklonskoj.html> (дата обращения: 20.09.2017).

³ Состав депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации на 1 января 2012 г. // Женщины и мужчины России. 2012:

Тенденция к росту политического представительства женщин отмечается только в последнее время, хотя для того, чтобы приблизиться к показателям советского парламента (25–30%), потребуется немало времени. Конечно, женщины в Верховном Совете СССР, как и сам этот орган, играли больше декоративную роль, но факт их повального «изгнания» из представительных органов государственной власти в ходе постсоветских демократических выборов говорит о торжестве гендерного стереотипа «женщинам не место в политике».

Так или иначе, в России формируется весьма серьезное противоречие между универсалистскими ценностями прав и свобод человека (вне зависимости от пола человека) и традиционалистскими нормами ограничения женской активности приватной сферой, что выступает существенным барьером на пути политической модернизации и развития нашей страны.

Литература

1. Ачкасова В. А. Особенности современных пропагандистских методов в мобилизационных процессах // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2015. Т. 1. № 1. С. 77–80.
2. Востряков Л. Е. Государственная культурная политика: понятия и модели. СПб. : Изд-во СЗИУ РАНХиГС, 2011.
3. Драгичевич-Шешич М., Стойкович Б. Культура: менеджмент, анимация, маркетинг. Новосибирск : ИД Тигра, 2000.
4. Кашина М. А. Использование гендерного ресурса развития как социальная инновация в государственном управлении // Управленческое консультирование. 2013. № 12. С. 84–91.
5. Косякова Ю., Куракин Д. Имеют ли значение институты? Профессиональная гендерная сегрегация на этапе выхода на рынок труда в советской и постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 5 (88). С. 127–145.
6. Рябов О. В. «Света из Иваново» как зеркало Болотной революции // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 125–147.
7. Соловьев А. И. Государство как производитель политики // Полис. 2016. № 2. С. 90–108.
8. Шабров О. Ф. Политическая модернизация России: точки согласия и дискуссии // Модернизация и политическое развитие России: сб. науч. ст. М., 2012. С. 5–16.

References

1. Achkasova V. A. *Features of modern propaganda methods in mobilization processes* [Osobennosti sovremennykh propagandistskikh metodov v mobilizatsionnykh protsessakh] // Strategic communications in business and policy [Strategicheskie kommunikatsii v biznese i politike]. 2015. V. 1. N 1. P. 77–80. (rus)
2. Vostryakov L. E. *State cultural policy: concepts and models* [Gosudarstvennaya kul'turnaya politika: ponyatiya i modeli]. SPb. : NWIM of RANEPa publishing house [Izd-vo SZIU RANKhiGS], 2011. (rus)
3. Dragichevich-Sheshich M., Stoykovich B. *Culture: management, animation, marketing* [Kul'tura: menedzhment, animatsiya, marketing]. Novosibirsk : Publishing house Tigr, 2000. (rus)
4. Kashina M. A. *Use of a gender resource of development as a social innovation in public administration* [Ispol'zovanie gendernogo resursa razvitiya kak sotsial'naya innovatsiya v gosudarstvennom upravlenii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 12. P. 84–91. (rus)
5. Kosyakova Yu., Kurakin D. *Whether institutes matter? A professional gender segregation at a stage of entry into the market of work in the Soviet and Post-Soviet Russia* [Imeyut li znachenie instituty? Professional'naya gendernaya segregatsiya na etape vykhoda na rynok truda]

стат. сб. / Росстат. М., 2012. С. 263–266. Состав депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации на 1 января 2010 г. // Женщины и мужчины России. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 249–252.

- v sovetskoi i postsovetskoi Rossii] // Journal of Sociology and social anthropology [Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii]. 2016. V. XIX. N 5 (88). P. 127–145. (rus)
6. Ryabov O.V. *“Sveta from Ivanovo” as mirror of Bolotnaya Square of revolution* [«Sveta iz Ivanovo» kak zerkalo Bolotnoi revolyutsii] // Labyrinth. Journal of Social and humanitarian researches [Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy]. 2013. N 5. P. 125–147. (rus)
 7. Solovyov A.I. *State as producer of policy* [Gosudarstvo kak proizvoditel' politiki] // Political Researches [Polis]. 2016. N 2. P. 90–108. (rus)
 8. Shabrov O.F. *Political modernization of Russia: points of consent and discussion* [Politicheskaya modernizatsiya Rossii: točki soglasiya i diskussii] // Modernization and political development of Russia: collection of scientific articles [Modernizatsiya i politicheskoe razvitie Rossii]. M., 2012. P. 5–16. (rus)

Понятие «законно созданный суд» в национальном и международном праве*

(проблемы определения)

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-17-24

Орлова Инна Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный университет
 Доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений
 Кандидат экономических наук, доцент
 innaorlova@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье проводится анализ толкования категории «суд, созданный на основании закона» в национальном и международном праве, а также в практике международных правоприменительных органов. Исследуются доктринальные мнения относительно категории «законность» в международном праве. Изучаются критерии правомерности создания одного из видов международных юрисдикционных органов — международных судов, а также национальных судов «с элементами международнойности» — «гибридных судов».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

суд, международный суд, законность, международная законность, международные трибуналы, право на защиту, юрисдикционный орган, «гибридный суд»

Orlova I. A.

Concept “Legally Constituted Court” of National and International Law (Definition Problem)

Orlova Inna Anatolyevna

St. Petersburg State University (Russian Federation)
 Associate Professor of the Department of European Researches of the School of International Relations
 PhD in Economics, Associate Professor
 innaorlova@yandex.ru

ABSTRACT

The article analyzes the interpretation of the category «out established by law» in national and international law, as well as in the practice of international law enforcement agencies. The doctrinal views on the category of «legality» in the international law are examined. The criteria for the legitimacy of creating one of the types of international jurisdictional bodies — international courts, as well as national courts «with elements of internationality» — «hybrid ships» are studied.

KEYWORDS

court, the international court of justice, legality, international legality, international tribunals, right to protection, jurisdictional authority, «hybrid court»

Одним из основных правовых принципов, формирующих и определяющих совокупность регуляторов отношений как систему права, является принцип права на защиту. Он реализуется с той или иной степенью эффективности во всем правовом пространстве, в различных правовых системах.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Концепция международного процессуального права», проект № 17-03-50181.

В национальном праве принцип права на защиту является фундаментальным конституционным принципом. Каждое государство само определяет, какие средства защиты оно допускает. В то же время государство должно гарантировать своим гражданам защиту в случае нарушенных прав, и другим конституционным принципом выступает принцип права на судебную защиту. Право на судебную защиту является важнейшим конституционным правом личности, закрепленным как в нормах международного права, так и в национальном законодательстве. В Конституции Российской Федерации данные принципы закреплены в стт. 45, 46 и 62 (в отношении иностранных граждан).

Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом, а создание чрезвычайных судов не допускается. Таким образом, в Российской Федерации допускается действие судов, созданных на основании закона.

Основные положения относительно создания судебного органа закреплены в ряде международно-правовых актов. Статья 14 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. закрепляет: «1. Все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе, на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона»¹.

Схожие нормы содержатся и в региональных актах — Конвенции о защите прав и основных свобод человека 1950 г.² и Американской конвенции о правах человека 1969 г.³.

Во всех перечисленных выше международно-правовых актах закрепляется право лица на рассмотрение дела судом, созданным на основании закона.

Указанные выше международно-правовые акты, не называя напрямую, все же под судами понимают органы национальных правовых порядков.

Комитет по правам человека отмечал, что «используемое в пункте 1 статьи 14 понятие «суд» означает — независимо от его наименования — орган, который создан на основании закона, является независимым от исполнительной и законодательной ветвей власти или пользуется в конкретных случаях судебной независимостью в принятии решений по правовым вопросам в разбирательствах, являющихся судебными по своему характеру» [6].

Как отмечают в научной доктрине, в практике ЕСПЧ представлено довольно широкое толкование понятия «суд».

Так, согласно практике суда, «суд» означает «юрисдикционный орган, решающий вопросы, отнесенные к его компетенции на основе норм права, в соответствии с установленной процедурой», причем он должен удовлетворять критериям неза-

¹ Пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol (дата обращения: 25.09.2017).

² Статья 6 ЕКПЧ: «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». // Текст Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. см.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

³ Статья 8 АКПЧ: «Каждый человек имеет право на рассмотрение его дела с должными гарантиями и в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, заранее созданным в соответствии с законом». См.: Американская конвенция о правах человека 1969 г. // Международные акты о правах человека. Сборник документов. Изд. 2. М.: Норма-ИНФРА-М, 2002. С. 867–886.

висимости от исполнительной власти, беспристрастности, несменяемости. Кроме того, обвиняемому должны быть представлены соответствующие гарантии¹.

ЕСПЧ также указал, что в понятие «суд» могут входить и органы, которые не являются судами государства («не интегрированы в общую судебную систему государства»)², принимающие «обязывающие решения, которые не могут быть изменены несудебными властями» и имеющие мандат на разрешение дел [13, с. 55].

Широкое толкование понятия «суд» позволило ряду отечественных правоведов кроме государственных судов отнести к нему также иные юрисдикционные органы, такие как «третейские суды (арбитражи), а также другие квазисудебные органы, осуществляющие контрольные функции с атрибутами судебной формы: комиссии по трудовым спорам, иные корпоративные дисциплинарные органы, квалификационные коллегии судей, органы, утверждающие договоры купли-продажи земли, квалификационные коллегии адвокатов и т. п.» [1, с. 88; 2; 11, с. 19–52].

Формирование суда на основании закона относят к институциональному аспекту права на справедливое судебное разбирательство [14, с. 36].

Согласно ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека.

В международных судебных органах могут искать защиту как властные субъекты международного права, так и физические и юридические лица.

Кроме того, возможны ситуации, когда международный судебный орган будет самостоятельно осуществлять свою юрисдикцию в отношении какого-либо лица.

Каким критериям должен отвечать международный орган, осуществляющий судебную юрисдикцию?

В международно-правовой практике были реализованы два способа создания международных судебных органов: в соответствии с международным договором либо на основании решений органов международных межправительственных организаций (например, Международный трибунал по бывшей Югославии, Международный трибунал по Руанде). Возникает вопрос: являются ли такие международные судебные органы «законно созданными»?

Очевидно, что «суд, созданный на основании закона» — это «законно созданный суд».

В международном праве такой разновидности нормативно-правового акта, как закон, не существует. Юристы-международники избегают формулировок «международное законодательство», «международные законы», которые нередко используются в работах политологов, социологов и др., заменяя их на «международное нормотворчество», «международно-правовые акты».

Как отмечал И. И. Лукашук, «идея международной законности не заняла должного места в политическом мышлении» [7, с. 214–216], кроме того, проблема законности не нашла в международно-правовой теории надлежащего отражения. Можно указать лишь на отдельные работы по исследованию аспектов международной законности [7, с. 214–216; 12; 10; 17; 15, с. 7–11; 8, с. 277–285].

Сошлемся еще раз на мнение одного из виднейших советских (российских) юристов-международников И. И. Лукашука, с которым полностью можно согласить-

¹ «Белилос (*Belilos*) против Швейцарии». Решение Европейского суда по правам человека от 29 апреля 1988 г. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461456/ixzz4yowtl426> (дата обращения: 25.09.2017).

² *Campbell and Fell v the United Kingdom* [1984] ECHR 8, para 76. Цит. по: Справедливое судебное разбирательство в международном праве: юридический сборник. БДИПЧ ОБСЕ, 2013. С. 55.

ся: «Юридическое содержание международной законности заключено в признании юридической силы международно-правовых норм, ...; в создании норм в соответствии с существующей системой международного права...», а также «Режим законности распространяется как на правотворческую, так и на правооуществительную стадию. В первом случае он заключается в обеспечении положения, при котором вновь создаваемые нормы будут правомерны в отношении как порядка их принятия, так и их содержания» [7, с. 214–216].

Законно созданным международным судом может считаться суд, созданный в соответствии с нормами международного права, т. е. правомерно созданный суд.

Бесспорно, одним из правомерных способов создания международного суда является международный договор. На основе международного договора между государствами были созданы Международный суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека, Международный уголовный суд. Соглашением между Организацией Объединенных Наций и правительством Сьерра-Леоне от 16 января 2002 г. был учрежден Специальный суд по Сьерра-Леоне («гибридный суд особого рода» [18, с. 145]).

На основе международного договора также был создан Международный Военный трибунал для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергский трибунал), законность которого оспаривалась: «и в ходе самого судебного процесса, и после его проведения находились противники концепции международного правосудия, ставившие под сомнение саму законность проведения Нюрнбергского процесса» [16, с. 25].

Нюрнбергский трибунал упрекали в том, что это был суд победителей над побежденными¹. В то же время необходимо отметить, что Германия, претерпевшая высшую форму политической ответственности — лишение суверенитета, не могла быть стороной международного договора, а отсутствие независимой законодательной, исполнительной и судебной власти в Германии не позволяло привлечь нацистских преступников к ответственности в рамках национального права. Нюрнбергский трибунал предоставил обвиняемым все процессуальные гарантии, признанные на тот период цивилизованными нациями. Принципы Нюрнбергского трибунала были признаны международным сообществом и стали основой современного международного уголовного права².

Другим способом создания международного судебного органа является акт органа международной межправительственной организации. Наибольший резонанс в научной и политической среде вызвала Резолюция 827, принятая Советом Безопасности 25 мая 1993 г., которая предусматривала создание Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ).

В отношении законности учреждения Международного трибунала по бывшей Югославии в правовой доктрине высказываются полярные мнения — от признания его правомерности до резкого неприятия и утверждения, что данный трибунал «является незаконно созданным органом. Соответственно, он не обладает юрисдикцией согласно действующему международному праву, а его решения не имеют

¹ Обвиняемый на Нюрнбергском процессе министр иностранных дел нацистской Германии Иоахим фон Риббентроп писал: «Суд состоял только из представителей держав-победительниц, односторонне заинтересованных в осуждении обвиняемых. Они были судьями в своем собственном деле, что противоречит любому представлению о праве». И. фон Риббентроп. Мемуары нацистского дипломата. Смоленск : РУСИЧ, 1998. С. 294–295.

² Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала. A/RES/96 (I). 11 декабря 1946 года [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/035/52/IMG/NR003552.pdf?OpenElement> (дата обращения: 25.09.2017).

юридически обязательной силы для государств» [9, с. 15–17]. А. Б. Мезяев приводит следующие аргументы: отсутствие юридических оснований для создания Трибунала в резолюции 827; отсутствие полномочий на создание судебных органов у Совета Безопасности и выход им за пределы компетенции; нарушение ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [9, с. 15–17].

Слободан Милошевич в своей защитной речи указал, в частности, на то, что резолюция не может быть источником судебной власти, таковым является только международный договор, а акт о создании трибунала назвал политическим [5].

Сторонники легитимности Трибунала утверждают, что создание суда соответствует Главе VII Устава ООН: действия в отношении угрозы миру, нарушения мира и актов агрессии.

Сторонники нелегитимности МТБЮ стоят на другой позиции: «МТБЮ взял на себя функцию установления индивидуальной уголовной ответственности, а не поддержания или восстановления мира и безопасности» [3, с. 125].

Своим решением Совет Безопасности создал новую норму международного права, обязав государство передать своего гражданина для осуждения международным органом. Вопрос о нормотворческих полномочиях Совета Безопасности в доктрине международного права решен не однозначно. Не всеми юристами признается право Совета Безопасности создавать новые обязательства для государств.

Кроме того, оспаривалось также «право приоритетности Трибунала» (статья «Параллельная юрисдикция»)¹.

Критике в правовой доктрине подвергся также учрежденный в 2006 г. Специальный трибунал по Ливану. Создание данного Трибунала было предусмотрено международным договором между Ливаном и Организацией Объединенных Наций². Однако Соглашение не было ратифицировано Ливаном, и 30 мая 2007 г. Совет Безопасности принял Резолюцию 1757 (2007), в которой было закреплено, что положения Соглашения «об учреждении Специального трибунала по Ливану вступят в силу 10 июня 2007 года, если только правительство Ливана не представит до этой даты уведомление»³. В качестве критики законности данного Трибунала указываются следующие положения: Совет Безопасности «использует главу VII Устава ООН и не учитывает правовую критику механизма создания трибуналов по бывшей Югославии и Руанде»; «рассматриваемое решение Совета Безопасности ООН вряд ли можно признать соответствующим принципу невмешательства во внутренние дела государства»; «вызывает опасение усиливающаяся тенденция к телеологическому толкованию Советом Безопасности ООН главы VII Устава ООН, применение которой в ситуации, когда существование угрозы миру в связи с совершенным уголовным преступлением не констатировалось Советом Безопасности» [4, с. 40].

Кроме того, в государствах могут быть созданы специализированные органы — гибридные суды⁴, которые входят в национальную систему государства, но обладают элементами международности (создаются не только на основе национальных законов, но и в соответствии с международно-правовыми актами, применяют кроме национального права и международное право, в состав суда входят также международные судьи, ответственность наступает, в том числе, за международные преступления). Чтобы подобные суды могли считаться судами, созданными на основании закона, необходимо, чтобы они были учреждены как в соответствии

¹ ICTY, Appeals Chamber, Case no. IT-94-1, Prosecutor v. Dusko Tadic, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, 2 October 1995.

² Соглашение между Организацией Объединенных Наций и Ливанской Республикой об учреждении Специального трибунала по Ливану. Опубликовано в качестве Приложения к Резолюции Совета Безопасности ООН 1757 (2007). Док. ООН: S/RES/1757 (2007).

³ Док. ООН: S/RES/1757 (2007).

⁴ Например, Чрезвычайные палаты в судах Камбоджи.

с нормами международного права, так и в соответствии с национальным правом.

Таким образом, формальное требование, чтобы суд был создан на основании закона в международном праве имеет свое особое толкование.

В ст. 3, общей для Женевских конвенций 1949 г., содержится несколько иная формулировка: «...запрещаются и всегда и всюду будут запрещаться следующие действия в отношении вышеуказанных лиц: ... d) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями».

Несмотря на то, что ст. 3, общая для Женевских конвенций, регулирует отношения в случае вооруженного конфликта немеждународного характера (внутреннего вооруженного конфликта), лица, виновные в нарушении международного гуманитарного права во время конфликтов данного вида, также могут быть привлечены к ответственности международными судебными органами.

Однако категория «надлежащим образом учрежденный суд», а также признаки такого суда в международно-правовых документах не раскрываются. Единственное, что дополняет данное положение, это указание в ст. 3 общей для Женевских конвенций 1949 г. на то, что при вынесении решения судом необходимо наличие судебных гарантий, «признанных необходимыми цивилизованными нациями».

Представляется, что категория «надлежащим образом учрежденный суд» нуждается в правовом обосновании.

Учитывая, что Российская Федерация является одним из ведущих акторов международной политики и принимает участие во многих международных юрисдикционных органах, а также исполняет на своей территории и в отношении своих граждан решения таких органов, проблема «законности» международных судебных и квазисудебных органов представляется чрезвычайно важной и требующей дальнейшего правового исследования.

Литература

1. Алексеева Л. Б. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под общ. ред. В. А. Туманова и Л. М. Энтина. М., 2002.
2. Алексеева Л. Б. Практика применения ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека. Право на справедливое правосудие и доступ к механизмам судебной защиты. М., 2000.
3. Алексич Б. Нарушение МТБЮ процессуального права в процессе профессора Воислава Шешеля // Международный трибунал по бывшей Югославии: Деятельность, результаты, эффективность. Материалы Междунар. научн. конф. (Москва, 22–23 апреля 2009 г.) / отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2012.
4. Волчкович А. И. Особенности правового статуса Специального трибунала по Ливану // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сб. науч. тр. Вып. 2. БГУ, 2010. С. 34–46.
5. Ивашов Л. Г., Маркович М., Мезяев А. Б. и др. Говорят свидетели защиты. Суд над Слободаном Милошевичем. М.: Вече, 2005.
6. Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 32. 23.08.2007. CCPR/C/GC/32 [Электронный ресурс]. URL: <http://humanrts.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom32.html> (дата обращения: 25.09.2017).
7. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юрид. фак. и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005.
8. Малышева Н. И. О теоретических истоках понимания законности в международном праве // Российский ежегодник международного права, 2014. СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2015. С. 277–285.
9. Мезяев А. Б. Основные правовые проблемы создания и деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии // Международный трибунал по бывшей Югославии: Деятельность, результаты, эффективность. Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 22–23 апреля 2009 г.) / отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2012.

10. Неделчев А. И. Международная законность и механизм международно-правового регулирования. Киев, 1985.
11. Рожкова М. А., Глазкова М. Е., Савина М. А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. С. 19–52.
12. Сандровский К. К. Проблемы законности и правопорядка в международных отношениях // Вестник Киевского ун-та: Международные отношения и международное право. 1986. Вып. 23. С. 14–20.
13. Справедливое судебное разбирательство в международном праве: юридический сборник. БДИПЧ ОБСЕ, 2013.
14. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / кол. авторов; под. ред. д-ра юр. наук. Т. Г. Морщаковой. М. : Мысль, 2012.
15. Трикоз Е. Н. Международно-правовая законность (к постановке проблемы) // Международное публичное и частное право. 2006. № 5. С. 7–11.
16. Трикоз Е. Н. О ходе работы Конференции // Материалы Междунар. конф. «Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности» (9–10 ноября 2006 года). М., 2006. С. 23–40.
17. Тюрина Н. Е. Международный правопорядок. Современные проекты совершенствования и преобразования. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1991.
18. Уильямсон Д. А. Обзор международных органов уголовного правосудия, действующих в Африке // Международный журнал Красного Креста. 2006. Т. 88. № 861. С. 137–161.

References

1. Alekseeva L. B. *The comment to the Convention on protection of human rights and fundamental freedoms and practice of its application* [Kommentarij k Konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod i praktike ee primeneniya] / under a general edition of V. A. Tumanov and L. M. Entin. M., 2002. (rus)
2. Alekseeva L. B. *Practice of application of Art. 6 of the European Convention on protection of human rights and fundamental freedoms by the European Court of Human Rights. Right to fair justice and access to mechanisms of judicial protection* [Praktika primeneniya st. 6 Evropejskoj Konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod Evropejskim Sudom po pravam cheloveka. Pravo na spravedlivoe pravosudie i dostup k mekhanizmam sudebnoj zashchity]. M., 2000. (rus)
3. Aleksich B. *Violation of the ICTY of procedural law in the course of Professor Vojislav Seselj* [Narushenie MTBYU processual'nogo prava v processe professora Voislava Sheshelya] // The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia: Activity, results, efficiency [Mezhdunarodnyj tribunal po byvshej YUgoslavii: Deyatel'nost', rezul'taty, ehffektivnost']. Materials of the International scientific conference (Moscow, on April 22–23, 2009) / Ex. edition of E.Yu. Guskov. M. : Indrik, 2012. (rus)
4. Volchkevich A. I. *Features of legal status of Special tribunal for Lebanon* [Osobennosti pravovogo statusa Special'nogo tribunala po Livanu] // Current problems of the international public and international private law: collection of scientific works [Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo publichnogo i mezhdunarodnogo chastnogo prava: sbornik nauchnyh trudov]. Release 2. BSU, 2010. P. 34–46. (rus)
5. Ivashov L. G., Markovic M., Mezyaev A. B. [etc.]. *Affiants of protection speak. Trial of Slobodan Milosovich* [Govoryat svideteli zashchity. Sud nad Slobodanom Milosovichem]. M. : Veche, 2005. (rus)
6. Human Rights Committee. General comment No. 32 [Komitet po pravam cheloveka. Zamechanie obshchego poryadka № 32]. 8/23/2007. CCPR/C/GC/32, URL: <http://humanrts.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom32.html> (rus)
7. Lukashuk I. I. *International law. General part* [Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast']: Tutorial for students of juridical faculties and higher education institutions. 3rd edition. M. : Wolters Kluwer, 2005. (rus)
8. Malysheva N. I. *About theoretical sources of understanding of legality in international law* [O teoreticheskikh istokah ponimaniya zakonnosti v mezhdunarodnom prave] // The Russian Yearbook of international law [Rossijskij Ezhegodnik mezhdunarodnogo prava], 2014. SPb. : SKF "Russia-Neva", 2015. P. 277–285. (rus)

9. Mezyaev A. B. *Main legal problems of creation and activity of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia* [Osnovnye pravovye problemy sozdaniya i deyatel'nosti Mezhdunarodnogo Tribunala po byvshej Yugoslavii] // *International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia: Activity, results, efficiency* [Mezhdunarodnyj tribunal po byvshej Yugoslavii: Deyatel'nost', rezul'taty, ehffektivnost']. Materials of the International scientific conference (Moscow, on April 22–23, 2009) / Ex. edition of E.Yu. Guskov. M. : Indrik, 2012. (rus)
10. Nedelchev A. I. *International legality and mechanism of international legal regulation* [Mezhdunarodnaya zakonnost' i mekhanizm mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya]. Kiev, 1985. (rus)
11. Rozhkova M. A., Glazkova M. E., Savina M. A. *Current problems of standardization of the civil procedural and arbitration procedural legislation* [Aktual'nye problemy unifikacii grazhdanskogo processual'nogo i arbitrazhnogo processual'nogo zakonodatel'stva]: monograph. M. : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation [Institut zakonodatel'stva i sravni- tel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii], 2015. P. 19–52. (rus)
12. Sandrovsky K. K. *Problems of legality and law and order in the international relations* [Problemy zakonnosti i pravoporyadka v mezhdunarodnyh otnosheniyah] // *Messenger of Kiev University: International relations and international law* [Vestnik Kievskogo un-ta: Mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo]. 1986. Issue 23. P. 14–20. (rus)
13. Fair judicial proceedings in international law: legal collection [Spravedlivoe sudebnoe razbi- ratel'stvo v mezhdunarodnom prave: yuridicheskij sbornik]. ODIHR/OSCE, 2013. (rus)
14. *Standards of fair justice (international and national practices)* [Standarty spravedlivogo pravo- sudiya (mezhdunarodnye i nacional'nye praktiki)] / collective of authors; under edition of T. G. Morshchakova. M. : Thought [Mysl'], 2012.
15. Trikoz E. N. *International legality (to statement of a problem)* [Mezhdunarodno-pravovaya za- konnost' (k postanovke problemy)] // *International public and private law* [Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo]. 2006. No. 5. P. 7–11. (rus)
16. Trikoz E. N. *About the course of work of the Conference* [O hode raboty Konferencii] // *Materials of the International conference “Nuremberg Process and Problems of the International Legality”* [Materialy Mezhdunarodnoj konferencii «Nyurnbergskij process i problemy mezhdunarodnoj zakonnosti»] (on November 9–10, 2006). M., 2006. P. 23–40. (rus)
17. Tyurina N. E. *International law and order. Modern projects of improvement and transformation* [Mezhdunarodnyj pravoporyadok. Sovremennye proekty sovershenstvovaniya i preobrazovaniya]. Kazan : Publishing house of Kazan University, 1991. (rus)
18. Williamson D. A. *The review of the international bodies of criminal justice operating in Africa* [Obzor mezhdunarodnyh organov ugovnogo pravosudiya, dejstvuyushchih v Afrike] // *International Journal of the Red Cross* [Mezhdunarodnyj zhurnal Krasnogo Kresta]. 2006. V. 88. No. 861. P. 137–161. (rus)

Исследования имплементации программ в науке государственного и муниципального управления

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-25-32

Ушаков Евгений Владимирович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Доцент кафедры государственного и муниципального управления

Кандидат философских наук

e_uszakow@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются три поколения исследований имплементации государственных программ и современное состояние этого направления, обсуждаются основные достижения и проблемы в этой области, а также необходимость в дальнейших исследованиях. Имплементация сегодня понимается как пространство действий между централизованным контролем верхних государственных уровней и собственной организацией работы исполнителей на местах. Имплементационные процессы контекстчувствительны, существуют также разные стили имплементации. Важным достижением исследований является понимание значимости имплементационной структуры для результата имплементации. Изучение имплементации имеет фундаментальное значение для науки и практики управления, так как помогает прояснить саму реальную практику администрирования и исполнения государственных решений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

имплементация государственных программ, исследования имплементации, государственное управление, государственная политика

Ushakov E. V.

Researches of Programs Implementation in Science of the State and Municipal Management

Ushakov Evgeniy Vladimirovich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management

PhD in Philosophy

e_uszakow@mail.ru

ABSTRACT

The article discusses three generations of policy implementation studies and current state of this field. The main approaches, contributions and issues of implementation research are considered. Implementation at present is understood as a space of actions between centralized control of top management level and decentralized work organization of local implementers. Implementation processes are context-sensitive and there are different implementation styles. Substantial contribution of implementation research consists of understanding of implementation structure significance for implementation outcome. Implementation studies are of fundamental importance for administration since it contribute to clarify a «real life» of administration and of governmental decisions execution.

KEYWORDS

policy implementation, implementation research, public administration, public policy

Термин «имплементация» в науке и практике публичного управления означает выполнение принятого управленческого решения, реализацию той или иной системы

мероприятий. Для повышения эффективности правительственных программ крайне важно знать, что конкретно способствует или препятствует их успеху, как происходит на практике процесс их реализации.

Научные исследования имплементации программ начались в 70-е годы XX в., когда в связи с растущими экономическими сложностями в развитых странах возросла проблема эффективности правительственных мероприятий.

Исследования имплементации — это относительно молодое поле в науке государственного управления. Даже несколько удивительно, что стадия имплементации попала в поле исследователей сравнительно поздно. До этого считалось само собой разумеющимся, что для успеха правительственной программы вполне достаточным является продуманное планирование и принятие решения в отношении программы действий, после чего практическая реализация программы происходит совершенно гладко. Или, точнее, до этого просто отсутствовал интерес исследователей к тому, что же происходит на самом деле после принятия решения, при реализации запланированных мероприятий. Разумеется, единичные исследования на эту тему проводились и раньше, до 70-х годов, но под другими названиями и без устойчивого интереса академического сообщества.

После периода бурного роста этого направления с 1970-х годов далее примерно в 1990-е годы в исследованиях имплементации начинается спад в связи с различными причинами — прежде всего с изменениями в концепциях управления (в это время приходит более рыночно-ориентированный подход). На настоящем этапе вновь наблюдается оживление в этой области, хотя следует отметить, что сам термин «имплементация» стал менее популярным у ученых, и исследования имплементации часто проводятся под другими названиями. Тем не менее проблемы, которые изучаются в этой области, остаются по-прежнему актуальными.

В целом принято выделять три этапа, или поколения исследований имплементации.

Начало изысканий в этой области положила книга Джеффри Прессмана и Арона Вилдавски «Имплементация» (1973), благодаря которой, собственно, и произошло «открытие» этой проблемы [1]. Сам термин «имплементация» получил популярность тоже во многом в связи с влиянием этой работы. Имплементацию (вслед за статьей Э. Харгроува) стало модно называть «недостающим звеном» между планированием мероприятий и их реальными результатами [2].

Для первого этапа исследований в целом был характерен довольно пессимистический взгляд на проблему имплементации. Книга Прессмана и Вилдавски имела выразительный подзаголовок «Как великие ожидания в Вашингтоне разбились в Окланде, или Почему стоит удивляться, что федеральные программы вообще работают». В своем исследовании авторы изучили исполнение программы экономического развития города Окланд (штат Калифорния), которая должна была стимулировать занятость этнических меньшинств. Правительственная программа потерпела фиаско из-за противоречивых действий множества ее участников.

Последовавшие за этой книгой другие исследования «первого поколения» тоже выражали в основном пессимистическую точку зрения, так что некоторые авторы даже стали называть новое направление «исследованием несчастий». В дальнейшем эта ситуация стала более сбалансированной за счет сравнительных исследований, в которых изучались также успешные примеры имплементации. На первом этапе в основном происходило изучение единичных случаев с преобладанием качественных методов исследований.

Второе поколение начинается с 80-х годов XX в.; для него характерен уже несколько более оптимистический взгляд. На этой стадии значительно возросло количество работ, выполненных в сравнительном формате, а также представляющих собой попытки дать связные теоретические модели и объяснения проблемам имплементации.

С первых шагов исследований имплементации стало оформляться различие двух подходов, разногласия между которыми резко обострились на втором этапе исследований.

Один из этих подходов получил название «подход сверху вниз» (его также называют «централизованным», а другой — «снизу вверх» (или «децентрализованный»). Расхождение между ними связано с тем, что сторонники этих подходов совершенно по-разному трактуют сам процесс имплементации программ и общие задачи исследований в этой области.

Первый подход («сверху вниз», top-down) рассматривает имплементацию как структурированный иерархический процесс, в котором разработанное задание «спускается» от властных органов к нижестоящим инстанциям — исполнителям. Любые неудачи в централизованном подходе понимаются как недостатки *административного контроля*. Этот подход изначально выражает собой взгляд на реализацию программ с точки зрения центральных правительственных органов. Соответственно, главная практическая задача исследований в русле централизованного подхода — это создание рекомендаций для властей, чтобы удерживать процесс имплементации под хорошим контролем.

Подход «сверху вниз» стремился разработать некую общую теорию имплементации, на основе которой можно усилить возможности контроля и заранее предусмотреть возможности неудач. В этом подходе был вскрыт ряд причин неудачной имплементации. Например, было показано, что разработки правительственных программ всегда имеют в качестве предпосылок определенные предположения или концепции о причинно-следственных связях и о механизмах изменений, которые должны явиться опорой в достижении поставленных целей. Эти исходные предположения разработчиков могут оказаться ошибочными, что ведет к побочным эффектам или даже полному срыву запланированной программы.

Среди важных достижений этого подхода следует отметить также изучение роли политико-управленческих инструментов, используемых для имплементации. Были разработаны некоторые классификации этих инструментов. Одна из наиболее известных включает регуляторные, финансовые, информационные и организационные средства [3]. Исследования в этом русле привлекли внимание к важности учета связи между выбором политико-управленческих средств и дальнейшей имплементации. Было показано, что те или иные инструменты могут не подходить для различных проблем, связанных с имплементацией.

Второй подход (down-top) отличается тем, что, наоборот, концентрирует внимание на «нижних» этапах выполнения правительственных заданий. Большую роль в становлении этого подхода сыграла знаменитая книга Майкла Липски «Бюрократия уличного уровня: дилеммы индивидуальных и публичных услуг» (1980) [4]. Эта книга стала классикой в области государственного управления. Липски фактически «перевернул» описание политического процесса вверх ногами. Он утверждает в своей книге, что именно бюрократы нижних исполнительных звеньев (которых он называет «бюрократами уличного уровня») и являются реальными полисмейкерами.

М. Липски показал, что подход «сверху вниз» страдает ограниченностью. Планируемая структура четких «вертикальных» воздействий для контроля над выполняемой программой, в общем, не гарантирует конечного результата. Автор демонстрирует, что работники нижних исполнительных звеньев имеют достаточно свободы для самостоятельного принятия решений и вариаций в реализации государственных программ. В итоге именно от них, а не от контроля со стороны высших органов власти, и зависит, как будет интерпретироваться программа непосредственно на местах и какие она принесет результаты. Например, государственная политика в области социальной работы почти полностью зависит от

рядовых социальных служб и их сотрудников, а не от контроля со стороны федеральных агентств.

В частности, участники имплементационного процесса самостоятельно распределяют ресурсы, принимают тактические решения, выполняют задания по работе с клиентами. В конечном счете именно это и определяет, насколько успешной будет та или иная программа. Следует учесть также то, что, как правило, бюрократы «уличного уровня» перегружены текущей работой, поэтому они (что вполне понятно) стремятся облегчить себе жизнь и действовать различными упрощенными приемами (что может приводить к значительному искажению первоначальных правительственных замыслов). Но увеличение персонала не решает проблемы, а лишь увеличивает спрос на те услуги, которые оказывают «уличные бюрократы».

В целом представители подхода «снизу вверх» рассматривают имплементацию как некий рассредоточенный процесс, где действует множество самостоятельных (или почти самостоятельных) участников, где запланированная центральными органами власти программа заново интерпретируется применительно к местным условиям, и где контроль верховной власти не имеет большого значения.

Эти два противостоящих друг другу подхода вырабатывают, соответственно, различные комплексы рекомендаций по имплементации. Так, сторонники «централизованного» подхода склонны уделять больше внимания детальному планированию, ясному изложению целей программы, четкой организации работ, устойчивому контролю, строгой отчетности нижних исполнительных звеньев, сокращению количества непосредственных участников и промежуточных инстанций и т. п.

Сторонники «децентрализованного» подхода больше полагаются на самоорганизацию нижних звеньев, повышение их опыта (научение) непосредственно в ходе имплементации, образование различных неформальных горизонтальных связей между участниками, разработку более гибких стратегий и т. п. В отличие от подхода «сверху вниз», представители децентрализованной точки зрения вполне резонно предлагают концентрироваться не на «достижении цели» правительственной программы, а на «решении проблемы» (problem solving), на которую, собственно, и нацелена имплементируемая программа.

Противостояние этих двух подходов стало одной из ключевых концептуальных проблем на ранних стадиях исследований имплементации.

С 90-х годов XX в. начинается третье поколение исследований имплементации. Одной из важных задач нового этапа было намерение совместить, интегрировать централизованный и децентрализованный подходы, для чего был предложен ряд новых, так называемых «гибридных» моделей (например, таких, как интегрированная модель имплементации и модель неопределенности и конфликта).

Кроме того, была осознана необходимость применения более строгой методологии, которая обеспечила бы более надежные эмпирические результаты. На данном этапе несколько выросло число исследований с применением точных методов (например, статистических). При этом первые поколения исследований были подвергнуты критике как не принешие достаточно надежных, убедительных результатов. Однако, как отмечали некоторые наблюдатели, по пути повышения строгости пошло все же относительно мало исследователей, так что эти цели во многом оказались только декларативными.

Третье поколение исследований имплементации плавно перешло в современный период, для которого характерно некоторое размывание, а также расширение исходной проблематики.

Следует различать терминологически также два разных направления исследований. *Исследования имплементации политики* (policy implementation research) занимаются изучением непосредственных процессов исполнения правительственных программ. Научное направление под названием *наука имплементации*

(implementation science) разрабатывает рекомендации для лучшей «трансляции» правительственных решений в последующее выполнение, а также для более эффективного использования научных знаний на практике.

Если исследования имплементации политики вырастают из самой практики, то наука имплементации (implementation science) отталкивается от другой исходной почвы — от научной деятельности и ее результатов. Основная задача этой области — перенос научных знаний в практику, т. е. наилучшая организация «потока» научных свидетельств в практику, обеспечение практики наилучшими научными данными.

Современные исследования имплементации идут на пересечении нескольких научных областей (социология, политические исследования, экономика, теория организаций, менеджмент и др.). Следует признать, что в начале становления исследований имплементации от них ожидалось довольно много. Ученые полагали, что смогут более-менее быстро найти правильные рецепты для эффективного выполнения государственных программ. Однако эти ожидания оказались завышенными. Картина становится все более сложной, а желаемых рецептов пока получить не удалось. Поэтому общий стиль исследований стал более сдержанным.

В целом крайности противостоящих друг другу подходов «сверху вниз» и «снизу вверх» преодолены или, по крайней мере, смягчены. Имплементация воспринимается сегодня как некое пространство действий, находящихся «между» централизованным контролем верхних правительственных уровней и собственной организацией работы исполнителей на местах.

Кроме того, за время изучения этой проблемы исследователи поняли, что стадия имплементации, хотя и имеет важное самостоятельное значение, во многом является продолжением того, что происходило на предыдущих стадиях политико-управленческого цикла. Те ошибки, которые были совершены на предыдущих этапах во время принятия решения и планировании конкретных мероприятий (в том числе политико-управленческих инструментов), далее «переносятся» на стадию имплементации.

Многие признают точку зрения известного политического исследователя Юджина Бардача, который рассматривает имплементацию как продолжение политической игры, которая ведется на предыдущих стадиях [5]. С этой перспективы имплементация не является чисто «технической» административной активностью, а имеет *политизированный* характер. Политический конфликт (скрытый или явный) продолжается и в процессе имплементации. Все это, разумеется, сказывается на процессах и результатах выполнения программ.

Родственная точка зрения свойственна и популярной теории лоббирующих коалиций (П. Сабатье, Х. Дженкинс-Смит и др.). Эта теоретическая модель отвергает имплементацию вообще как четкую отдельную фазу политического цикла и рассматривает сложные, меняющиеся отношения между большим числом политических игроков и их коалиций. Имплементация с этой точки зрения может быть понята как продолжающееся взаимодействие акторов с разными ценностями, знаниями, интересами и т. п., которое начинается еще с формирования повестки дня и разработки политики. В итоге некоторые исследователи этой проблемы даже стали больше интересоваться более ранними стадиями политико-управленческого цикла, чем собственно имплементацией.

Определенную роль на современном этапе играет также так называемый «интерпретативный поворот», характерный для многих социальных наук, в основе которого лежит парадигма постпозитивизма. Интерпретативно-ориентированные исследования имплементации уделяют большое внимание собственным *смыслам*, которые придают задачам, целям, ценностям, связанным с реализацией программы, ее участники, объединяющиеся в те или иные сети. В частности, в этом на-

правлении подчеркивается, что исполнители правительственных решений имеют свое видение, которое может отличаться от официального. Для успеха имплементации критически важно, чтобы ее участники (в том числе и целевые популяции, которым адресована программа) смогли прийти к согласию в ее смыслах, выработать некое единое понимание и скоординировать свои действия. В этой связи некоторые авторы говорят о необходимости развить особую «консенсусную теорию имплементации» [6].

Немаловажную роль в обновлении тематики и методологии исследований имплементации сыграло обращение к международному опыту. Исследователи вышли за рамки исследований, ограниченных пределами одной страны. Здесь особенно сказалось изучение европейского опыта реализации программ в рамках Евросоюза. Межстрановые сравнения дали очень полезный материал, отражающий значимость национальных особенностей, включающих культурные, институциональные, организационные и другие различия. Они позволили высветить важные «внешние» по отношению к политико-управленческим рамкам факторы, которые до этого не попадали в поле зрения исследователей.

В русле этих сравнительных исследований стало использоваться такое новое понятие, как «стиль имплементации», которое как раз отражает комплекс взаимосвязанных особенностей управленческой деятельности в тех или иных социальных условиях и которое указывает на важность контекстного окружения (экономического, политического, культурного и др.) в разработке и реализации правительственных программ.

С другой стороны, следует отметить, что на современном этапе исследования имплементации сталкиваются со многими трудностями, поэтому прогресс в этой области, скорее, постепенный и неспешный. К основным проблемам этой области можно отнести следующие. Это множественность подходов и точек зрения; отсутствие объединяющих теоретических концепций; фрагментированность исследований (когда научные работы посвящаются каким-то конкретным случаям без связи с другими исследованиями); разногласия по поводу ключевых терминов и подходов.

Еще одним важным недостатком в этой области стало то, что авторам не удалось связать содержание имплементации с предыдущими стадиями политико-управленческого цикла. Несмотря на понимание важности ранних стадий цикла (и, как говорилось выше, понимание цены ошибок, совершаемых там), ученые не смогли построить убедительные концепции, которые связывали бы имплементацию с предыдущими стадиями. Таким образом, имплементация осталась в некотором смысле самостоятельным и относительно самодостаточным объектом изучения. Поэтому установление более глубокой связи с другими стадиями цикла является открытой проблемой на будущее.

В области методологии наиболее популярными продолжают оставаться исследования единичных случаев (кейс-стади), хотя значительно выросло количество сравнительных исследований, в том числе межстрановых сравнений. Этот поворот стоит приветствовать, так как методология сравнительных исследований (компаративистика) довольно хорошо разработана, а сами сравнительные исследования дают возможность более ярко высветить влияние тех или иных факторов на процессы имплементации.

Многие авторы призывают отойти от установившейся качественной методологии и больше использовать методологические дизайны с использованием статистики.

За десятилетия в исследованиях имплементации было открыто немало барьеров на пути успешного выполнения правительственных программ (барьеров административных, организационных, политических, социокультурных и др.), а также факторов, которые могут способствовать успеху. Было показано, что многие трудности

можно предусмотреть заранее, а также принять заблаговременные меры на стадии формирования политики и принятия решений.

Одним из существенных уроков исследований реализации правительственных программ (особенно в русле «сверху вниз») явилась идея о том, что имплементация должна быть более четко спланирована и даже (там, где это возможно) формализована. Например, в 2003 г. Вашингтонский институт для общественной политики (Washington State Institute for Public Policy) по заказу правительств некоторых американских штатов установил стандарты по имплементации программы ювенальной юстиции. Программа оказалась успешной, так как содействовала значительному снижению уровня подростковой преступности и числа тюремных заключений подростков.

Важным достижением явилось также понятие «имплементационной структуры», под которой понимается конкретная совокупность институтов и организаций, участвующих в реализации программы. У исследователей, в общем, сложилась единая точка зрения по поводу того, что на стадии планирования необходимо уделять больше внимания тем структурам, на которые будут возложены задачи практического выполнения правительственных мер, оценивать, подходят ли они для этих задач. Как правило, чаще всего правительство имеет дело с уже сложившимися институтами, которые не всегда адекватны новым заданиям.

Поэтому с самого начала должна проводиться оценка исполнительных звеньев, изучаться их организация, наличие соответствующих полномочий, достаточная гибкость и возможность образования дополнительных межинституциональных и межорганизационных связей. (Здесь особенно повлияли исследования в русле «снизу вверх».) При необходимости следует перестраивать или создавать институты и организации, которые должны составить имплементационную структуру.

Исследования имплементации имели и более широкое значение для науки о государственном управлении. Они сыграли немалую роль в изменении взглядов на стандартную схему политико-управленческого цикла. Результаты исследований продемонстрировали, что формирование политики продолжается дальше (после завершения официальной стадии) на нижележащих уровнях управления, причем довольно существенным образом. Они значительно повлияли на то, что традиционная концепция управления стала подвергаться критике, а внимание ученых стало смещаться в большей степени к неиерархическим, горизонтальным отношениям и связям, к изучению конкретных форм взаимодействия «государство — общество» в современных условиях.

Исследования имплементации способствовали также пересмотру основополагающего различия «политика — администрирование» с новых точек зрения. Так, они показали (прежде всего, в русле подхода «снизу вверх») более сложную природу административных бюрократий, наличие у них собственных политик и достаточной степени самостоятельности для того, чтобы значительно влиять на успехи или провалы реализации государственных программ.

Фундаментальное значение этих исследований (особенно тех, что идут «изнутри» имплементации) состоит в том, что они изучают саму живую ткань администрирования и исполнения государственных решений. Они проясняют реальную практику управления, с ее текущими проблемами, отклонениями и изменениями на местах по самым разнообразным причинам, в том числе — демонстрируют роль муниципальных структур в реализации их «отдельных государственных полномочий» (как это называется в муниципальном праве).

Уже само понятие «стиля имплементации», появившееся в сравнительных исследованиях имплементации, дает хорошее приближение к пониманию реальных, контекстно-определенных и контекстно-чувствительных административных практик.

С точки зрения методологии, здесь могут принести немалую пользу так называемые этнографические методы, которые позволяют дать детальное описание практик и взаимодействий. Этнографические методы представляют собой довольно развитую группу самостоятельных методологий, широко применяемых в различных социальных науках.

По всей видимости, изучение имплементации откроет еще много перспектив и новых интересных линий исследований, которые помогут найти пути к более глубокому пониманию работы исполнительной власти, взаимодействия уровней власти, адаптации программ к местным условиям. Таким образом, потенциал этих исследований на самом деле еще далеко не раскрыт.

Литература/References

1. *Pressman J., Wildavsky A.* Implementation. Berkeley : University of California Press, 1973.
2. *Hargrove E. C.* The Missing Link: The Study of the Implementation of Social Policy. Washington, DC : Urban Institute, 1975.
3. *Mayntz R.* Public Bureaucracies and Policy Implementation // International Social Science Journal. 1979. N 31 (4). P. 633–645.
4. *Lipsky M.* Street-level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services. NY : Russell Sage Foundation, 1980.
5. *Bardach E.* The implementation game: what happens after a bill becomes a law. Cambridge : The MIT Press, 1980.
6. *Leon de P., Leon de L.* What Ever Happened to Policy Implementation // Journal of Public Administration Research and Theory. 2002. N 12 (4). P. 467–492.

Проблемы взаимодействия ЕАЭС и ЕС

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-33-39

Заславская Наталья Генриховна

Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент кафедры европейских исследований
Кандидат исторических наук, доцент
zaslavsk@mail.sir.edu

РЕФЕРАТ

Статья посвящена проблемам взаимодействия ЕАЭС и ЕС на настоящем этапе. Актуальность исследования определена значением региональных интеграционных проектов в современной системе международных отношений и активизацией межрегионального сотрудничества. В статье проанализированы основные проблемы, мешающие развитию отношений между евразийским и европейским интеграционными проектами, включая политические, институциональные, геополитические, концептуальные и ценностные проблемы. В результате проведенного исследования был сделан вывод о доминировании политической мотивации над экономической. Практическая значимость статьи заключается в выявлении основных факторов, препятствующих развитию сотрудничества между двумя интеграционными блоками.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ЕАЭС, ЕС, региональная интеграция, международное сотрудничество, межрегиональное сотрудничество

Zaslavskaya N. G.

Challenges to Interaction between EAEU and EU

Zaslavskaya Natalia Genrikhovna

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Associate professor of the Chair of European Studies
PhD in History, Associate Professor
zaslavsk@mail.sir.edu

ABSTRACT

This article is devoted to the current challenges to interaction between the EAEU and EU. It is a highly crucial issue for academic research due to significant role of regional integration project in the contemporary international system and growing cooperation between various regions. In the article, major problems undermining cooperation between the Eurasian and the European integration project were examined. These problems included such issues as political, institutional, geopolitical, conceptual contradictions and values differences. As a result of this research, it was demonstrated that political interests and reasoning prevail over economic interests and reasoning. The practical importance of this article is determined by evaluation of major issues preventing cooperation between the two integration alliances.

KEYWORDS

EAEU, EU, regional integration, international cooperation, interregional cooperation.

Интеграционные процессы в европейском и евразийском регионах играют важную роль в современной системе международных отношений. Они влияют не только на возможности государств, участвующих в интеграционных проектах, и их население, но и на общие тенденции развития мировой экономики и международных отношений, политическую и экономическую ситуацию в третьих странах и жизнь народов, проживающих в других регионах. Поэтому очевидно значение того, каким образом складываются отношения таких региональных интеграционных проектов. В случае

с Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом наблюдаются серьезные проблемы, которые мешают им эффективно взаимодействовать. В данной статье анализируются ключевые факторы, которые определяют проблемный характер отношений ЕС и ЕАЭС.

Начнем с анализа общего контекста, в рамках которого развиваются европейский и евразийский интеграционные проекты и который, безусловно, влияет на их взаимодействие. В качестве такого контекста следует рассматривать современную систему международных отношений, для которой характерны такие особенности, как повышение значения регионального уровня, усиление роли регионов, активное создание региональных объединений или даже интеграционных объединений, сотрудничество между регионами. Активизация региональных процессов в современном мире имеет объективные причины. Во-первых, этому способствовало исчезновение биполярной системы. Если в годы холодной войны ключевую роль играли события на глобальном уровне, взаимодействие между сверхдержавами, которые во многом определяли ситуацию в различных регионах, например, в Европе, то в настоящее время появилась возможность для более активной политики со стороны региональных держав. Во-вторых, глобализация и сложная взаимозависимость способствуют специализации регионов, которым выгоднее развивать те сектора экономики, в которых они могут использовать свои конкурентные преимущества. В результате все больше проявляются особенности регионов в зависимости от их роли в мировой экономике, а также растет интерес к сотрудничеству с другими регионами, которые могут поставлять недостающие товары и услуги. В-третьих, либерализация мировой торговли и заинтересованность регионов в расширении рынков сбыта своей продукции также способствуют развитию межрегиональных связей. Регионы стремятся укрепить свое место в современных международных отношениях, в мировой экономике, более активно участвовать в процессе глобализации [3]. Получается, что усиление значения регионального уровня связано как с политическими, так и с экономическими причинами, но большее значение принято уделять экономической мотивации регионов, их заинтересованности специализироваться в наиболее благоприятном секторе, использовать свои конкурентные преимущества, расширить рынок сбыта для своих товаров и услуг. При этом зачастую экономические интересы помогают решать политические проблемы, так европейская интеграция помогла решить проблему Германии в Европе и обеспечить безопасность в долгосрочной перспективе, евразийская интеграция дает возможность государствам на постсоветском пространстве активно сотрудничать, преодолеть взаимное недоверие. Кажется, государства, как рациональные акторы, сами заинтересованы в участии в интеграционных проектах [2]. Кроме того, региональным объединениям государств выгодно сотрудничать с другими регионами либо в силу географической близости, либо по причине экономической взаимозависимости.

Исследователи постарались дать теоретическое объяснение усилению регионов. Наиболее полно проблемы регионального сотрудничества рассматриваются в рамках различных интеграционных теорий (неофункционализма, межправительственного и либерального межправительственного подходов, неoinституционализма, синтетических теорий). Системные изменения роли регионов оцениваются представителями нового регионализма [7]. Ученые также пытаются оценить перспективы межрегионального сотрудничества, предлагают такие концепции, как «мега-регионализм» и «регионализации 2.0.» [2; 5; 8].

В последние десятилетия по всему миру наблюдается активная реализация интеграционных проектов: Европейский союз и Европейская ассоциация свободной торговли в Европе, Евразийский экономический союз на постсоветском пространстве, Североамериканская зона свободной торговли, Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, Андское сообщество, Общий рынок стран Южной

Америки и Союз южноамериканских наций в Америке, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии и Совет Сотрудничества арабских государств Персидского залива в Азии, Союз Арабского Магриба, Восточноафриканское сообщество, Экономическое сообщество стран Западной Африки, Западноафриканский экономический и валютный союз, Экономическое сообщество стран Центральной Африки, Сообщество сахело-сахарских государств, Общий рынок для Восточной и Южной Африки на африканском континенте. Конечно, многие из этих проектов начали реализовываться еще во время холодной войны, но с начала 90-х гг. они стали более активно развиваться, как это было с процессом европейской интеграции.

Традиционно интеграционные объединения выстраивали отношения с третьими странами на основе двусторонних соглашений, а не в рамках региональных форматов. Но даже такие двусторонние связи потенциально способны привести к формированию мегарегионов, как в случае переговоров между участниками европейской интеграции и североамериканскими странами. Переговоры Евросоюза с Канадой привели к подписанию в 2016 г. Всеобъемлющего экономического и торгового соглашения. Еще более амбициозные планы были связаны с Соединенными Штатами. С 2013 г. ЕС вел переговоры с США о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). До этого были сформированы другие формы взаимодействия Евросоюза и США, например, Трансатлантическое экономическое партнерство (с 1998 г.) и Трансатлантический экономический совет (с 2007 г.). Но создание ТТИП обеспечило бы переход на кардинально новый уровень сотрудничества и формирование крупнейшей зоны свободной торговли в мире, повлияв на современную систему международных отношений.

Постепенно интеграционные объединения в дополнение к контактам со странами стали налаживать межрегиональное сотрудничество, например, межрегиональное сотрудничество с Меркосур (с 1999 г.), с которым ЕС еще с 2000 г. проводит переговоры о межрегиональной зоне свободной торговли с Меркосур, партнерство ЕС с Африкой (с 2007 г.), которое определило долгосрочные рамки для развития дальнейшего сотрудничества Евросоюза и Африки.

Если обратиться к ситуации в евразийском регионе, то изначально Евросоюз выстраивал отношения с конкретными странами этого региона, опираясь на уже сложившийся опыт взаимодействия с третьими странами, предлагая торговые и экономические соглашения, соглашения о партнерстве и сотрудничестве или соглашения об ассоциации. Постепенно ЕС стал развивать диверсифицированный подход в отношении различных регионов. Евразийский регион частично затрагивался Северным измерением, а затем стал объектом для Европейской политики соседства и Восточного партнерства. Но эти региональные программы ЕС определяются внутри Евросоюза, на основе процедур принятия решений ЕС. В результате их критикуют за то, что они плохо учитывают различия между странами соседних регионов и не отражают интересы партнеров, в большей степени ориентируясь на собственно европейские интересы. Скорее всего формат межрегионального сотрудничества был бы выгоднее для стран евразийского региона, поскольку они в большей степени смогли отстаивать свои интересы, причем это касается как европейского/западного направления, так и азиатского/восточного направления. Можно сослаться на мнение члена коллегии Евразийской экономической комиссии Т. Валовой: «Мы считаем, что это (создание крупных партнерств. — Ред.) совершенно нормальный тренд», «ЕАЭС... нужно иметь сбалансированные партнерства: западное с ЕС, и восточное с Китаем и другими государствами АТР»¹.

¹ РИА Новости, «ЕЭК: транстихоокеанское партнерство открывает ЕАЭС новые возможности». 01.12.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/economy/20151201/1333541346.html> (дата обращения: 02.09.2017).

Казалось бы, развитие межрегионального сотрудничества является ярко выраженной тенденцией современных международных отношений, но обстоятельства не всегда складываются благоприятно для таких проектов. Чаще всего речь идет о политических силах, отстаивающих интересы конкретного государства или региона, воспринимающих межрегиональные проекты как угрозу национальным/региональным интересам, производителям, традициям. Действительно, межрегиональные проекты вместе с определенными выгодами несут и некоторые потери, если выигрывают обычно конкурентоспособные производители, то дотируемые государством производители, которые неспособны выдержать конкуренцию в рамках межрегионального торгового пространства, чаще всего проигрывают. Примером такой национальной силы, выступающей против межрегиональных пространств, является президент США Д. Трамп, который считает, что Транстихоокеанское партнерство и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство угрожают американским производителям и подрывают национальные интересы. В качестве иллюстрации региональной силы, критикующей межрегиональный проект, можно вспомнить Валлонию и ее действия против соглашения ЕС с Канадой. Для ратификации документа требовалось согласие не только государств-членов, но в случае с Бельгией и региональных властей. Однако парламент Валлонии выступил против заключения соглашения с Канадой. Основные претензии бельгийского региона были связаны с международным арбитражем, сельскохозяйственными и природоохранными вопросами. Только после согласия валлонского парламента документ был подписан.

Отношения ЕС и ЕАЭС складываются непросто [4]. Эксперты признают наличие областей для взаимовыгодного сотрудничества, прежде всего, торговлю и инвестиции [6; 9]. Для стран ЕАЭС Евросоюз является основным торговым партнером (с общими объемами торговли более 148 долл. млрд), для Евросоюза Евразийский экономический союз является третьим торговым партнером. Россия и Казахстан активно инвестируют в страны Евросоюза. Кроме того, население стран-членов ЕАЭС положительно относится к Евросоюзу и одобряет потенциальную возможность сотрудничества с ЕС. Тем не менее пока существующие проблемы мешают сторонам договориться. Рассмотрим, о каких именно проблемах идет речь. Их можно разделить на несколько групп. К первой группе отнесем институциональные проблемы. Прежде всего речь идет о трудности принятия решений каждым региональным проектом в рамках действующих процедур. В ЕАЭС решения в основных институтах, включая Совет Евразийской экономической комиссии, Евразийский межправительственный совет и Высший Евразийский экономический совет, принимаются на основе консенсуса. В Евросоюзе вопросы, связанные с сотрудничеством с третьими странами или региональными блоками, должны решаться в Европейском совете и Совете ЕС на основе единогласия [1]. Существующие процедуры, определяющие принципы принятия решений, когда необходимо обеспечить консенсус или единогласие, являются межправительственными по своему характеру и фактически наделяют каждое государство, участвующее в союзе, силой заблокировать соглашение. Институциональные проблемы наиболее остро проявляются в Европейском союзе, поскольку на настоящий момент в нем участвует 28 государств. Некоторые из этих государств недостаточно заинтересованы в сотрудничестве с ЕАЭС, а некоторые скептически относятся к самому евразийскому интеграционному проекту, считая его попыткой воссоздания Советского Союза. В результате Евросоюзу сложно прийти к единому мнению. К институциональным проблемам можно отнести непонимание со стороны ЕС того, с каким официальным лицом или институтом следует вести переговоры в ЕАЭС. Европейцы полагают, что евразийский проект развивается в основном за счет поддержки России, поэтому и принципиальные переговоры скорее всего надо вести не с коллегами из институтов ЕАЭС, а с российским руководством. Именно поэтому президент Европей-

ской комиссии Ж.К. Юнкер осенью 2015 г. направил письмо об общении между региональными объединениями российскому президенту В.В. Путину, а не в институты ЕАЭС. Наконец, еще одной институциональной проблемой можно считать неучастие Беларуси в ВТО, что осложняет согласование торговых вопросов. Правда, Беларусь с 2016 г. начала переговоры по вопросу присоединения к ВТО.

В другую группу можно объединить проблемы политического характера. К ним следует отнести разногласия между Россией и странами Евросоюза, как по ситуации непосредственно в евразийском регионе (в Южной Осетии, Абхазии и на Украине), так и по ситуации за пределами региона (в Сирии). Казалось бы, политические и экономические вопросы можно разделить, если ориентироваться на общие интересы, принимать все решения прагматично и, не обращая внимания на политические разногласия, содействовать торговым отношениям. Однако, как показывают отношения между Россией и Евросоюзом с 2014 г., уйти от политических проблем не удалось, они привели к взаимным санкциям и крайне негативным экономическим последствиям для обеих сторон.

Еще одна группа проблем, мешающих развитию отношений ЕС и ЕАЭС, связана с влиянием элит на интеграционные проекты. Надо сказать, что в каждом случае есть свои особенности, которые зависят от интересов и ценностей политической элиты в каждом регионе. Элиты хорошо представляют собственные интересы, но зачастую не понимают интересы других элит и недооценивают существующие противоречия. Наиболее серьезные разногласия связаны с ценностными различиями. А ведь именно ценности влияют на интерпретацию событий, на восприятие международных акторов и на тот нарратив, который элиты начинают транслировать. Зачастую именно ценности мешают элитам принимать рациональные решения, действовать, руководствуясь взаимовыгодными интересами, и в итоге сотрудничать в экономической области, не обращая внимания на политические проблемы. Соответственно, различия между элитами и отсутствие взаимопонимания негативным образом влияют на потенциальную возможность для региональных объединений перейти к более активному взаимодействию.

Отдельно следует выделить геополитические проблемы. Во-первых, речь идет о традиционных геополитических приоритетах. Для Европейского союза наиболее благоприятным выглядит взаимодействие со странами Северной и Латинской Америки, это те регионы, с которыми в первую очередь ЕС развивает свои торговые отношения, с которыми в первую очередь реализовываются попытки создания межрегиональных форматов. Во-вторых, надо учитывать значение внешних акторов: США и КНР. Соединенные Штаты активно вмешиваются в события в европейском и евразийском регионах, оказывают влияние, лоббируют свои интересы. КНР также стремится защитить свои интересы в Европе и на постсоветском пространстве, активизирует двустороннее сотрудничество со странами евразийского региона, участвует в ШОС, продвигает «Новый шелковый путь». Получается, что потенциальное сотрудничество ЕС и ЕАЭС пока проигрывает геополитическую конкуренцию с другими проектами.

К следующей группе вопросов, осложняющих взаимодействие ЕС и ЕАЭС, можно отнести концептуальные различия. Конечно, и в европейском регионе, и в евразийском регионе неоднократно предпринимались попытки концептуального осмысления перспектив развития отношений между регионами, но сторонам было сложно договориться как о самих концепциях, так и об их содержании. Первая концепция — общий европейский дом, поддерживалась как советским лидером (М.С. Горбачевым), так и лидером западноевропейской страны (Ф. Миттераном). Но потом между ЕС и РФ стали происходить концептуальные разногласия. Евросоюз предлагает концепцию Большой Европы, но потом на ее основе формирует Европейскую политику соседства, которая становится основным инструментом

политики ЕС в отношении соседей на востоке и юге. Эта политика закрепляет инициативу за Евросоюзом, а страны Евразийского региона воспринимаются объектами политики ЕС. Россия же наоборот интерпретировала Большую Европу, как пространство от Лиссабона до Владивостока с возможностью реализации общих экономических и других проектов. Президент Беларуси А. Г. Лукашенко выдвинул идею «интеграции интеграций», в основе которой необходимость сотрудничества между интеграционными проектами для решения общих проблем. Министр Евразийской экономической комиссии Т. Валовая поддерживает идею трансевразийского партнерства, считая, что ЕАЭС необходимо «взаимодействовать и с Европой, и со странами АТР — это и есть выстраивание двух треков одного процесса»¹.

Наконец, необходимо учитывать и те проблемы, которые возникают между ЕС и ЕАЭС при обсуждении конкретных аспектов сотрудничества, прежде всего, возможные пути сближения стандартов качества. Существует несколько вариантов сближения законодательства: путем взаимных уступок, использование стандартов преимущественно либо ЕС, либо ЕАЭС, на основе общих международных стандартов, например, стандартов, устанавливаемых Международной организацией по стандартизации (ИСО) и Европейской экономической комиссией ООН (ЕЭК ООН). Преимуществом этого варианта является тот факт, что в ИСО и ЕЭК ООН участвуют все государства ЕС и ЕАЭС [9].

Таким образом, можно констатировать, что в отношениях ЕС и ЕАЭС наблюдается доминирование политических аспектов над экономическими. Казалось бы, экономически европейский и евразийский регионы заинтересованы в сотрудничестве, поскольку экономически они удачно дополняют друг друга. Однако два интеграционных проекта пока не могут найти основу для сотрудничества. Политические и концептуальные разногласия, конкурирующие геополитические приоритеты, отличающиеся ценности и разное видение возможного взаимодействия мешают развитию сотрудничества. Если все-таки получится преодолеть существующие разногласия, то оба региона смогут выиграть. Это позволит ЕС и ЕАЭС активнее отстаивать свои позиции в мировой экономике XXI в.

Литература

1. Глиттова Я., Косов Ю. В. Сравнительный институционально-политический анализ европейской и евразийской интеграции // Управленческое консультирование. 2016. № 7. С. 27–40.
2. Зевин Л. З. Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 8. С. 26–33.
3. Косов Ю. В., Торопыгин А. В. Фактор торговли в глобальных и региональных международных отношениях // Управленческое консультирование. 2016. № 11. С. 8–17.
4. Лагутина М. Л. ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях // Управленческое консультирование. 2015. № 11. С. 124–136.
5. Лисоволик Я. Мегаломания мегаблоков // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 6. С. 152–163.
6. Ткаченко С. Л. Позитивная повестка диалога ЕАЭС и ЕС в новых геополитических условиях // Диалог: политика, право, экономика. 2016. № 2. С. 19–30.
7. Hettne B., Söderbaum F. Theorizing the Rise of Regionalism // New Political Economy. Vol. 5 (3), 2000. P. 457–474.
8. Van Langenhove L. Building Regions: The Regionalization of the World Order. Ashgate Publishing, 2011.
9. Vinokurov E., Pereboyev V. Mapping The Potential EU-EAEU Cooperation Agenda: readmission agreements, visa-free regime, labour migration, mobility of pensions, large-scale educational

¹ РИА Новости. Валовая: ЕвразЭС и ЕС надо обсудить тему единого экономического партнерства, 20.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/economy/20161020/1479641363.html> (дата обращения: 02.09.2017).

References

1. Glittova Ya., Kosov Yu. V. *Comparative institutional and political analysis of European and Eurasian integration* [Sravnitel'nyi institutsional'no-politicheskii analiz evropeiskoi i evraziiskoi integratsii] // Administrating consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 7. P. 27–40. (rus)
2. Zevin L. Z. *Megaregions in a Globalizing Economy* [Megaregiony v globaliziruyushchemsya khozyaistve] // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2016. Vol. 60. N 8. P. 26–33. (rus)
3. Kosov Yu. V., Toropygin A. V. *Trade factor in global and regional international relations* [Faktor trgovli v global'nykh i regional'nykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh] // Administrating consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 11. P. 8–17. (rus)
4. Lagutina M. L. *EU and EAEU: problems and prospects of cooperation in the contemporary geopolitical realities* [ES i EAES: problemy i perspektivy sotrudnichestva v sovremennykh geopoliticheskikh realiyakh] // Administrating consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 11. P. 124–136. (rus)
5. Lisovolik Ya. D. *Megalomania of megaregions* [Megalomaniya megablokov] // *Russia in Global Affairs* [Rossiya v globalnoy politike]. 2015. Vol. 13. N 6. P. 152–163. (rus)
6. Tkachenko S. L. *Positive agenda of EAEU and EU dialogue in new geopolitical conditions* [Pozitivnaya povestka dialoga EAES i ES v novykh geopoliticheskikh usloviyakh] // Dialogue: politics, law, economics [Dialog: politika, pravo, ekonomika]. 2016. N 2. P. 19–30. (rus)
7. Hettne B., Söderbaum F. *Theorizing the Rise of Regionalism* // *New Political Economy*. Vol. 5 (3), 2000. P. 457–474.
8. Van Langenhove L. *Building Regions: The Regionalization of the World Order*. Ashgate Publishing, 2011.
9. Vinokurov E., Pereboyev V. *Mapping The Potential EU-EAEU Cooperation Agenda: readmission agreements, visa-free regime, labour migration, mobility of pensions, large-scale educational exchanges, recognition of professional diplomas and certificates*. Working Paper WP 16-013, International Institute for Applied Systems Analysis. 16 September 2016.

Исследование инвестиционной деятельности в странах Евразийского экономического союза

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-40-46

Гибадуллин Артур Артурович

Московский технологический институт

Доцент кафедры энергетики

Государственный университет управления (Москва)

Доцент кафедры экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе

Кандидат экономических наук

11117899@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье представлены предпосылки формирования международных организаций, в основе которых — механизмы объединения национальных отраслей и государств. Российская Федерация в настоящее время является активным участником экономических и политических союзов, и зачастую выступает инициатором создания наднациональных альянсов на территории бывшего Советского Союза. На сегодняшний день функционируют несколько межгосударственных организаций, наиболее успешным принято считать Евразийский экономический союз, в рамках которого уже сформированы общие рынки товаров и услуг, обеспечивается свободный переток рабочей силы и капиталов, поставлены стратегические задачи по конвергенции национального промышленного производства в общий наднациональный комплекс. В этой связи, актуальным представляется исследование, посвященное вопросам инвестиционной деятельности в государствах-членах Евразийского экономического союза. Проведенный анализ показал, что инвестиции в основной капитал на душу населения в Беларуси, Казахстане и России, в среднем, одинаковы, а в Армении и Кыргызстане меньше в четыре раза. По источникам финансирования инвестиции образуются, в основном, за счет собственных средств предприятий и организаций, бюджетных ассигнований и заемных средств кредитных организаций. В завершение статьи предложены механизмы привлечения инвестиций на наднациональном уровне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Евразийский экономический союз, национальные государства, инвестиции в основной капитал, инвестиционная деятельность, национальная экономика, виды экономической деятельности

Gibadullin A. A.

Investigation of the Investment Activity of the Eurasian Economic Union

Gibadullin Artur Arturovich

Moscow Institute of Technology (Russian Federation)

Associate Professor of the Chair Power Engineering

State University of Management (Moscow, Russian Federation)

Associate Professor of the Chair Economics and Management in the Fuel and Energy Complex

PhD in Economics

11117899@mail.ru

ABSTRACT

The article presents the prerequisites for the formation of international organizations based on mechanisms for the unification of national industries and states. The Russian Federation is currently an active participant in economic and political alliances, and often initiates the creation of supranational alliances in the territory of the former Soviet Union. To date, several interstate organizations are functioning, the most successful is the Eurasian Economic Union, within which common markets for goods and services have been formed, a free flow of labor and capital is provided, and strategic tasks have been set for convergence of national industrial production into a common supranational complex. In this connection, the study devoted to the issues of investment

activity in the member states of the Eurasian Economic Union is relevant. The analysis showed that the investment in fixed capital per capita in Belarus, Kazakhstan and Russia is on average the same, while in Armenia and Kyrgyzstan it is four times less. According to sources of financing, investments are formed, mainly, at the expense of own funds of enterprises and organizations, budget appropriations and borrowed funds of credit institutions. At the end of the article, mechanisms of attraction at the supranational level are proposed.

KEYWORDS

Eurasian Economic Union, national states, investments in fixed assets, investment activities, national economy, types of economic activity

Развитие современных национальных государств невозможно представить без взаимодействия с соседними странами по актуальным проблемам политического и экономического характера, которое приводит к формированию международных наднациональных объединений. Основопологающим элементом интеграции является сближение национальных экономик по всем сферам деятельности с целью формирования общих стратегических планов на наднациональном и национальном уровне. За последние 70 лет были сформированы 125 интеграционных группировок, часть из них успешно функционирует, но большинство остаются статусными и формальными площадками [4].

Распад Советского Союза позволил Российской Федерации развиваться по-новому, в том числе за счет вступления в международные союзы и альянсы, а в последние годы наблюдаются тенденции по формированию интеграционных объединений, неформальным лидером которых является Россия. Первым, интеграционным союзом стало Содружество Независимых Государств (СНГ), которое недавно отметило свое 25-летие, но за это время в СНГ не были достигнуты и реализованы прорывные экономические и политические решения [5].

Следующей идеей, связанной с созданием международного экономического блока, является Таможенный союз Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, в рамках которого были отменены таможенные пошлины на перемещение товаров и услуг внутри союза и разработана общая внешняя торговая политика. Далее, объединение трансформировалось в Евразийский экономический союз Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан и Российской Федерации (ЕАЭС) [1; 2]. В рамках ЕАЭС уже функционирует общий рынок товаров и услуг, обеспечивается свободный переток рабочей силы и капиталов, поставлены стратегические задачи по конвергенции национальных промышленных и топливно-энергетических комплексов в общий наднациональный механизм [6].

Любое развитие невозможно представить без вливания значительных финансовых ресурсов, которые формируются за счет различных источников. В связи с тем что в каждом национальном государстве-члене ЕАЭС приняты собственные программы развития отраслей промышленности, концептуальные подходы по переходу на инновационную модель развития, считаем актуальным проанализировать инвестиционную деятельность в государствах-членах Евразийского экономического союза.

В рамках национальной экономики инвестиции понимаются как затраты, связанные с созданием новых или модернизацией существующих основных средств, за счет которых формируется добавочная стоимость валового внутреннего продукта национального государства. Рассмотрим инвестиции в основной капитал в национальных государствах-членах ЕАЭС (рис. 1).

Из представленного рисунка видно, что лидером по инвестициям является Российская Федерация, в 2016 г. они достигали 218 млрд долл.; в Республике Казах-

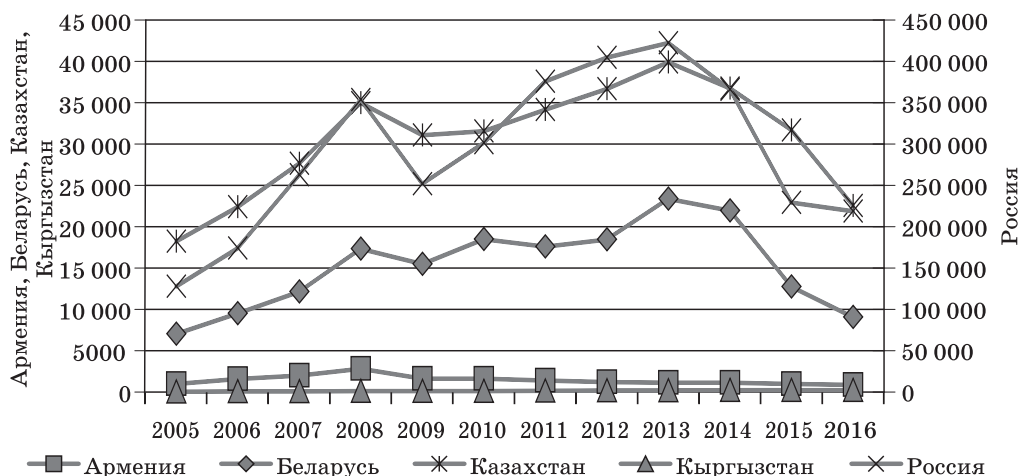

Рис. 1. Инвестиции в основной капитал в государствах-членах Евразийского экономического союза, млн долл. США

Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник. М. : Евразийская экономическая комиссия, 2017.

стан показатель был в десять раз меньше, чем в Российской Федерации; в Республике Кыргызстан и Республике Армения инвестиции составили 1908 и 828 долл. соответственно. Объем инвестиций зависит от масштабности и структуры национальной экономики. Поэтому, с целью приведения к единому показателю, рассмотрим инвестиции в основной капитал на душу населения (рис. 2).

Рисунок показывает, что инвестиции в основной капитал на душу населения в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации, в среднем, одинаковы и составили 1000–1400 долл. США, тогда как в Республике Армения и Республике Кыргызстан показатель не превышал 280 и 320 долл. соответственно.

Анализируя представленные рис. 1 и 2 можно констатировать, что с 2013 г. наблюдается тенденция к падению инвестиций (исчисленных в долларах США по текущему обменному курсу национальных валют) в основной капитал в Республике Армения, Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации, а в Республике Кыргызстан показатель в течение всего рассматриваемого периода незначительно повышается.

Далее рассмотрим структуру инвестиции в основной капитал по источникам финансирования (рис. 3).

Во всех странах, кроме Республики Кыргызстан, большую часть инвестиций в основной капитал составляют собственные средства предприятий и организаций, а в Кыргызстане заемные средства банков и кредитных учреждений. Стабильным источником остаются бюджетные средства, в Республике Беларусь они составляют четверть всех инвестиций, а в Республике Армения и Республике Кыргызстан четверть инвестиций поступает от населения.

На рис. 4 представим структуру инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности.

Представленный рисунок свидетельствует о том, что структура инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности в Российской Федерации, в среднем, распределяется равномерно. В других государствах инвестиции распределяются согласно источникам формирования ВВП, например, в Республике Беларусь на промышленность и сельское хозяйство приходится 38% и 10% инве-

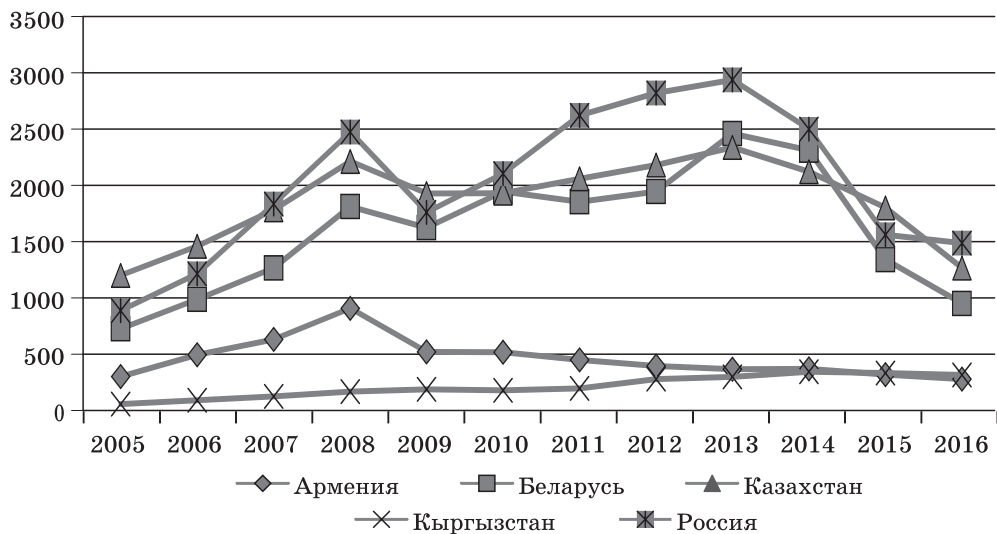

Рис. 2. Инвестиции в основной капитал на душу населения в государствах-членах ЕАЭС, долл.

Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник. М. : Евразийская экономическая комиссия, 2017.

Рис. 3. Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования в 2016 году, %

Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник. М. : Евразийская экономическая комиссия, 2017.

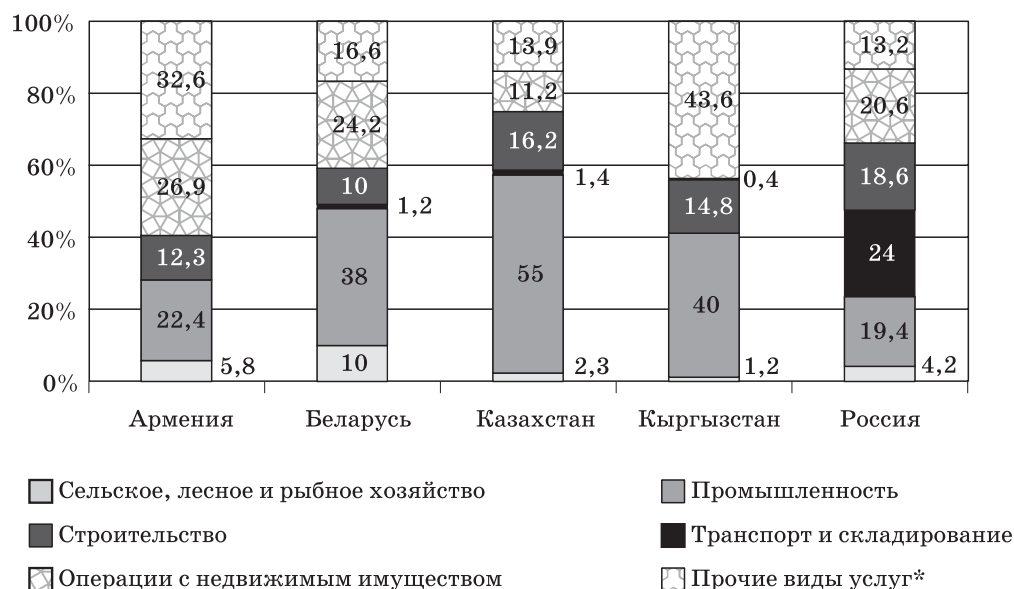

Рис. 4. Структура инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности в 2016 г., %

* Под прочими видами услуг понимается: оптовая и розничная торговля, ремонт транспортных средств, услуги по проживанию и питанию, финансовая и страховая деятельность, профессиональная, научная и техническая деятельность, государственное управление и социальное обеспечение, образование, искусство, развлечение и отдых.

Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник. М. : Евразийская экономическая комиссия, 2017.

стиций соответственно, в Республике Казахстан более 55% поступают в промышленность. Республика Армения направляет большую часть инвестиций на операции с недвижимым имуществом и прочие виды деятельности, а в Республике Кыргызстан они преимущественно идут на промышленность и иные виды услуг.

Таким образом, проведенный анализ показал, что инвестиции в основной капитал в государствах-членах ЕАЭС формируются неравномерно, а структура распределения определяется основными национальными видами экономической деятельности [3]. Вместе с тем наблюдается тенденция к падению инвестиций в национальных государствах, за исключением Республики Кыргызстан, что отрицательно влияет на развитие экономики, обновление и модернизацию производственных мощностей, расширение и новое строительство основных производственных фондов.

Хозяйственное освоение территорий стран ЕАЭС началось еще со времен существования Советского Союза: были построены промышленные предприятия, крупные электростанции, сформировался сельскохозяйственный потенциал, разработаны дальнейшие пути развития республик в составе Союза. После распада СССР развитие экономик вновь созданных национальных государств приостановилось, а производственные мощности, эксплуатируемые сегодня, были построены еще в 60–70-х годах прошлого века, в этой связи, вопросы, связанные с привлечением инвестиций на новое строительство промышленных предприятий и модернизацию существующих производственных мощностей выходят на первый план.

В рамках наднационального объединения целесообразно разработать инвестиционную политику по привлечению дополнительных средств частных, иностранных, кредитных организаций и национальных государств под конкретные проекты и программы. Дополнительные инвестиции можно привлекать в сельское хозяйство Республики Беларусь или в нефтегазовый сектор Республики Казахстан и Российской Федерации. Подобные механизмы позволят на наднациональном уровне сформировать перспективную программу развития национальной экономики и видов экономической деятельности, что придаст устойчивость и развитие ключевых направлений.

Следующий механизм целесообразно основывать на привлечении инвестиций под строительство новых или модернизацию существующих объектов, размещенных на приграничных территориях. Подобный подход позволит, во-первых, в рамках общего рынка товаров и услуг поставлять произведенную продукцию как минимум на два национальных рынка, а также на множество региональных и местных, во-вторых, в результате свободного перетока рабочей силы и капиталов получить более дешевые трудовые ресурсы, что снизит затраты на производственный процесс. Таким образом, в рамках реализации данного направления решаются вопросы развития приграничных территорий, создания дополнительной инфраструктуры, повышения благосостояния населения и сохранения национальной и международной безопасности.

Кроме этого, предлагается использовать традиционные подходы, среди которых можно выделить налоговые каникулы, создание особых экономических зон или территорий опережающего социально-экономического развития, дотации и субсидии некоторым предприятиям и отраслям, создание технопарков и бизнес-инкубаторов и другие распространенные механизмы привлечения инвестиций.

В заключение отметим, что в рамках ЕАЭС реализуются мероприятия по конвергенции видов экономической деятельности в общую наднациональную структуру, что обостряет вопросы, связанные с привлечением инвестиций под новое строительство или модернизацию промышленных объектов. В работе проанализированы инвестиции в основной капитал, как по количественным, так и по качественным показателям, в результате чего был сделан вывод о падении инвестиций во всех национальных государствах, за исключением Республики Кыргызстан, установлено, что формирование инвестиционного капитала происходит, в основном, за счет собственных средств предприятий и организаций. Структура инвестиций определяется «экономикообразующими» видами деятельности национальных государств, на которые направляется большая часть накопленных финансовых ресурсов. Предложенные механизмы привлечения инвестиций будут способствовать формированию благоприятного инвестиционного климата на наднациональном уровне и развитию отдельных видов экономической деятельности и территорий Евразийского экономического союза.

Литература

1. Гибадуллин А. А. Анализ технико-технологической устойчивости электроэнергетической отрасли Республики Беларусь в период формирования Общего рынка электрической энергии Евразийского экономического союза // Надежность и безопасность энергетики. 2017. Т. 10. № 2. С. 106–112.
2. Гибадуллин А. А. Формирование политики инвариантности производственных мощностей электроэнергетического комплекса Республики Казахстан в период интеграционных процессов // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 5 (151). С. 5–14.
3. Гибадуллин А. А. Формирование механизмов развития электроэнергетической отрасли Республики Казахстан в период формирования общего рынка электрической энергии Евразийского экономического союза // Вестник НГИЭИ. 2017. № 6 (73). С. 123–133.

4. Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства / С.Ю. Глазьев, В.И. Чушкин, С.П. Ткачук. М. : ООО «ВИКОР МЕДИА», 2013.
5. Нефтяные и газовые рынки России и ЕАЭС: пути развития в условиях макроэкономической нестабильности / Е.Л. Логинов, С.И. Борталевич. М. : ИПР РАН, 2016.
6. Никулина А.А., Торопыгин А.В. К вопросу о концептуальной основе развития Евразийской интеграции // Управленческое консультирование. 2017. № 3. С. 60–67.

References

1. Gibadullin A.A. *Analysis of technical and technological stability of the electric power industry of the Republic of Belarus during the formation of the Common Electricity Market of the Eurasian Economic Union* [Analiz tehniko-tehnologicheskoy ustojchivosti jelektrojenergeticheskoy otrasli Respubliki Belarus' v period formirovaniya Obshhego rynka jelektricheskoy jenerгии Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza] // Safety and Reliability of Power Industry [Nadezhnost' i bezopasnost' energetiki]. 2017. Vol. 10. N 3. P. 123–138. (rus)
2. Gibadullin A.A. *Formation of the policy of invariance of production capacities of the electric power complex of the Republic of Kazakhstan in the period of integration processes* [Formirovanie politiki invariantnosti proizvodstvennyh moshhnostej jelektrojenergeticheskogo kompleksa Respubliki Kazakhstan v period integracionnyh processov] // Bulletin of the Samara State Economic University [Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta]. 2017. N 5 (151). P. 5–14. (rus)
3. Gibadullin A.A. *Formation of the mechanisms of development of the electric power industry of the Republic of Kazakhstan during the formation of the common electric energy market of the Eurasian Economic Union* [Formirovanie mehanizmov razvitija jelektrojenergeticheskoy otrasli Respubliki Kazakhstan v period formirovaniya obshhego rynka jelektricheskoy jenerгии Evrazijskogo Jekonomicheskogo Sojuza] // Vestnik NGIER [Vestnik NGIJeI]. 2017. N 6 (73). P. 123–133. (rus)
4. *The European Union and the Eurasian Economic Community: similarities and differences between the processes of integration of construction* [Evropeiskiy souz y Evraziyskoye ekonomicheskoe soobschestvo: skhodstvo y razlicheye protsessov integratsionnogo stroitelstva] / S.Y. Glazyev, V.I. Chushkin, S.P. Tkachuk. M. : «VICOR MEDIA», 2013. (rus)
5. *Oil and gas markets of Russia and the EAEC: ways of development in conditions of macroeconomic instability* [Neftjanye i gazovye rynki Rossii i EAJeS: puti razvitija v uslovijah makrojekonomicheskoy nestabil'nosti] / E.L. Loginov, S.I. Bortalevich. Moscow : IPR RAS, 2016. (rus)
6. Nikulina A.A., Toropygin A.V. *To the question of the conceptual basis for the development of the Eurasian integration* [K voprosu o konceptual'noj osnove razvitija Evrazijskoj integracii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 3. P. 60–67. (rus)

Смирнов А. Ю., Алехин М. Ю., Александров В. Л.

Состояние и перспективы развития грузоперевозок в Российской Федерации

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-47-52

Смирнов Алексей Юрьевич

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
Профессор кафедры экономики судостроительной промышленности
Доктор экономических наук, доцент
al-sm@rambler.ru

Алехин Михаил Юрьевич

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
Заведующий кафедрой управления судостроительным производством
Доктор экономических наук, профессор
alekhin@smtul.ru

Александров Владимир Леонидович

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
Профессор кафедры управления судостроительным производством
Доктор технических наук, профессор
fckps@rambler.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены тенденции развития грузооборота различных видов транспорта. Выявлены основные факторы, определяющие имеющиеся тенденции. Представлены математические модели для прогнозирования грузооборота.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

транспорт, грузоперевозки, структура грузоперевозок, математическая модель

Smirnov A. Yu., Alekhin M. Y., Alexandrov V. L.

Status and Prospects of Freight Transportation in the Russian Federation

Smirnov Alexey Yuryevich

St. Petersburg State Sea Technical University (Russian Federation)
Professor of the department of economy of the ship-building industry
Doctor of Science (Economics), Associate Professor
al-sm@rambler.ru

Alekhin Mikhail Yuryevich

St. Petersburg State Sea Technical University (Russian Federation)
Head of the department of management of ship-building production
Doctor of Science (Economics), Professor
alekhin@smtul.ru

Alexandrov Vladimir Leonidovich

St. Petersburg State Sea Technical University (Russian Federation)
Professor of chair of management of ship-building production
Doctor of Science (Engineering), professor
fckps@rambler.ru

ABSTRACT

In the article the tendencies of development of freight turnover of various types of transport are considered. The main factors determining the existing trends are revealed. Mathematical models for forecasting freight turnover are presented.

KEYWORDS

transport, cargo transportation, freight structure, mathematical model

В настоящее время экономика Российской Федерации находится в состоянии неопределенности, что связано с влиянием разнонаправленных тенденций, обуславливающих результативность функционирования предприятий и организаций различных отраслей народного хозяйства. С одной стороны, на темпы экономического роста оказывают негативное влияние последствия украинского кризиса 2014 г., который привел к вводу против России экономических санкций со стороны промышленно развитых стран, а также к существенному снижению товарооборота между Российской Федерацией и Украиной. С другой стороны, в экономике России набирает оборот тенденция импортозамещения, которая будет определять развитие народного хозяйства страны в стратегическом периоде времени, позволив в итоге окончательно преодолеть те кризисные явления в промышленности и сельском хозяйстве, которые наблюдались в 90-е годы XX в.

На уровне высшего руководства Российской Федерации складывается понимание того, что для сохранения экономической и политической независимости страны необходима государственная поддержка ряда системно значимых отраслей, что требует реализации комплекса мер экономического и правового характера. Однако на данный момент имеющиеся тенденции импортозамещающего экономического роста пока являются неустойчивыми, что обусловлено высоким уровнем геэкономической и геополитической напряженности, низким уровнем потребительской уверенности и высокими процентными ставками. Общеэкономическая ситуация оказывает влияние на результативность функционирования предприятий транспортного комплекса Российской Федерации и во многом определяет существующие тенденции в сфере грузоперевозок в 1990–2016 гг. (табл. 1).

Таблица составлена авторами на основе таких изданий, как Российский статистический ежегодник. 2016. Статистический сборник. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2016; Россия в цифрах 2017. Статистический сборник. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2017.

Рассмотрим те изменения, которые произошли в обобщенной структуре грузоперевозок в 1990–2016 гг., сакцентировав особое внимание на развитии грузоперевозок в последний год.

Из табл. 1 видно, что в 2016 г. по сравнению с 1990 г. перевозка грузов всеми видами транспорта сократилась на 61%, т. е. более чем в 2 раза. По сравнению с 2015 г. объем грузоперевозок практически не изменился. Наблюдающийся рост в 0,2% находится в пределах статистической погрешности. Наибольшее снижение перевозок грузов в 2016 г. по сравнению с 1990 г. наблюдалось в сегментах автомобильного (66,5% по сравнению с 1990 г.), морского (77,7% по сравнению с 1990 г.) и внутреннего водного транспорта (79% по сравнению с 1990 г.).

В то же время структура грузоперевозок в 2016 г. претерпела определенные изменения по сравнению с предыдущим годом. Так, грузооборот железнодорожного транспорта за прошедший год сократился сразу на 102 млн т, что составило 7,7%. В то же время в сфере автомобильного транспорта наблюдался рост грузооборота на 97 млн т, что составило 1,9%. Грузооборот трубопроводного транспорта увеличился на 17 млн т (1,6%).

Отметим, что в 2012 г. методология Федеральной службы государственной статистики претерпела важные изменения. Перевозки смешанным (река-море) транспортом исключены из перевозок морским транспортом и приплюсованы к перевозкам внутренним водным транспортом. Представляется, что данное изменение

Перевозка грузов по видам транспорта в 1990–2016 гг.

Вид транспорта	Млн т						2016 в % к	
	1990	2000	2010	2014	2015	2016	1990	2000
Транспорт, всего	19 265	7907	7750	8006	7582	7597	39,4	95,9
в том числе:								
железнодорожный	2140	1047	1312	1375	1329	1227	57,3	117,2
автомобильный	15 347	5878	5236	5417	5041	5138	33,5	87,4
трубопроводный	1101	829	1061	1078	1071	1088	98,8	131,2
морской	112	35	37	16	19	25	22,3	71,4
внутренний водный	562	117	102	119	121	118	21,0	100,9
воздушный	2,5	0,8	1,1	1,3	1,2	1,1	44,0	137,5

методологии не оказывает существенного влияния на результаты анализа динамики перевозок, поскольку грузооборот как морского, так и внутреннего водного транспорта остается незначительным, а их суммарная доля в общем грузообороте в 2016 г. оказалась менее 2%.

В 2016 г. не получила развитие наблюдавшаяся в предшествующий период времени тенденция снижения доли автомобильного транспорта в общем объеме грузоперевозок. С 1990 по 2015 гг. она сократилась на 13,2 процентных пунктов (с 79,7% до 66,5%), при росте доли железнодорожного и трубопроводного транспорта. В то же время в 2016 г. доля автомобильного транспорта в структуре грузоперевозок увеличилась до 67,6%, т. е. на 1,2 процентных пунктов, что, однако, существенно меньше, чем в 1990 г.

По нашему мнению, снижение доли автомобильного транспорта в общем объеме грузоперевозок в 1990–2016 гг. во многом обусловлено особенностями статистического учета транспортной деятельности, высоким уровнем теневых взаимоотношений в сфере автомобильных перевозок. Собственники автомобильного транспорта стремятся минимизировать налогообложение бизнеса, а потому часто осуществляют свою деятельность нелегально. Отчасти такая ситуация связана с тем, что налоговая система Российской Федерации ориентирована на высокое налогообложение хозяйствующих субъектов при относительно низком уровне налогов на граждан. С другой стороны, граждане России не имеют традиций уплаты налогов, которые сильны в западных странах, что не исключает и там использование различных схем уклонения от налогообложения.

Оговоримся, что нелегальная деятельность транспортных организаций при всех присущих ей недостатках, связанных со снижением налогооблагаемой базы, уменьшением платежей в бюджет и уменьшением уровня безопасности перевозок, имеет и положительные последствия для экономики страны, поскольку позволяет значительному числу граждан получать достойную заработную плату в условиях экономического кризиса и незавершенного процесса реформирования.

В целом в течение всего рассматриваемого периода автомобильный транспорт сохраняет свое ведущее положение в экономике страны. Представляется, что в среднесрочной перспективе его роль и значение останутся неизменными.

В 2016 г. наблюдалось снижение грузооборота железнодорожного транспорта. До 2010 г. доля железнодорожного транспорта в общем объеме грузоперевозок возрастала. В 2010–2014 гг. она оставалась практически неизменной. При этом грузооборот железнодорожного транспорта достиг своего максимума в 1421 млн т

в 2012 г., а затем начал сокращаться. К 2016 г. он уменьшился по сравнению с максимумом на 194 млн т, что составляет 13,7%.

Столь значительное снижение грузооборота железнодорожного транспорта наблюдалось только в 90-е годы XX в. и было следствием кризисных явлений в российской экономике. В то же время в 2013–2016 гг. валовой внутренний продукт Российской Федерации сократился не столь значительно, он начал снижаться только в 2015 г. (на 2,8%) и 2016 г. (на 0,2%), тогда как в 2013 и 2014 гг. наблюдался незначительный рост ВВП. Эти сведения косвенным образом свидетельствуют о перераспределении грузопотоков в пользу других видов транспорта. Однако официальные данные Федеральной службы государственной статистики не подтверждают данный вывод. В 2012–2016 гг. мы видим сокращение как общего грузооборота транспорта Российской Федерации, так и снижение грузооборота его важнейших структурных составляющих, таких как железнодорожный и автомобильный транспорт.

Следовательно, можно предположить, что опережающее по сравнению с ВВП падение грузооборота в 2013–2015 гг. по данным Федеральной службы государственной статистики обусловлено ростом теневого сектора в данной сфере (теневых автомобильных перевозок). В 2016 г. после введения системы «Платон» рост теневого сектора прекратился.

В 2016 г. наблюдалось незначительное увеличение грузооборота трубопроводного транспорта, который вырос с 1071 млн т в 2015 г. до 1088 млн т в 2016 г. Грузооборот данного вида транспорта характеризуется низкой волатильностью. Действительно, за 26 лет начиная с 1990 г. рассматриваемый показатель изменился всего на 1,2%. Падение наблюдалось в 1990–2000 гг., когда грузооборот трубопроводного транспорта снизился на 272 млн т, что составляет 24,7%. Однако уже к 2010 г. грузооборот трубопроводного транспорта вернулся к показателям докризисного уровня. Максимальный объем грузооборота был достигнут в 2011 г., после чего он незначительно снизился. Можно предположить, что снижение грузооборота трубопроводного транспорта обусловлено сокращением закупки природного газа со стороны Украины.

По нашему мнению, в среднесрочной перспективе оборот трубопроводного транспорта будет расти, что обусловлено вводом в эксплуатацию новых трубопроводов, по которым «Газпром» планирует поставлять трубопроводный газ в Китай. Также на динамику грузооборота трубопроводного транспорта будет оказывать изменение цен на нефть на мировом рынке. В случае роста цен на нефть следует ожидать увеличения нефтедобычи и, как следствие, рост объемов экспортных поставок и грузооборота трубопроводного транспорта. В случае сохранения нефтяных цен на существующем уровне рост объемов нефтедобычи будет искусственно сдерживаться в силу существующих договоренностей между Российской Федерацией и странами, входящими в Организацию стран экспортеров нефти.

Уже отмечалось, что процесс трансформации структуры грузоперевозок в Российской Федерации протекал неравномерно. Активная фаза трансформации пришлась на 1990–2010 гг., в течение которых наблюдалось уменьшение доли автомобильного транспорта при росте доли железнодорожного и трубопроводного транспорта. В дальнейшем периоде структура грузоперевозок изменялась значительно более низкими темпами, что свидетельствует о стабилизации экономической ситуации в Российской Федерации. В этой связи необходимо отметить, что доля перевозок грузов автомобильным транспортом в 2016 г. оказалась ровно такой же, как и в 2010 г. — 67,6%.

Для формирования прогноза развития транспортного комплекса Российской Федерации целесообразно использовать методы математического моделирования.

В частности, прогнозирование можно осуществлять с применением линейных регрессионных уравнений вида:

$$y = ax + b, \quad (1)$$

где a — параметр регрессии; b — свободный член уравнения регрессии, независящий от рассматриваемого фактора; y — зависимая переменная (объем перевозки грузов); x — независимая переменная (год наблюдения).

При этом анализ данных о грузоперевозках, как в более широком интервале 2000–2016 гг., так и в более узком интервале 2010–2016 гг., не позволяет получить модели, имеющие такую величину коэффициента детерминированности r^2 , которая бы свидетельствовала о наличии устойчивой связи между рассматриваемыми параметрами. В частности, линейная модель зависимости общего объема грузоперевозок всеми видами транспорта от года наблюдения в 2010–2016 гг. имеет коэффициент детерминированности 0,26, что отражает отсутствие зависимости между рассматриваемыми переменными. Отметим, что ранее полученная одним из авторов аналогичная модель, построенная на основе данных за 2010–2015 гг., имеет значение r^2 , равное 0,10.

В связи с этим для прогнозирования основных параметров развития как транспортного комплекса в целом, так и его отдельных элементов, авторы использовали полиномиальные регрессионные модели второго порядка вида:

$$y = a_2x^2 + a_1x + b. \quad (2)$$

Моделирование проводилось для транспортного комплекса Российской Федерации в целом, а также отдельно для железнодорожного, автомобильного и трубопроводного транспорта. Для морского, внутреннего водного и воздушного транспорта моделирование не осуществлялось в связи с тем, что их доля в общем объеме перевозки грузов является незначительной. Полученная авторами полиномиальная регрессионная модель второго порядка для объемов грузоперевозок всего транспортного комплекса Российской Федерации, основывающаяся на данных 2000–2016 гг., имеет вид:

$$y = -8,9516x^2 + 35936,04x - 36\,057\,785. \quad (3)$$

Величина коэффициента детерминированности данной модели составляет 0,37, что свидетельствует об отсутствии однозначной статистической зависимости между рассматриваемыми параметрами. Использовать эту модель для достоверного представления моделируемых процессов нельзя. А вот для железнодорожного транспорта аналогичная модель будет иметь вид:

$$y = -3,21145x^2 + 12\,912,105x - 12\,977\,360. \quad (4)$$

Коэффициент детерминированности в данной модели равен 0,88, что свидетельствует о сильной статистической зависимости между рассматриваемыми параметрами. Иными словами, полиномиальная регрессионная модель второго порядка может использоваться для прогнозирования объемов грузоперевозок железнодорожным транспортом с высокой степенью статистической достоверности. На 2017 г. значение, полученное с использованием данной модели, составит 1240 млн т.

Для автомобильного транспорта регрессионная модель имеет вид:

$$y = -3,86255x^2 + 15\,468,94x - 15\,481\,810. \quad (5)$$

Коэффициент детерминированности в данной модели имеет значение 0,48, использование такой модели не даст достоверных результатов. Наконец, для трубопроводного транспорта модель имеет вид:

$$y = -1,73648x^2 + 6989,025x - 7\,031\,278. \quad (6)$$

Величина коэффициента детерминированности данной модели составляет 0,96, а потому она отражает статистически значимую зависимость. Прогнозное значение объема грузоперевозок на 2017 г. в соответствии с данной моделью составит 1059 млн т.

Одним из авторов данной статьи ранее проводилось моделирование указанных параметров на основе данных за 2010–2015 гг. Сравнительные результаты моделирования по данным за 2010–2015 гг. и 2010–2016 гг. представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительные результаты прогнозирования объемов перевозки грузов, млн т

Вид транспор- та		На основе данных 2010–2015 гг.			На основе данных 2010–2016 гг.	
		Вид модели	Прогноз на 2016 г.	Прогноз на 2017 г.	Вид модели	Прогноз на 2017 г.
Транспорт, всего		$-7,7935x^2 +$ $+ 31289,74x -$ $- 31397237$	7730	7588	$-8,9516x^2 +$ $+ 35936,04x -$ $- 36057785$	7492
В том числе	железно- дорож- ный	$-2,21099x^2 +$ $+ 8897,955x -$ $- 8950896$	1342	1323	$-3,21145x^2 +$ $+ 12912,105x -$ $- 12977360$	1240
	автомо- бильный	$-3,37616x^2 +$ $+ 13517,37x -$ $- 13524253$	5194	5095	$-3,86255x^2 +$ $+ 15468,94x -$ $- 15481810$	5055
	трубопро- водный	$-2,00711x^2 +$ $+ 8074,8062x -$ $- 8120446$	1057	1037	$-1,73648x^2 +$ $+ 6989,025x -$ $- 7031278$	1059

Как видно из данных табл. 2, в 2017 г. можно ожидать снижения грузооборота. Однако данный вывод нуждается в корректировке, поскольку в первом полугодии 2017 г. наблюдается положительная динамика развития экономики страны, которая влечет за собой рост объемов перевозки грузов всеми видами транспорта¹. Разнонаправленные изменения в экономике России ограничивают возможности использования методов математического моделирования в процессе определения основных тенденций развития транспортной системы страны.

¹ Информация о социально-экономическом положении России январь-июнь 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/info/oper-06-2017.pdf (дата обращения: 20.09.2017).

Государственная кластерная политика как инструмент повышения конкурентоспособности субъектов РФ

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-53-60

Кудряшов Вадим Сергеевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры экономики и финансов
Кандидат экономических наук
kudvad88@yandex.ru

Соколов Андрей Александрович

АО «Технопарк Санкт-Петербурга» (Санкт-Петербург)
Генеральный директор
a.sokolov@ingria-park.ru

РЕФЕРАТ

В работе анализируется роль государственной кластерной политики в развитии конкурентоспособности региона. Исследованы типы реализации кластерной политики в мировой практике. Приводится исследование сильных и слабых сторон кластерной политики России, а также даются рекомендации по устранению существующих недостатков. Предложены действия государства, направленные на поддержание и развитие кластеров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Государственная кластерная политика, конкурентоспособность, стратегия развития региона, территориально-производственный кластер, Россия

Kudryashov V. S., Sokolov A. A.

The State Cluster Policy as Instrument of Increase in Competitiveness of Territorial Subjects of the Russian Federation

Kudryashov Vadim Sergeevich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Economics and Finance
PhD in Economics
kudvad88@yandex

Sokolov Andrey Aleksandrovich

JSC «TechnoparkofSt. Petersburg» (Saint-Petersburg, Russian Federation)
General Director
a.sokolov@ingria-park.ru

ABSTRACT

The paper examines the role of the state cluster policy in the development of the competitiveness of the region. We investigated the types of cluster policy in the world. Contains a study of the strengths and weaknesses of cluster policy in Russia, and provides recommendations to eliminate existing shortcomings. The proposed actions of the state directed on maintenance and development of clusters.

KEYWORDS

the state cluster policy, competitiveness, regional development strategy, territorial and production cluster, Russia

Создание и развитие сети территориально-производственных кластеров, как способ реализации конкурентного потенциала субъектов, является одним из ключевых пунктов Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 №1662-р.¹ Актуальность проведения эффективной государственной кластерной политики обусловлена в первую очередь важностью перехода экономики России к инновационному типу развития и необходимостью поддержания высокого уровня конкурентоспособности в связи с нестабильной внешнеэкономической ситуацией [3].

Проведение эффективной государственной кластерной политики в России может стать одним из способов поддержания конкурентоспособности страны на мировом уровне и позволит создать условия для стабильного экономического роста. Огромное значение для обеспечения развития экономики страны имеет политика, проводимая на уровне субъектов. В связи с тем, что развитие отдельных регионов способствует их конкуренции внутри страны и стимуляции развития субъектов, как следствие, это приводит к повышению общего уровня конкурентоспособности страны.

Реализация кластерных проектов входит в число стратегических задач многих субъектов Российской Федерации, так как она способствует экономическому развитию регионов и повышению уровня инновационного развития предприятий, входящих в состав кластеров. Однако наиболее важной задачей для развития субъекта является определение степени реализации разработанных кластерных проектов, измерение их эффективности и влияния на благосостояние субъекта.

Кластер — это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций определенной сферы, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга. В своей книге «Международная конкуренция» М. Портер писал, что между конкурентоспособностью кластера, субъекта (или субъектов), в котором он располагается, и конкурентоспособностью всей страны существует прямая зависимость [5].

Таким образом, для обеспечения конкурентных преимуществ страны необходимо разбивать ее составляющие — субъекты, или еще более мелкие производственные составляющие — кластеры. Преимуществом кластерной политики, по сравнению с политикой развития промышленности в целом, является то, что развитие кластеров предполагает межотраслевое взаимодействие, в процессе которого осуществляется многополярное развитие производства и интенсивный рост отраслей, достигаемый за счет синергетического эффекта от взаимовыгодного сотрудничества [4].

Изучая кластерную политику конкретной страны, необходимо принимать во внимание сложившиеся типы реализации данной политики во всем мире. Так, Майкл Энрайт проанализировал конкурентоспособность стран и регионов, выявил несколько видов кластерной политики, в зависимости от участия государства в деятельности кластера [7]:

1. Каталитическая кластерная политика. Государство выступает в роли посредника между организациями кластера, способствуя налаживанию взаимодействия без дальнейшего участия в реализации их сотрудничества.
2. Проведение поддерживающей кластерной политики, где к функции каталитической добавляется элемент контроля над дальнейшим развитием предприятий и стимулирование роста со стороны государства с помощью различных механизмов.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 04.07.2017).

3. Третий вид кластерной политики предусматривает еще более директивный вид контроля, где государство может участвовать во внутренних делах кластера, касающихся специализации предприятий.
4. Наибольшая роль государства достигается при интервенционистской политике, в которой сфера влияния правительства распространяется на все вопросы, касающиеся развития и роста кластера.

Отличительной особенностью кластера является возникновение элементов, обеспечивающих преимущества данной формы организации межфирменных взаимосвязей (табл. 1).

Основой для развития кластерной системы взаимосвязей является исторически сложившаяся в регионе структура производства. Крупные организации, как правило, устанавливают с малыми и средними компаниями отношения поставок, что позволяет достаточно быстро внедрять технологические новшества, способствующие общему экономическому росту. Но доминирующее положение на рынке больших организаций может и тормозить развитие. Часто такие фирмы полностью контролируют инфраструктуру и политические институты субъекта, а малые компании в данном случае являются поставщиками полуфабрикатов и комплектующих изделий (рис. 1).

При этом участниками кластера проводятся постоянные консультации с тем, чтобы определить, какие именно им нужны ресурсы для совместных проектов, что требуется для их эффективного использования, как распределяются затраты и выгоды. Но участники остаются полностью самостоятельными в других направлениях научно-исследовательской и производственной деятельности. Такая кооперация позволяет значительно снизить риски ее участников, расширяет ресурсные возможности, в том числе посредством использования кооперирующимися сторонами квалификации и компетенции партнеров, приводит к экономии затрат на исследования и разработки за счет исключения их дублирования и увеличения продуктивности.

Можно утверждать, что кластеры связанных между собой фирм и организаций, проводящих исследования и разработки, позволяют минимизировать или на определенный период совсем устранить такие препятствия при осуществлении инновационной и производственной деятельности, как недостаток ресурсов, низкую мотивацию, конфликты интересов, плохие способы коммуникации и возможный дефицит доверия.

Формирование и деятельность кластеров может привести к конфликту между отдельными смежными министерствами и ведомствами. Один из «подводных камней» государственного управления заключается в том, что общая политика и действия отдельных ведомств не согласованы друг с другом и страдают отсутствием преемственности. Порой это выливается в то, что одно министерство издает правила и нормативы, которые противоречат правилам другого, смежного министерства. Делая ставку на кластерное развитие, необходимо учитывать такие побочные явления, как возможность эффекта блокировки организаций, т. е. не исключено, что одиночные фирмы будут более конкурентоспособными по сравнению с кластерными. Основные недостатки кластеризации представлены в табл. 2.

Рассматривая взаимосвязь участников кластера, нельзя не согласиться с тем, что, ориентируясь только на внутренние отношения, субъекты кластера рискуют не только потерей самостоятельности, но и, в случае выхода из кластера, отсутствием надежных экономических агентов. Таким образом, выявлены основные недостатки кластеризации, устранение которых должно стать значимой частью кластерной политики любого субъекта.

Для определения типа кластерной политики России и выявления ее наиболее характерных особенностей необходимо изучить программы развития федерального и регионального значения, на основании которых можно сделать вывод относительно способов стимуляции развития кластеров в Российской Федерации. Эффективность

Положительные стороны кластера

Эффект	Пояснение
Масштаб производства	В основе лежит наличие в одной из организаций кластера ядра инновационной активности
Охват	В общем случае он возникает при существовании фактора производства, который может быть использован одновременно для получения нескольких видов продукции. При группировке организаций в кластер эффект охвата значительно усиливается, поскольку возникает возможность использовать такой многофункциональный фактор на самых разнообразных предприятиях при минимальных транзакционных издержках, связанных с его передачей
Синергия	Возникает при общей стандартизации продукции. При действии этих трех эффектов (масштаба, охвата и синергии) неприбыльные организации кластера могут преодолеть нижнюю границу рентабельности с помощью специализации, обеспечивающей повышение производительности труда и снижение себестоимости производимых благ
Триггерный эффект	Он возникает, когда для осуществления первичного производства необходимо произвести множество дорогостоящих вторичных изменений, в результате чего прибыль от базисного производства может оказаться даже меньше издержек требуемой реорганизации

Источник: [6].

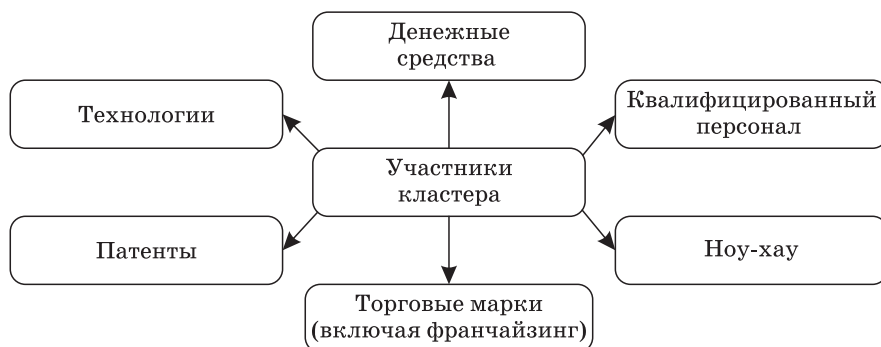

Рис. 1. Вклад участников кластера при объединении ресурсов

деятельности кластера и его развитие повышают конкурентоспособность региона, в котором он функционирует. Таким образом, обеспечение грамотной кластерной политики является одной из основных задач для стабильного экономического роста субъекта.

В методических рекомендациях по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации перечислены основные направления осуществления мероприятий по организации эффективной работы кластеров и поддержания их конкурен-

Таблица 2

Недостатки кластеризации

Эффект	Пояснение
Уязвимость	Специализация может вызвать уязвимость региона. Технологическая прерывистость может подорвать определенные преимущества кластера
Замкнутость	Чрезмерная уверенность относительно локальных контактов и «молчаливого» знания, в комбинации с пренебрежением внешними связями и недостатком предвидения может объяснить эффект замкнутости, обусловленный преобладанием устоявшихся практик
Негибкость	Жесткие существующие структуры рискуют задерживать радикальную переориентацию или препятствовать необходимой перестройке
Уменьшение конкурентных давлений	Кооперация может вызвать сокращение конкурентных давлений и, следовательно, движущих сил инновации
Синдром самодостаточности	Привыкая к прошлым успехам, кластер может быть не в состоянии распознать изменяющиеся тенденции
Внутренний спад	Также как социальный капитал может быть необходим для формирования базиса развития кластеров

Источник: [1].

тоспособности¹. Основные цели, необходимость достижения которых подтверждена в документе, связаны с разработкой и внедрением новейших технологий и оборудования, применением современных методов управления, получением специальных знаний, а также выявлением новых путей выхода на высоконкурентные мировые рынки.

Для развития кластеров поставлены задачи, среди которых: выявление сильных сторон кластера и приоритетность их финансирования; устранение производственных ограничений и лишних звеньев в цепи производства продукта; налаживание точек сбыта; эффективное управление предприятиями кластера. Однако, по мнению автора, наиболее важными задачами должны являться: развитие инновационной составляющей производства, поддержание инвестиционной привлекательности; развитие инфраструктуры кластера, в том числе транспортной и энергетической; проведение эффективной политики привлечения высококвалифицированных кадров и образовательных мероприятий.

Немаловажным является поддержка развития малого и среднего предпринимательства в регионе, так как они способствуют развитию отрасли, привлечению новых технологий и возможному сотрудничеству с предприятиями кластера. Действия государства, направленные на поддержание и развитие кластеров, по мнению автора, могут быть крайне разнообразными:

1. Обеспечение кластера высококвалифицированными специалистами, для обучения которых необходимы среднепрофессиональные и высшие учебные заведения. Для

¹ Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации (утв. Минэкономразвития РФ 26.12.2008 № 20636-АК/Д19). [Электронный ресурс]. URL: http://spbcluster.ru/files/metodicheskie_rekomendacii_po_realizacii_klasternoj_politiki.pdf (дата обращения: 04.08.2017).

поддержания высокого качества образования государство проводит анализ потребностей кластера, выявляет наиболее востребованные специальности, способствует разработке новых образовательных программ, а также стимулирует прохождение производственных практик и стажировок студентами и выпускниками.

2. Государство может обеспечивать развитие инфраструктуры региона, как способ создания благоприятных условий для притока молодых специалистов.
3. Практика создания промышленных парков, технопарков в регионе, которые занимаются обеспечением предприятий кластеров необходимым транспортом, земельными участками, помещениями, а также средствами логистических и телекоммуникационных инфраструктур. Подобная практика позволяет снизить издержки реализации кластерных проектов и увеличить скорость и масштабы их выполнения.
4. Установление налоговых льгот для предприятий, входящих в состав кластера, как меры стимуляции производства и расширения деятельности организаций. В настоящее время снижение ставки налога на прибыль является одним из наиболее эффективных инструментов стимулирования роста кластера и привлечения инвестиций.
5. Метод снижения административных барьеров, который подразумевает такие преобразования, как уменьшение срока экспертизы документов, ускорение вынесения решения по результатам проверок, упрощение получения разрешения на строительство.
6. Предоставление финансовой помощи государства также является сильным стимулом для увеличения темпов развития кластера. Одним из наиболее распространенных методов финансовой помощи является предоставление субсидий регионам России для развития определенных отраслей, наиболее выгодных для повышения конкурентоспособности страны или для создания и применения новейших технологий, необходимых для научно-инновационного развития.
7. Значимым для эффективного функционирования кластера также является грамотное составление программ развития федерального, регионального и местного значений, цели и задачи которых должны не противоречить, а дополнять друг друга.
8. Разработка и составление теоретических материалов, описывающих общие подходы стратегического планирования усовершенствования кластеров, необходимы для обеспечения стабильной теоретической базы, на основе которой осуществляются мероприятия, направленные на поддержание конкурентоспособности субъектов.
9. Создание наукоградов для совершенствования научно-технической базы кластеров и своевременного внедрения новейших технологий в производственный процесс.
10. Проведение образовательных мероприятий, направленных на подготовку к реализации кластерных проектов и управление ими.

Выполнение перечисленных задач обеспечит высокую эффективность деятельности кластеров и увеличит конкурентоспособность субъекта.

Опыт кластерных инициатив в России достаточно мал. Правительство в большинстве случаев выполняет роль посредника, способствующего налаживанию контакта между организациями, способными образовать кластер, а не координирует внутренние процессы. Стоит отметить, что большинство кластеров формируются по инициативе властей, а не самих компаний, что позволяет сделать вывод о недостаточной развитости практики кластеров и слабой заинтересованности предприятий в образовании объединений. Среди критериев эффективности деятельности кластера во многих программах регионального развития указаны темпы роста производительности труда, объема инвестиционных поступлений, экспорта, количество новых кластеров, а также доля бюджета субъектов, направленная на реализацию кластерных

проектов. Однако конкретных численных показателей нет в большинстве из рассмотренных нами программ, что значительно затрудняет оценку результатов реализованных мероприятий.

Можно сделать вывод о значительном объеме работ, которые были проведены для составления программ развития субъектов и кластерных проектов, однако неоспоримым фактом является то, что в теоретической базе в малом объеме представлен зарубежный опыт кластерной политики. О несоответствии запросам времени свидетельствует также тот факт, что инициатива создания кластера в большинстве случаев исходит «сверху», т. е. от региональных органов власти, что подразумевает не стимуляцию кластерных инициатив, а их искусственное, механическое создание.

Во многих европейских странах все чаще используется практика поощрения создания кластерных проектов самими предприятиями, наиболее перспективные из которых получают финансирование на конкурсной основе [2]. Подобная процедура способствует естественному выявлению наиболее конкурентоспособных отраслей и созданию кластерных объединений по инициативе самих предприятий, внутренняя мотивация и заинтересованность которых значительно повысят эффективность функционирования и темпы развития.

Недостаток директивного характера создания кластеров в нашей стране усугубляется недостатком развитой системой мониторинга, которая предусматривает только частичный контроль над деятельностью кластеров и темпами их развития. Наиболее часто встречающийся численный показатель характеристики эффективности кластерной политики — количество кластеров, а не степень их развитости и доля занимаемого отраслевого рынка. Важно заметить, что эффективный мониторинг играет важную роль в определении сильных и слабых сторон кластерной политики, он значим и для перспектив развития и увеличения количества конкурентоспособных преимуществ.

Стоит отметить, что предпринимаемые в настоящее время попытки создания Центров кластерного развития являются первым шагом на пути к формированию кластерных инициатив на уровне организаций и важной вехой в процессе формирования кластерной политики России. Изменение отношения правительства от инициативы создания кластеров к ее стимулированию способно изменить структуру кластерной политики страны и дать мощный импульс к развитию конкурентоспособности на мировом уровне. Серьезный контроль над осуществлением кластерных проектов и результатами их реализации позволит получить информацию о слабых и сильных сторонах отраслевых объединений, а значит предугадать возможные трудности и максимально реализовать потенциал кластера.

Таким образом, для наиболее эффективной реализации государственной кластерной политики и обеспечения высокого уровня конкурентоспособности необходимо создать благоприятные условия для возникновения кластерных инициатив и мониторинга их деятельности, а также способствовать применению зарубежного опыта. В настоящее время государственная кластерная политика России недостаточно развита, однако существуют все предпосылки для эффективного развития и обеспечения конкурентоспособности на уровне, отвечающем запросам времени.

Литература

1. *Борисенко О. К.* Кластерное развитие регионов России // Вестник МГТУ. 2012. Т. 15. №. 1. С. 143–148.
2. *Кудряшов В. С.* Анализ развития экономики европейских стран на основе кластерного подхода // Дизайн. Материалы. Технология. 2012. № 3. С. 105–107.

3. Кудряшов В. С. Факторы активизации инновационной деятельности предприятий с целью повышения конкурентоспособности национальной экономики // Ученые записки МБИ. 2015. № 13. С. 47–55.
4. Кудряшов В. С., Миндлин Ю. Б. Кластерный подход как элемент формирования национальной экономики // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». 2017. № 2. С. 19–23.
5. Портер М. Международная конкуренция / под ред. В. Д. Щетинина. М. : Международные отношения, 1993.
6. Щепкова И. В. Кластерная политика как инструмент повышения конкурентоспособности региона // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 3. С. 125–129.
7. Enright M. J. The globalization of competition and the localization of competitive advantage: Policies toward regional clustering / Hood N., Young S. (eds.). The Globalization of Multinational Enterprise Activity and Economic Development. Macmillan, London. 2000. P. 303–331.

References

1. Borisenko O. K. *Cluster development of regions of Russia* [Klasternoe razvitie regionov Rossii] // Bulletin of MSTU [Vestnik MGTU]. 2012. V. 15. N 1. P. 143–148. (rus)
2. Kudryashov V. S. *The analysis of development of economy of the European countries on the basis of cluster approach* [Analiz razvitiya ekonomiki evropeiskikh stran na osnove klasternogo podkhoda] // Design. Materials. Technology [Dizain. Materialy. Tekhnologiya]. 2012. N 3. P. 105–107. (rus)
3. Kudryashov V. S. *Factors of activization of innovative activity of the enterprises for the purpose of increase in competitiveness of national economy* [Faktory aktivizatsii innovatsionnoi deyatel'nosti predpriyatiy s tsel'yu povysheniya konkurentosposobnosti natsional'noi ekonomiki] // Scientific notes of MBI [Uchenye zapiski MBI]. 2015. N 13. P. 47–55. (rus)
4. Kudryashov V. S., Mindlin Yu. B. *Cluster approach as element of formation of national economy* [Klasternyi podkhod kak element formirovaniya natsional'noi ekonomiki] // Modern science: current problems of the theory and practice. Economy and law series [Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya «Ekonomika i pravo»]. 2017. N 2. P. 19–23. (rus)
5. Porter M. *The international competition* [Mezhdunarodnaya konkurentsia] / under the editorship of V. D. Shchetinin. M. : International relations [Mezhdunarodnye otnosheniya], 1993. 896 p. (rus)
6. Shchepkova I. V. *Cluster policy as instrument of increase in competitiveness of the region* [Mezhdunarodnye otnosheniya] // Bulletin of the Baltic Federal University of I. Kant [Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta]. 2012. N 3. P. 125–129. (rus)
7. Enright M. J. *The globalization of competition and the localization of competitive advantage: Policies toward regional clustering* / Hood N., Young S. (eds.). The Globalization of Multinational Enterprise Activity and Economic Development. Macmillan, London. 2000. P. 303–331.

Ростова О. В., Ростова А. С., Родионова Е. С.

Применение метода реальных опционов в управлении инновационными проектами

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-61-71

Ростова Ольга Владимировна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
 Доцент Высшей школы технологий управления бизнесом
 Кандидат экономических наук
 O.rostova_isem@mail.ru

Ростова Анастасия Сергеевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
 Аспирант Высшей школы промышленного менеджмента и экономики
 Anastasiya_rostova@mail.ru

Родионова Евгения Сергеевна

Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии
 Доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета
 Кандидат экономических наук
 wart1983@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена проблеме оценки рисков инновационных проектов, возникающих на стадии внедрения. Авторами предложен алгоритм конструирования и встраивания в инновационные проекты реальных опционов, позволяющий повысить гибкость управления многоэтапными проектами, имеющими возможности адаптации к изменяющимся условиям реализации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

оценка рисков, реальные опционы, инновационные проекты, инвестиционный анализ, показатели эффективности, метод анализа денежных потоков, этапы инновационного проекта

Rostova O. V., Rostova A. S., Rodionova E. S.

Application of a Method of Real Options in Innovative Projects Management

Rostova Olga Vladimirovna

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Russian Federation)
 Associate Professor of the Higher school of technologies of business management
 PhD in Economics
 O.rostova_isem@mail.ru

Rostova Anastasia Sergeyevna

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Russian Federation)
 Graduate student of the Higher school of industrial management and economy
 Anastasiya_rostova@mail.ru

Rodionova Evgenia Sergeyevna

Saint-Petersburg named by V.B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy (Russian Federation)
 Associate Professor of the Chair of International economic relations
 PhD in Economics
 wart1983@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to a problem of an assessment of innovative projects risks arising at the introduction stage. The authors propose the algorithm of design and integration of real options into innovative projects allowing to increase the flexibility of multi-stage projects management which have the adapting possibility to changing implementation conditions.

KEYWORDS

risk assessment, real options, innovative projects, investment analysis, performance indicators, method of cash flow analysis, innovative project stages

В настоящее время для нашей страны проблема перехода на инновационный путь развития является острой и актуальной. Это связано с нарастающим ростом конкуренции в большинстве отраслей, в этих условиях компании вынуждены искать принципиально новые решения, которые обеспечат долгосрочный потребительский спрос [4; 17; 19]. Однако в последние годы решению задач по поддержке инновационной деятельности бизнеса и инноваций в регионах уделялось недостаточно внимания, стратегия развития инноваций была по большей части ориентирована именно на поддержку предложения в сфере исследований и разработок [3; 5; 11; 22]. В результате из-за того, что инновационная деятельность была и остается одной из наиболее рискованных, и частный, и государственный секторы с опаской относятся к вложению средств в реализацию инновационных проектов [16].

Целый ряд рисков сопутствует разработке и реализации инновационных проектов, они могут привести к существенным отклонениям между запланированными и фактическими результатами проектов. Наиболее значимыми являются такие риски, как нежизнеспособность разрабатываемых технологий ввиду технических и инженерных ошибок, качество новой продукции не отвечает требованиям заказчиков и потребителей, разработанные технологии могут устареть еще до окончания реализации проекта из-за непрерывного и ускоряющегося инновационного процесса. Также завершение проекта может совпасть со спадом экономики региона или неблагоприятными изменениями рыночных условий, ввиду этого новый продукт может оказаться не востребован или спрос на него будет ниже по сравнению с плановым [12–14; 18]. В условиях высокой конкуренции и постоянно изменяющейся внешней среды компаниям необходимо выводить на рынок новые продукты раньше конкурентов, предвосхищать желания потребителей. Однако также этому может помешать и ряд операционных рисков, которые ведут к задержкам на всех этапах проекта [8].

Существует проблема: при высокой степени риска инновационного проекта компании отказываются от инвестирования. Однако, если при анализе проекта учитывать возможность принятия решения о его дальнейшей реализации на отдельных этапах проекта, его инвестиционная привлекательность может существенно возрасти [6; 10; 20].

Наиболее часто для оценки коммерческой привлекательности проектов используется метод чистого дисконтированного дохода. Но чем длительнее проект, чем более инновационным он является, тем сложнее оценить как сами денежные потоки, так и их возможные отклонения. Существует множество методов, позволяющих оценивать инвестиционные риски. В частности, метод Монте-Карло, анализ возможных сценариев, статистические методы, методы теории нечетких множеств [1; 2; 21]. Но эти подходы требуют большого количества исходных данных и не обладают достаточным уровнем гибкости в условиях быстро меняющейся внешней среды. Они не учитывают возможность менять решение о дальнейшей реализации проекта на его определенных этапах.

Поэтому, когда рассматриваются проекты, позволяющие поэтапную реализацию или дающие возможность выхода из проекта до его завершения, целесообразно

использовать метод реальных опционов. В отличие от метода денежных потоков, данный метод оценивает не коммерческие показатели проекта, а стоимость права инвестора принимать гибкие инвестиционные решения в рамках проекта в случае изменения условий на рынке. Реальный опцион — это право, но не обязательство на задержку, расширение, контрактацию или отмену действия по заранее определенным издержкам, называемым ценой исполнения и заранее определенного периода времени. Отсутствие гибкости при принятии решений приводит к худшим результатам. Точно так же применение NPV без учета гибкости приводит к недооценке инвестиционных проектов.

Финансовые и реальные опционы имеют много общего. Стоимость финансовых и реальных опционов зависит от пяти основополагающих переменных [9]:

1. Стоимость базисного рискованного актива (инвестиционный проект, поглощаемая компания). В отличие от финансовых активов, субъект реального опциона может влиять на стоимость базисного актива.
2. Цена исполнения. Это сумма денег, инвестируемая в исполнение опциона при покупке базисного актива (call-опцион), или сумма денег, получаемая при исполнении опциона, если базисный актив продается (put-опцион). При этом если цена актива увеличивается, то стоимость call-опциона уменьшается, а put-опциона увеличивается.
3. Время до истечения опциона. Увеличение времени до истечения увеличивает стоимость опциона.
4. Стандартное отклонение стоимости базисного актива. Величина стоимости опциона растет с ростом риска базисного актива, потому что выплаты call-опциона зависят от величины превышения стоимости базисного актива над ценой исполнения, и вероятность этого увеличивается с изменчивостью базового актива.
5. Безрисковая ставка доходности за время действия опциона.

К этим пяти переменным для реальных опционов необходимо добавить еще одну: дивиденды, которые могут выплачиваться по базовому активу.

Применение опционов для принятия решений позволяет повысить эффект при оценке и реализации проектов. Основой для этого является гибкость, возможность выбора при принятии управленческих решений. Наличие опциона или встроенной гибкости в проект повышает эффект от его реализации. Это повышение выражается в теоретической (справедливой) стоимости (цене) опциона [7].

Рассмотрим опцион на покупку некоторого инвестиционного проекта. Такой опцион обладает следующими характеристиками: S_0 — цена базовых активов в начальный момент времени; X — цена исполнения опциона; T — срок (время), на который можно отложить принятие решения о реализации опциона; r_f — ценность денег во времени (в качестве этого показателя используем действующую ставку рефинансирования ЦБ РФ).

Введем следующие обозначения. Пусть p — вероятность того, что стоимость базового актива X примет через единицу времени значение uX — большее значение стоимости, где u — больший корректирующий коэффициент, $q = 1 - p$ — вероятность того, что цена базового актива X примет значение dX , где d — меньший корректирующий множитель. Значения корректирующих множителей, как правило, определяются экспертно специалистами каждой конкретной отрасли. Портфель, составленный из рискованных и безрисковых активов, называется эквивалентным данному инвестиционному или портфелю активов, если доходы по этому портфелю совпадают с доходами инвестиционного проекта.

Предположим, что предполагается реализовать проект, инвестиции в который за год совершенно определенно составят 160 ден. ед. Эти инвестиции порождают входной денежный поток либо 238 ден. ед. или 82,4 ден. ед. в первый подпериод времени с равными вероятностями. При этом безрисковая ставка процента равна

9%. Также предположим, что найден эквивалентный портфель с ценой базисного актива по 35 ден. ед. за акцию, а равновероятные стоимости акций в 4 раза меньше соответствующих входных потоков от инвестиционного проекта. Исходя из приведенного определения, денежный поток эквивалентного портфеля идеально коррелирует с потоком проекта, данные приведены в табл. 1.

Определим рисковую ставку k . Пусть цена базисного актива эквивалентного портфеля равна 47 ден. ед. Тогда имеет место соотношение

$$X_0 = \frac{pX_u + (1-p)X_d}{1+k},$$

где p — вероятность наступления первого состояния экономики, а $(1-p)$ — второго. Тогда получаем равенство:

$$35 = \frac{0,5 \cdot 59,5 + 0,5 \cdot 20,59}{1+k}.$$

Откуда следует, что значение рискованной ставки процента равно 14,4%. Тогда можно оценить настоящую приведенную стоимость самого проекта следующим образом:

$$PV = \frac{0,5 \cdot 238 + 0,5 \cdot 82,4}{1,144} = 140 \text{ ден. ед.}$$

Так как расходы по инвестиционному проекту через год совершенно определенно составят 160 ден. ед., то эту сумму необходимо дисконтировать по безрисковой процентной ставке. Получим следующую денежную сумму:

$$160/1,09 = 146,79 \text{ ден. ед.}$$

Проект должен быть отвергнут. Однако оценка проводилась при отсутствии использования встроенной гибкости в проект. Рассмотрим оценку проекта на основе метода реальных опционов в табл. 2.

Применим метод эквивалентного портфеля. Имеем систему уравнений:

$$\begin{cases} l \cdot 59,5 + B(1 + r_f) = 78, \\ l \cdot 20,6 + B(1 + r_f) = 0. \end{cases}$$

Решая эту систему, получаем $l = 2,172702$, $B = -41,0621$. Тогда для эквивалентного портфеля получаем:

$$NPV = 2,172702 \times 35 + (-41,0621) \times 1 = 34,9825.$$

Поэтому встроенная гибкость в проект дает следующее увеличение оценки проекта:

$$34,9825 - (-6,79) = 41,7725.$$

Учитывая специфику инновационных проектов, были выделены разновидности реальных опционов, приведенные на рис. 1.

В исследовании был предложен алгоритм конструирования и встраивания в проект реальных опционов, которые позволяют инвестору, с одной стороны, защититься от последствий возникновения неблагоприятных событий, а с другой стороны — не

Таблица 1

Доходы от проекта и эквивалентного портфеля

	Доход проекта, ден. ед.	Доход эквивалентного портфеля, ден. ед.
Доход в первом состоянии экономики (X_u)	238	59,5
Доход во втором состоянии экономики (X_d)	82,4	20,6

Таблица 2

Оценка проекта на основе метода реальных опционов

	Доход проекта, ден. ед.	Инвестиции	NPV	Оценка альтернативы
Доход в первом состоянии экономики (X_u)	238	160	78	$\max\{78,0\}$
Доход во втором состоянии экономики (X_d)	82,4	160	-77,6	$\max\{-77,6; 0\}$

упустить потенциальные возможности, которые могут появиться по ходу реализации. Алгоритм интеграции концепции реальных опционов в схему инвестиционного анализа инновационных проектов представлен на рис. 2.

Данный способ инвестиционного анализа основан на исследовании контрольных точек проекта, в которых возможно несколько вариантов развития. И, что немаловажно, данный способ направлен не только на обнаружение, но и на целенаправленное создание таких точек. Выявление сценариев вариативности основывается на анализе конкуренции и потенциала компании на рынке, ограничениях проекта физического и правового характера. Опционные характеристики определяются на стадиях концепции и разработки проекта и могут использоваться или не использоваться — в зависимости от текущего состояния проекта и колебаний внешней конъюнктуры на стадиях реализации и завершения проекта.

Для апробации методических положений был рассмотрен инновационный проект создания производства по выпуску эластичных легких покрытий с новым комплексом радиопоглощающих и акустических свойств.

На первом этапе была проведена оценка проекта традиционными методами инвестиционного анализа [15]. Были рассчитаны показатели коммерческой эффективности проекта, проведен анализ рисков с использованием анализа чувствительности и сценарного подхода. Оценка методом дисконтированных денежных потоков дала следующие показатели эффективности: $IRR = 21,58\%$; $NPV = 4\ 295\ 529$ долл.; $PI = 1,2$; $DPBP = 7$ лет. Также было проведено имитационное моделирование, которое показало, что проект характеризуется высокой степенью неопределенности. Результаты имитации представлены ниже:

- Оценочное значение математического ожидания проекта: 4085 тыс. долл.
- Оценочное значение стандартного отклонения: 2682 тыс. долл.
- Коэффициент вариации значений NPV: 65,65%
- Максимальное значение NPV: 14 430 тыс. долл.
- Минимальное значение NPV: -4856 тыс. долл.
- Вероятность того, что NPV будет меньше 0: 6,5%

На втором этапе для оценки эффективности проекта использовался метод реальных опционов. Были выявлены сценарии вариативности в принятии инвестиционных решений в процессе реализации проекта с учетом изменения внешней

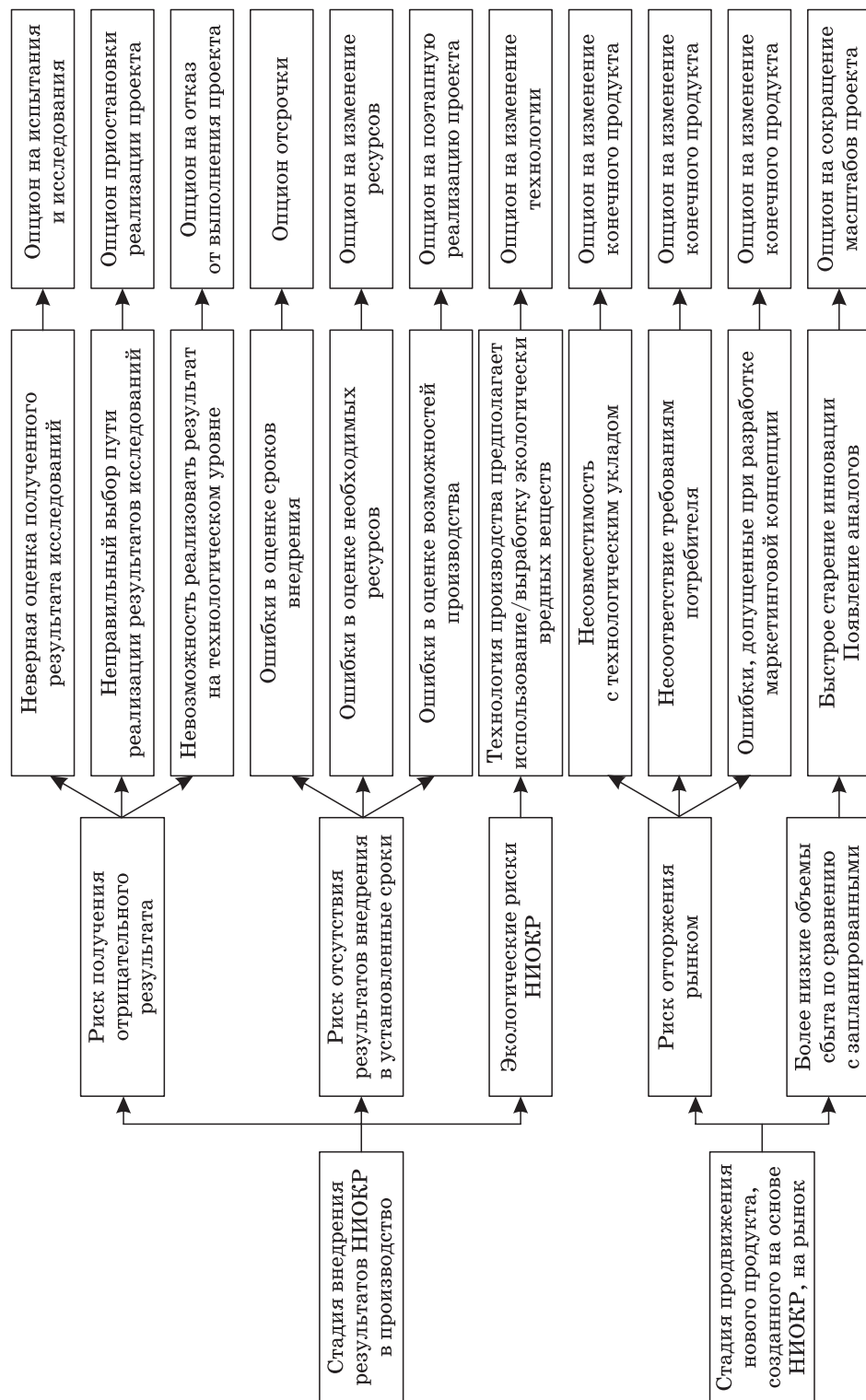

Рис. 1. Опционы, связанные со стадиями внедрения и продвижения инноваций

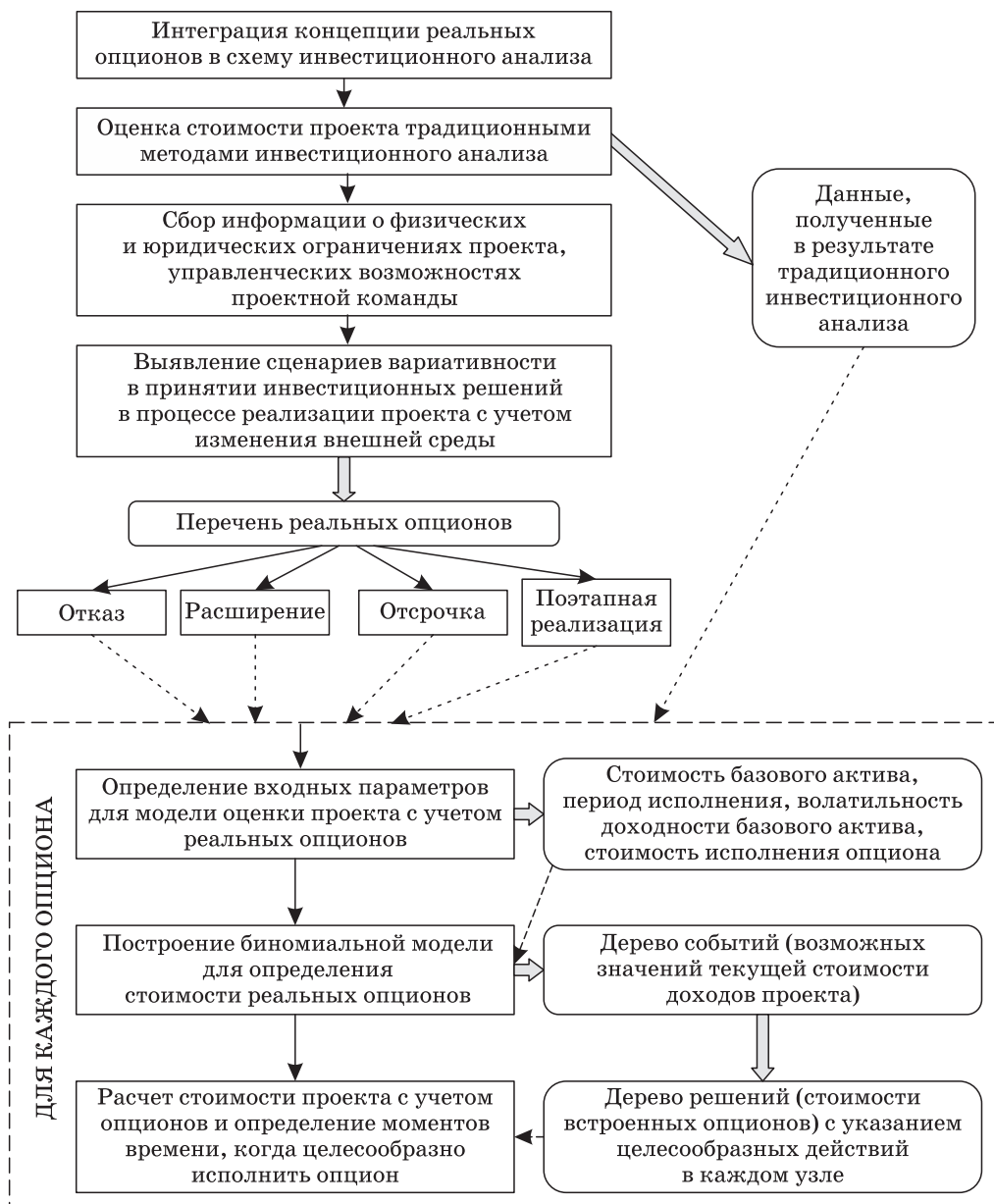

Рис. 2. Алгоритм интеграции концепции реальных опционов в схему инвестиционного анализа

среды и рассмотрены четыре типа реальных опционов. Сводная информация результатов расчета характеристик опционов представлена в табл. 3.

Анализ проекта с позиции реальных опционов позволил не только выявить дополнительные возможности, скрытые в проекте, позволяющие инвестору увереннее себя чувствовать в условиях рискованной среды, но и оценить их в количественном плане. Возможность влияния на ход инвестиционного процесса обладает определен-

Реальные опционы, встроенные в инновационный проект

Опцион	Тип	Базовый актив, тыс. долл.	Цена-страйк, тыс. долл.	Срок действия опциона	Стоимость опциона, тыс. долл.
Опцион на отсрочку начала проекта	call	Дисконтированная стоимость поступлений 26 400	Дисконтированная стоимость инвестиций 20 992	3 года	2434
Опцион на увеличение масштаба проекта	call	Исходного проекта 26 400 Расширенного проекта 29 427	Исходного проекта 20 992 Расширенного проекта 24 085	6 мес.	597
Опцион на поэтапную реализацию проекта	compound	Двухэтапного проекта 20 984	В первый этап 6788, во второй 9734	2 года для 1-го этапа, 5 лет для 2-го	1474
Опцион на отказ от реализации проекта	put	Дисконтированная стоимость поступлений 26 400	Ликвидационная стоимость проекта	2 года	1040

ной стоимостью, которая учитывается при оценке эффективности проекта. Поэтому предложенная схема проектирования опционных характеристик инновационного проекта на прединвестиционной стадии его реализации позволяет инвестору избежать недооценки *NPV* денежных потоков в условиях неопределенности внешней среды.

Литература

1. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Богоева Е. М., Липатова Н. Г. Методика расчета латентного эффекта применения системы управления рисками // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 2 (31). С. 115–123.
2. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Новиков В. Е., Останин В. А. Моделирование оптимизационных задач поддержки принятия решений в инновационном менеджменте // Вестник Российской таможенной академии. 2016. № 1 (34). С. 90–98.
3. Анисимов В. Г., Гарькушев А. Ю., Сазыкин А. М. Оптимизация внедрения новых технологий в перспективные образцы артиллерийского вооружения // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2012. № 4 (74). С. 39–44.
4. Анисимов Е. Г., Анисимов В. Г., Сауренко Т. Н. Таможенная политика в системе национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 1 (30). С. 14–19.
5. Босов Д. Б. Математические модели и методы управления инновационными проектами / Д. Б. Босов и др. Министерство образования и наука РФ, Институт современной экономики. М., 2009.

6. Ведерников Ю. В. Модели и алгоритмы интеллектуализации автоматизированного управления диверсификацией деятельности промышленного предприятия / Ю. В. Ведерников, А. Ю. Гарькушев и др. // Вопросы оборонной техники. Сер. 16: технические средства противодействия терроризму. 2014. № 5–6. С. 61–72.
7. Воронцовский А. В. Инвестиции и финансирование: Методы оценки и обоснования. СПб. : Изд-во С.Петербургского университета, 2003.
8. Генералов И. Г., Суслов С. А. Методические подходы к оценке конкурентоспособности организаций // Вестник НГИЭИ. 2016. № 9 (64). С. 31–38.
9. Ильин И. В., Суомалайнен Ю. С. Разработка методики оценки инвестиционных проектов на основе метода реальных опционов и теории нечетких множеств // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2009. № 6–2 (90). С. 114–119.
10. Капитоненко В. В. Оптимизационно-адаптивный подход к управлению инвестициями в условиях неопределенности / В. В. Капитоненко и др. М. : Российская таможенная академия. 2009.
11. Кежаев В. А. Методы и модели оптимизации в управлении развитием сложных технических систем / В. А. Кежаев, Н. И. Свертилов и др. СПб. : Изд-во Политехника. 2004.
12. Новиков В. Е. Модель поддержки принятия решений при формировании инновационной стратегии предприятия / В. Е. Новиков и др. // Экономика сельского хозяйства России. 2016. № 3. С. 53–59.
13. Родионова Е. С. Математические методы и модели в экономическом и таможенном риск-менеджменте / Е. С. Родионова и др. СПб., 2016.
14. Родионова Е. С. Теоретические основы управления инновациями / Е. С. Родионова и др. СПб., 2016.
15. Ростова О. В., Ильин И. В. Методы информационного обеспечения инновационной деятельности // Наука и бизнес: пути развития. 2017. № 2. С. 30–35.
16. Ростова О. В., Сулоева С. Б. Этапы управления инвестиционным процессом в регионе // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2008. № 4 (61). С. 78–85.
17. Сауренко Т. Н. Модель поддержки принятия решений при формировании товарной стратегии производственной программы предприятия / Т. Н. Сауренко и др. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2016. № 2. С. 62–73.
18. Тебекин А. В. Экономический и таможенный риск-менеджмент / А. В. Тебекин и др. Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Российская таможенная академия». М., 2015.
19. Чварков С. В. Экономическая политика в системе национальной безопасности Российской Федерации / С. В. Чварков и др. // Национальные приоритеты России. 2016. № 3 (21). С. 22–31.
20. Черныш А. Я. Эффективность инвестиций. Методологические и методические основы / А. Я. Черныш и др. М. : Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, 2006.
21. Шамин Е. А., Генералов И. Г., Завибаев Н. С., Черемухин А. Д. Сущность информатизации, ее цели, субъекты и объекты // Вестник НГИЭИ. 2015. № 11 (54). С. 99–107.
22. Шатохин Д. В. Методы и модели стандартизации и унификации в управлении развитием военно-технических систем / Д. В. Шатохин и др. М. : Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, 2004.

References

1. Anisimov V. G., Anisimov E. G., Bogoyeva E. M., Lipatova N. G. *Method of calculation of latent effect of application of a risk management system* [Metodika rascheta latentnogo effekta primeneniya sistemy upravleniya riskami] // Bulletin of the Russian Customs Academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2015. N 2 (31). P. 115–123. (rus)
2. Anisimov V. G., Anisimov E. G., Novikov V. E., Ostanin V. A. *Modeling of optimizing problems of support of decision-making in innovative management* [Modelirovanie optimizatsionnykh zadach podderzhki prinyatiya reshenii v innovatsionnom menedzhmente] // Bulletin of the Russian Customs Academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2016. N 1 (34). P. 90–98. (rus)

3. Anisimov V. G., Garkushev A. Yu., Sazykin A. M. *Optimization of introduction of new technologies in perspective samples of artillery arms* [Optimizatsiya vnedreniya novykh tekhnologii v perspektivnye obraztzy artilleriiskogo vooruzheniya] // News of the Russian Academy of rocket and artillery sciences [Izvestiya Rossiiskoi akademii raketnykh i artilleriiskikh nauk]. 2012. N 4 (74). P. 39–44. (rus)
4. Anisimov E. G., Anisimov V. G., Saurenko T. N. *Customs policy in the system of national security of the Russian Federation* [Tamozhennaya politika v sisteme natsional'noi bezopasnosti rossiiskoi federatsii] // Bulletin of the Russian Customs Academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2015. N 1 (30). P. 14–19. (rus)
5. Bosov D. B. *Mathematical models and methods of management of innovative projects* [Matematicheskie modeli i metody upravleniya innovatsionnymi proektami] / D. B. Bosov [etc.]. Ministry of Education and science of the Russian Federation, Institute of modern economy [Ministerstvo obrazovaniya i nauka RF, Institut sovremennoi ekonomiki]. Moscow, 2009. 188 p. (rus)
6. Vedernikov Yu. V. *Models and algorithms of intellectualization of automated management of diversification of activity of the industrial enterprise* [Modeli i algoritmy intellektualizatsii avtomatizirovannogo upravleniya diversifikatsiei deyatel'nosti promyshlennogo predpriyatiya] / Yu. V. Vedernikov, A. Yu. Garkushev [etc.] // Questions of the defensive equipment. Series 16: technical means of counteraction to terrorism [Voprosy oboronnoi tekhniki. Ser. 16: tekhnicheskie sredstva protivodeistviya terrorizmu]. 2014. N 5–6. P. 61–72. (rus)
7. Vorontsovsky A. V. *Investments and financing: Methods of assessment and justification* [Investitsii i finansirovanie: Metody otsenki i obosnovaniya]. SPb. : Publishing house of St. Petersburg university [Izd-vo S. Peterburgskogo universiteta], 2003. 528 p. (rus)
8. Generalov I. G., Suslov S. A. *Methodical approaches to assessment of competitiveness of the organizations* [Metodicheskie podkhody k otsenke konkurentosposobnosti organizatsii] // NGIEU Bulletin [Vestnik NGIEU]. 2016. N 9 (64). P. 31–38. (rus)
9. Ilyin I. V., Suomalynen Yu. S. *Development of a technique of assessment of investment projects on the basis of a method of real options and the theory of indistinct sets* [Razrabotka metodiki otsenki investitsionnykh proektov na osnove metoda real'nykh opsionov i teorii nechetkikh mnozhestv] // Scientific and technical sheets of the St. Petersburg State Polytechnical University. Economic sciences [Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki]. 2009. N 6–2 (90). P. 114–119. (rus)
10. Kapitonenko V. V. *Optimizing and adaptive approach to management of investments in the conditions of uncertainty* [Optimizatsionno-adaptivnyi podkhod k upravleniyu investitsiyami v usloviyakh neopredelennosti] / V. V. Kapitonenko [etc.]. Moscow : Russian Customs Academy [Rossiiskaya tamozhennaya akademiya]. 2009. 173 p. (rus)
11. Kezhayev V. A. *Methods and models of optimization in management of development of difficult technical systems* [Metody i modeli optimizatsii v upravlenii razvitiem slozhnykh tekhnicheskikh system] / V. A. Kezhayev, N. I. Svertilov [etc.]. St. Petersburg : Polytechnic publishing house [Politekhnik]. 2004. 279 p. (rus)
12. Novikov V. E. *Model of support of decision-making when forming innovative strategy of the enterprise* [Model' podderzhki prinyatiya reshenii pri formirovani innovatsionnoi strategii predpriyatiya] / V. E. Novikov [etc.] // Rural economics of Russia [Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii]. 2016. N 3. P. 53–59. (rus)
13. Rodionova E. S. *Mathematical methods and models in an economic and customs risk management* [Matematicheskie metody i modeli v ekonomicheskom i tamozhennom risk-menedzhmente] / E. S. Rodionova [etc.]. St. Petersburg, 2016. 236 p. (rus)
14. Rodionova E. S. *Theoretical bases of management of innovations* [Teoreticheskie osnovy upravleniya innovatsiyami] / E. S. Rodionova [etc.]. St. Petersburg, 2016. 472 p. (rus)
15. Rostova O. V., Ilyin I. V. *Methods of information support of innovative activity* [Metody informatzionnogo obespecheniya innovatsionnoi deyatel'nosti] // Science and business: ways of development [Nauka i biznes: puti razvitiya]. 2017. N 2. P. 30–35. (rus)
16. Rostova O. V., Suloeva S. B. *Stages of management of investment process in the region* [Etapy upravleniya investitsionnym protsessom v regione] // Scientific and technical sheets of the St. Petersburg State Polytechnical University. Economic sciences [Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki]. 2008. N 4 (61). P. 78–85. (rus)
17. Saurenko T. N. *Model of support of decision-making during the forming of commodity strategy of the production program of the enterprise* [Model' podderzhki prinyatiya reshenii pri formirova-

- nii tovarnoi strategii proizvodstvennoi programmy predpriyatiya] / T.N. Saurenko [etc.] // The Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economy [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika]. 2016. N 2. P. 62–73. (rus)
18. Tebekin A.V. *Economic and customs risk management* [Ekonomicheskii i tamozhennyi riskmenedzhment] / A.V. Tebekin [etc.]. Russian customs academy [Rossiiskaya tamozhennaya akademiya]. Moscow, 2015. 180 p. (rus)
 19. Chvarkov S.V. *Economic policy in the system of national security of the Russian Federation* [Ekonomicheskaya politika v sisteme natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii] / S.V. Chvarkov [etc.] // National priorities of Russia [Natsional'nye priority Rossii]. 2016. N 3 (21). P. 22–31. (rus)
 20. Chernysh A.Ya. *Efficiency of investments. Methodological and methodical bases* [Effektivnost' investitsii. Metodologicheskie i metodicheskie osnovy] / A.Ya. Chernysh [etc.]. Moscow : Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation [Voennaya Akademiya General'nogo shtaba Vooruzhennykh sil Rossiiskoi Federatsii], 2006. 123 p. (rus)
 21. Shamin E.A., Generalov I.G., Zavivaev N.S., Cheremukhin A.D. *Essence of informatization, its purpose, subjects and objects* [Sushchnost' informatizatsii, ee tseli, sub"ekty i ob"ekty] // NGIEU Bulletin [Vestnik NGIEI]. 2015. N 11 (54). P. 99–107. (rus)
 22. Shatokhin D.V. *Methods and models of standardization and unification in management of development of military and technical systems* [Metody i modeli standartizatsii i unifikatsii v upravlenii razvitiem voenno-tekhnicheskikh system] / D.V. Shatokhin [etc.]. Moscow : Military academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation [Voennaya akademiya General'nogo shtaba Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii], 2004. 279 p. (rus)

Проблемы осуществления транспортировки грузов в Арктической зоне РФ морским путем

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-72-79

Антипов Евгений Олегович

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова РАН
(г. Архангельск)
Аспирант
antipov_eo@mail.ru

Тутыгин Андрей Геннадьевич

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова РАН
(г. Архангельск)
Заведующий лабораторией моделирования социально-экономических систем
Кандидат физико-математических наук, доцент
andgt64@yandex.ru

Коробов Владимир Борисович

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова РАН
(г. Архангельск)
Главный научный сотрудник
Доктор географических наук
korobov@atknet.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены проблемы, возникающие при доставке грузов морским транспортом в Арктическую зону Российской Федерации. Выделено шесть основных проблем, затрудняющих проведение этих операций. Предложена модель оптимизации маршрута доставки грузов при северном завозе, на конкретном примере доказана ее эффективность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Арктическая зона Российской Федерации, перевозка грузов морским транспортом, модели оптимизации маршрута

Antipov E. O., Tutygin A. G., Korobov V. B.

Problems of Implementation of Freights Transportation in the Arctic Zone of the Russian Federation by Sea

Antipov Evgeny Olegovich

Federal Research Center of Complex Arctic Studying named after academician N. P. Laverov of RAS (Arkhangelsk)
Graduate student
antipov_eo@mail.ru

Tutygin Andrey Gennadyevich

Federal Research Center of Complex Arctic Studying named after academician N. P. Laverov of RAS (Arkhangelsk)
Head of the Laboratory of Modeling of social and economic systems
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
andgt64@yandex.ru

Korobov Vladimir Borisovich

Federal Research Center of Complex Arctic Studying named after academician N. P. Laverov of RAS (Arkhangelsk)
Chief researcher
Doctor of Science (Geography)
korobov@atknet.ru

ABSTRACT

The addressed problems arise in cargo shipping by marine vessels in the Arctic zone of the Russian Federation. The document identified 6 major challenges hindering these operations. There has been proposed a route optimization model in the northern delivery with the efficiency demonstrated in particular example.

KEYWORDS

Arctic zone of the Russian Federation, cargo shipping, optimization model

В Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) весьма слабо развита транспортная инфраструктура, что препятствует освоению ее минерально-сырьевых ресурсов и обеспечению жизнедеятельности работающего и проживающего здесь населения. Из-за отсутствия разветвленной сети железных дорог, автомобильных дорог с твердым покрытием, достаточного количества аэропортов и вертолетных площадок зачастую только водный транспорт, и в первую очередь морской, является единственной возможностью доставки грузов по назначению [7]. При этом возникает ряд проблем, часть из которых рассмотрим на примере северного завоза [2].

Северный завоз — комплекс ежегодных государственных мероприятий по обеспечению территорий Крайнего Севера Сибири, Дальнего Востока, а также Европейской части России основными жизненно важными товарами, прежде всего, продовольствием и нефтепродуктами, в преддверии зимнего сезона. Северный завоз как феномен обусловлен отсутствием в районах Крайнего Севера собственной производственной базы большинства промышленных и многих сельскохозяйственных товаров и удаленностью основных промышленных районов на многие тысячи километров, что затрудняет и делает очень дорогой для частных юридических и физических лиц самостоятельную доставку товаров даже в летние месяцы.

В этих условиях единственно возможной является централизованная закупка и транспортировка товаров из центральных и южных областей России в районы Крайнего Севера. Эту обязанность, как ранее в СССР, так и в современной России, осуществляет государство за счет средств федерального бюджета и силами региональных и местных властей. Объем северного завоза традиционно исчисляется в денежном, а не в натуральном выражении.

Основным маршрутом, по которому осуществляется северный завоз, является Северный морской путь (СМП). СМП — это единственная широтная магистраль, связывающая все арктические и субарктические регионы России и оказывающая влияние на развитие территорий, удаленных к югу от побережья Северного Ледовитого океана на многие сотни километров [3]. СМП проходит по акваториям северных морей АЗРФ (рис. 1): Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского, Чукотского. Эта арктическая транспортная коммуникация протяженностью 5600 км (от Карских ворот до бухты Провидения) соединяет Европейскую часть России с морями Дальнего Востока [4].

Первой проблемой является ограниченность сроков, обусловленная непродолжительным периодом летне-осенней навигации. Навигация делится на два периода: летне-осенний (с 1 июля по 30 ноября) и зимне-весенний (с 1 декабря по 30 июня). Именно в период летне-осенней навигации становится возможным проход через пролив Вилькицкого, отделяющий полуостров Таймыр от архипелага Северная Земля и соединяющий Карское море с морем Лаптевых, и условно разделяющий Арктику на западный и восточный секторы. В зимне-весенний период проход через этот пролив в связи с высокой плотностью льда по фарватеру не представляется возможным.

Вторая проблема обусловлена сложными условиями и способами выгрузки. Существует четыре основных типа выгрузки: вертолетная; путем распаковки — пере-

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ

Рис. 1. Трасса Северного морского пути

валка груза на более мелкие суда и плавсредства для прохождения мелей; подходит для всех видов груза; прокладка шланголиний — для наливных грузов; швартовка к причалу. В условиях преобладания малых глубин, наличия отмелей и припая в 80–90% случаев представляется возможной только вертолетная выгрузка.

Третья проблема — удаленность точек выгрузки от материковых инфраструктур. В случае чрезвычайных ситуаций, отправляются два вертолета (так как им по одному запрещено выполнять полеты в условиях Арктики) с несколькими приземлениями для отдыха и дозаправки.

Четвертая проблема — финансирование северного завоза государством. Обусловлена она поздним финансированием и поиском исполнителей, которые готовы предоставить услуги авансом, и недостаточным финансированием, вследствие которого приходится урезать бюджет и искать дополнительные источники финансирования. В случае же позднего и недостаточного финансирования работы исполняются «под честное слово».

Пятая проблема касается выгрузки крупнотоннажных монолитных грузов на берег. Вертолеты, базирующиеся на борту судов, имеют ограничения на транспортировку и, как правило, не могут брать на подвеску более двух тонн груза, иногда несколько больше. Использование более мощных вертолетов связано с дополнительными затратами на их эксплуатацию и оплату перелета к месту работ.

Выгрузке с моря препятствуют заболоченные и крутые берега. Для их преодоления требуется строительство специальных дорог — в первом случае и подъемников во втором. И то и другое занимает достаточно много времени, не говоря уж о дополнительных — и не малых, затратах. Правда, в конце зимы, а в Арктике он приходится на март-апрель, в тех местах, где образуется прочный припай, возможна выгрузка грузов прямо на лед и доставка грузов с судов на берег по специально оборудованным дорогам. Но эти операции, получившие название «Ледовый причал», ограничены во времени и весьма затратны по финансам.

Попутно отметим, что для крупнотоннажных монолитных грузов требуются специальные суда, которых может не оказаться в наличии, а для особо габаритных грузов их необходимо будет строить, поскольку большие баржи, используемые в этих целях на крупных реках, по правилам морского регистра в морях эксплуатироваться не могут.

Шестая, наиболее важная с точки зрения человеческого фактора, проблема заключается в неэффективности существующих маршрутов завоза. Причина тому — построение маршрутов волонтеристским путем, который устарел, как с точки зрения

административно-правового ресурса, так и с экономической точки зрения. Для того чтобы ситуация изменилась, необходима разработка нового или использование существующего метода построения маршрута, с учетом факторов, присущих российской современной Арктике.

Безусловно, все эти проблемы решаемы, особенно со своевременным и полным финансированием. Они находятся в плоскости политических решений и упорядочения финансирования государственных проектов. Но одна из них — оптимизация маршрутов — выделяется особо, поскольку ее можно решить объективными методами. Рассмотрим конкретный случай завоза в навигацию 1997 г., с выходом и возвращением в порт города Архангельск, и способ его оптимизации для сокращения продолжительности в целом.

В качестве точек завоза используем 11 полярных станций (рис. 2): Архипелаг Земля Франца-Иосифа (о. Хейса, обсерватория им. Кренкеля), о. Баренца; Новая Земля (Малые Кармакулы), Амдерма, о. Известий ЦИК, Диксон, Сабетта, Антипаята, о. Визе, о. Котельный, Тикси, Певек, о. Врангеля.

Оптимизация проводилась по критерию времени прохождения маршрута, поскольку от времени — прямо и косвенно, в основном зависят затраты на транспортировку. Среднее время прохождения каждого участка было определено исходя из его протяженности и известной эмпирически средней скорости судна на нем. К этому времени было добавлено время разгрузки судна в каждой точке маршрута, оно принято за постоянную величину, равную 24 ч. Оптимизация выполнена с помощью хорошо известного алгоритма «задачи коммивояжера».

Отметим, что задача коммивояжера относится к классическим комбинаторным задачам дискретной оптимизации на графах [5]. Ее суть сводится к построению гамильтоновой цепи в ориентированном либо неориентированном графе и связана с обходом всех его вершин в точности по одному разу, таким образом, чтобы каждую вершину посетив один раз, в итоге прийти в начальную вершину и при этом длина пути должна быть минимальной.

Тур коммивояжера описывается циклической перестановкой $t = (j_1, j_2, \dots, j_n, j_1)$ множества вершин графа $j \in T = (1, 2, 3, \dots, n)$, причем все $j_1, \dots, j_n$ — различны. Расстояния C_{ij} между парами вершин образуют матрицу C . Задача состоит в том, чтобы найти тур t , минимизирующий линейный функционал:

$$L(t) = \sum_{k=1}^n C_{j_k j_{k+1}}. \quad (1)$$

Данная модель имеет ограничения на неотрицательность расстояний между вершинами графа $C_{ij} \geq 0$ и на запрет петель в графе:

$$(\forall j = 1, \dots, n) C_{jj} = \infty.$$

Заметим, что в случае ориентированного графа задачи коммивояжера матрица расстояний не обязана быть симметричной. В данной работе рассматривается неориентированный граф и, соответственно, симметричная задача нахождения гамильтонова цикла минимальной длины для связного графа. Для решения данной задачи известен ряд алгоритмов, к основным из которых относятся «жадный» алгоритм, венгерский метод, метод ветвей и границ [1]. На сегодняшний день разрабатываются новые алгоритмы для задач высокой размерности с использованием генетических алгоритмов [6]. Как оптимальный, с точки зрения реализации и минимальной погрешности, нами выбран метод ветвей и границ, предложенный в 1960 г. [9], в основе которого лежит идея последовательного разбиения множества допустимых решений.

Рис. 2. Исходный маршрут северного завоза 1997 г.

На каждом шаге метода элементы разбиения подвергаются анализу: содержит ли данное подмножество оптимальное решение, или нет. Если рассматривается задача минимизации, то проверка осуществляется путем сравнения нижней оценки значения целевой функции на данном подмножестве с верхней оценкой функционала. В качестве оценки сверху используется значение целевой функции на некотором допустимом решении. Допустимое решение, дающее наименьшую верхнюю оценку, называют рекордным. Если оценка снизу целевой функции на данном подмножестве не меньше оценки сверху, то рассматриваемое подмножество не содержит решения лучше рекордного, и может быть отброшено. Если значение целевой функции на очередном решении меньше рекордного, то происходит его замена. Будем говорить, что подмножество решений просмотрено, если установлено, что оно не содержит решения лучше рекордного.

Если просмотрены все элементы разбиения, алгоритм завершает работу, а текущий рекорд является оптимальным решением. В противном случае, среди не просмотренных элементов разбиения выбирается так называемое перспективное множество. Оно подвергается разбиению и анализу по описанной выше схеме. Процесс продолжается до тех пор, пока не будут просмотрены все элементы разбиения.

Зафиксируем 14 узловых точек маршрута северного завоза (табл. 1).

После снятия расстояний с навигационных карт данные были приведены в матричный вид. В этой матрице (табл. 2) указывается время в пути между всеми узловыми точками маршрута в часах.

После расчета соответствующего времени на преодоление этих расстояний длительность оптимального маршрута равнялась 906 ч, в то время как длительность первоначально используемого маршрута — 964 ч. Очевидная абсолютная разница между маршрутами составляет 58 ч, или более двух судосутков. И это при благоприятных погодных и ледовых условиях. В противном случае эта разница может быть еще больше, особенно при ледокольной проводке транспортных судов.

Предлагаемый маршрут завоза будет следующим (рис. 3): Архангельск, о. Баренца, о. Хейса, Антикаюта, Сабетта, о. Известий ЦИК, Диксон, Тикси, Певек, о. Врангеля, о. Котельный, о. Визе, Амдерма, Малые Кармакулы, Архангельск. Он совсем не такой очевидный, как это может показаться на первый взгляд. Обращаем внимание на порядок прохождения маршрута после выгрузки на Земле Франца-Иосифа (о. Хейса): следующим пунктом является Антикаюта, а не о. Визе, ближай-

Таблица 1

Узловые точки маршрута северного завоза

№ п/п	Узловые точки	№ п/п	Узловые точки
1	г. Архангельск	8	пос. Антипаюта
2	о. Баренца	9	о. Известий ЦИК
3	о. Хейса	10	о. Диксон
4	о. Визе	11	о. Котельный
5	метеост. Малые Кармакулы	12	пос. Тикси
6	пос. Амдерма	13	пос. Певек
7	пос. Сабетта	14	о. Врангеля

Таблица 2

Матрица расстояний, ч

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	0	103	114	119	71	81	110	127	105	98	190	202	247	249
2	103	0	68	93	76	101	110	128	103	105	155	164	211	214
3	114	68	0	43	71	84	76	31	67	68	111	121	168	170
4	119	93	43	0	68	72	66	84	53	52	94	103	149	152
5	71	76	71	68	0	27	85	97	73	79	153	163	209	212
6	81	101	84	72	27	0	64	81	54	60	134	145	191	193
7	110	110	76	66	85	64	0	43	38	46	119	128	175	178
8	127	128	31	84	91	81	43	0	55	63	136	145	196	195
9	105	103	67	53	73	54	38	55	0	31	106	109	162	165
10	98	105	68	52	79	60	46	63	31	0	100	107	156	159
11	190	155	111	94	153	134	119	136	106	100	0	46	85	92
12	202	164	121	103	163	145	128	145	109	107	46	0	88	108
13	247	211	168	149	209	191	175	196	162	156	85	88	0	41
14	249	214	170	152	212	193	178	195	165	159	92	108	41	0

ший к о. Хейса, как это обычно практикуется из соображений здравого смысла. Далее маршрут проходит вдоль побережья на восток, а островные станции, расположенные на островах Врангеля, Котельный и Визе, обеспечиваются грузами на обратном пути.

Данную модель можно усложнить и дополнить, сделав ее более адекватной реальной ситуации. Во-первых, учесть ледокольную проводку. Долгосрочные ледовые прогнозы достаточно большой надежности составляются заблаговременно, и потребности в ледоколах можно учесть до начала навигации. Во-вторых, в Обской губе расположено несколько точек выгрузки, которые можно обеспечить вертолетом с одной точки — помимо Антипаюты, это Тамбей, Сеяха, Мыс Каменный и ряд других. В таком случае грузовое судно может бросить якорь на акватории губы, удаленной от пунктов выгрузки на суммарно минимальное расстояние от них, чтобы оптимизировать вертолетные маршруты. В-третьих, коррективы может вносить погода, когда из-за длительных штормов становится невозможной не только выгрузка, но и само передвижение судна, вынужденного отстаиваться в бухтах, ино-

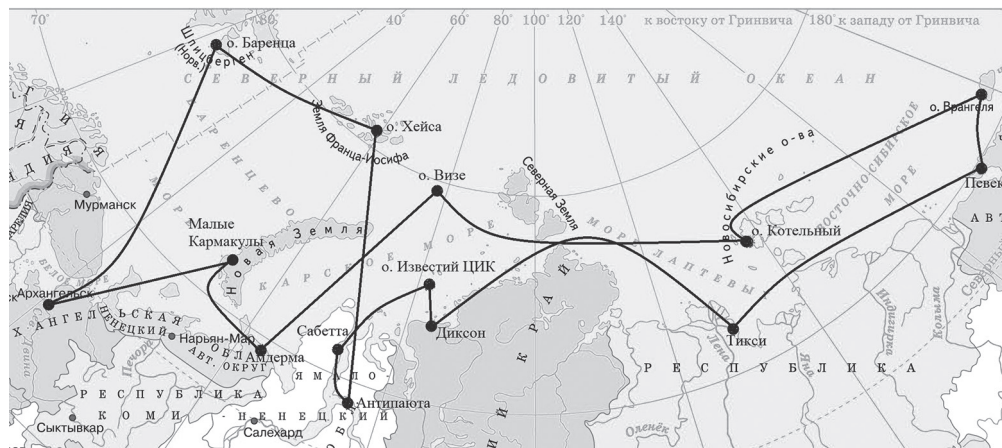

Рис. 3. Предлагаемый маршрут

гда в течение нескольких суток. При наличии прогнозов погоды, пусть их оправдываемость и не всегда удовлетворительна, такого рода алгоритмы способны обеспечить в оперативном режиме корректировку маршрута.

Поскольку задача становится многофакторной, для ее реализации можно использовать и более сложные подходы, основанные на экспертной оценке влияния факторов, представленных в матричном виде [8].

Таким образом, даже относительно простые методы комбинаторной оптимизации уже в первом приближении способны предложить более эффективные варианты использования ограниченного промежутка времени для осуществления северного завоза. Другие проблемы, поднятые в настоящей публикации, должны решаться путем соответствующего финансирования и разработки необходимых технических средств.

Литература

1. Адельсон-Вельский Г. М., Диниц Е. А., Карзанов А. В. Потокные алгоритмы. М. : Наука, 1975.
2. Антипов Е. О. Проблемы Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды при осуществлении северного завоза // Е. П. Башмакова, Е. Е. Торопушкина. Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения — 2016: Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Апатиты : РИО КНЦ, 2016. С. 159–164.
3. Белов М. И. История открытия освоения Северного морского пути. IV изд. Л. : Гидрометеиздат, 1969.
4. Гаккель Я. Я., Черненко М. Б. История открытия и освоения Северного морского пути. III изд. Л. : Морской транспорт, 1959.
5. Давыдов Э. Г. Исследование операций. М. : Высшая школа, 1990.
6. Панченко Т. В. Генетические алгоритмы / под ред. Ю. Ю. Тарасевича. Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2007.
7. Тутыгин А. Г. Концепция создания комплекса моделей развития транспортной инфраструктуры Арктической зоны Российской Федерации // Научное обозрение. 2016. № 24. С. 182–185.
8. Тутыгин А. Г., Коробов В. Б., Юфряков А. В. Матрицы парных сравнений как элементы экспертно-аналитической системы в моделях управления транспортной инфраструктурой в Арктике // Экономика, социология и право. 2016. № 11. С. 58–64.
9. Land A. H., Doig A. G. An automatic method of solving discrete programming problems // *Econometrica: Journal of the Econometric Society*. 1960. P. 497–520.

References

1. Adelson-Velsky G. M., Diniz E. A., Karzanov A. V. *Stream algorithms* [Potokovye algoritmy]. M. : Science [Nauka], 1975. (rus)
2. Antipov E. O. *Problems of Federal Service for Hydrometeorology and Environmental Monitoring at implementation of northern delivery* [Problemy Federal'noi sluzhby po gidrometeorologii i monitoringu okruzhayushchei sredy pri osushchestvlenii severnogo zavoza] // E. P. Bashmakova, E. E. Toropushkina. The North and the Arctic in a new paradigm of world development. Luzinsky readings — 2016: Materials of the VIII international scientific and practical conference [E. P. Bashmakova, E. E. Toropushkina. Sever i Arktika v novoi paradigme mirovogo razvitiya. Luzinskie chteniya — 2016: Materialy VIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii]. Apatity : RIO KSC, 2016. P. 159–164. (rus)
3. Belov M. I. *History of opening of development of the Northern Sea Route* [Istoriya otkrytiya osvoeniya Severnogo morskogo puti]. IV ed. L. : Hydrometeoizdat, 1969. (rus)
4. Gakkel Ya. Ya., Chernenko M. B. *History of opening and development of the Northern Sea Route* [Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti]. III ed. L. : Marine transport [Morskoi transport], 1959. (rus)
5. Davydov E. G. *Research of operations* [Issledovanie operatsii]. M. : The higher school [Vysshaya shkola], 1990. (rus)
6. Panchenko T. V. *Genetic algorithms* [Geneticheskie algoritmy] / under the editorship of Yu. Yu. Tarasevich. Astrakhan : Astrakhan University publishing house [Izdatel'skii dom «Astrakhanskii universitet»], 2007. (rus)
7. Tutygin A. G. *Concept of creation of a complex of models of development of transport infrastructure of the Arctic zone of the Russian Federation* [Kontseptsiya sozdaniya kompleksa modelei razvitiya transportnoi infrastruktury Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii] // Scientific review [Nauchnoe obozrenie]. 2016. N 24. P. 182–185. (rus)
8. Tutygin A. G., Korobov V. B., Yufryakov A. V. *Matrixes of pair comparisons as elements of expert and analytical system in models of management of transport infrastructure in the Arctic* [Matritsy parnykh sravnenii kak elementy ekspertno-analiticheskoi sistemy v modelyakh upravleniya transportnoi infrastrukturoi v Arktike] // Economy, sociology and law [Ekonomika, sotsiologiya i pravo]. 2016. N 11. P. 58–64. (rus)
9. Land A. H., Doig A. G. *An automatic method of solving discrete programming problems* // Econometrica: Journal of the Econometric Society. 1960. P. 497–520.

Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска)*

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-80-94

Полюшкевич Оксана Александровна

Иркутский государственный университет, Институт социальных наук
Доцент кафедры государственного и муниципального управления
Кандидат философских наук, доцент
okwook@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье показывается, что Иркутск, как город, находящийся в списке исторических поселений РФ и стремящийся к развитию туризма, имеет в своем багаже ряд нерешенных проблем, касающихся топонимики. Эти вопросы часто муссируются на разных уровнях — от городских СМИ до городской администрации. Топонимы в городе Иркутске можно в целом охарактеризовать как несущие на себе сильный отпечаток предыдущего государственного режима, в независимости, соответствует ли это историческому облику и сохранившемуся историческому наследию. Данная ситуация создает проблемы на пути формирования исторически взвешенного облика города, необходимого для гармоничного восприятия города и в контексте планов по развитию туризма.

Исследование носит междисциплинарный характер в контексте проблемы топонимики и городского образа отображается социально-политическим и историко-культурным подходом. А) Социально-политический подход отображается в изучении проблемы через призму влияния политических взглядов горожан и политической обстановки в конкретном изучаемом случае. Б) Историко-культурный подход отображается в комплексном изучении того раздела истории, который значительно влиял на культурное развитие образа и символов города Иркутска.

Вместе с тем происходит символическое конструирование территориальной идентичности жителей Иркутска через прошлые, настоящие и будущие названия улиц и площадей города.

Вопреки мнению сторонников топонимической реставрации, первоочередной задачей в популяризации данной идеи среди горожан должна быть не разъяснительная работа о пользе и последующих преимуществах, а развенчание мифов и заблуждений по поводу издержек, которые и являются, как выяснилось в результате опроса, основным камнем преткновения в данном вопросе. Однако на сегодняшний день приходится согласиться с тем, что в СМИ информация о топонимической реставрации культов освещается и подается не совсем верно. Это лишь сохраняет, а порой, и усиливает влияние на социум распространенными в связи с этим заблуждениями. В связи с этим инициаторам топонимической реставрации следует предоставлять верную информацию не только населению, но и СМИ, иначе процесс информирования населения инициаторами может получить низкую степень доверия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

идентичность, идеология, управление развитием, топонимика, городская идентичность, социальное развитие

Polushkevich O. A.

The Influence of Toponymy on the Identity of City Residents (Based on Materials from Irkutsk)

Polyuskevich Oksana Alexandrovna

Irkutsk State University, Institute of Social Sciences (Russian Federation)
Associate Professor of the Department of State and Municipal Management

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ 16-33-01015a2 («Социокультурные основы эмпатии», руководитель — к.ф.н., доцент О.А. Полюшкевич).

ABSTRACT

The article considers the urban toponymy of Irkutsk. Features of formation and development, features of influence on the identity of inhabitants and prospects of transformation are analyzed. Also, legislative contradictions are shown. In the present work, the phenomenon of the influence of toponymic heritage on the city and townspeople is considered, as well as the attitude of the society to the toponymy issues. By now, many organizations have been formed in Russia (including in Irkutsk), public associations whose activities are aimed at changing the urban image and the urban environment by correcting certain elements of urban toponymy. These associations have scales of directed activity from local (correction of toponymy in concrete settlements), to national (liquidation of concrete toponyms on the scale of the country). All this leads to the phenomenon, which is quite often encountered in post-Soviet Russia — re-naming of streets, squares and squares, settlements, etc. One of the most frequent claims of proponents of street renaming is the discrepancy between the cultural and historical content of the city and its toponymic textual image.

The work shows that the names of urban toponyms in Irkutsk, neither culturally, nor even historically, correspond to its real historical shape. There is a violation of the «myth of urban culture» (the unity of the name and space of the city), which ultimately affects the perception of the city by its inhabitants, as well as by the guests of the city — by tourists making a material contribution to the development of the city. In this regard, there is a need for toponymic restoration in Irkutsk.

At the moment in the vast majority of Irkutsk toponyms there is no response of textual images in the cultural and historical context of the city. However, as shown by the analysis of the historical center of the city, among the «Soviet» names there are still harmonious symbolic images that carry positive information about the history of Irkutsk, confirming its historical status.

KEYWORDS

Identity, ideology, toponymy, self-perception, streets, urban space

Города выполняют особую культурную функцию. Льюис Мамфорд вывел концепцию «Город, делающий горожанина», из которой следует, что все элементы урбанистического сообщества, в том числе и символические, в значительной степени формируют представление о поведении горожанина в его деятельности, а также образуют его повседневные стандарты комфорта [3, с. 98].

Исследования по данной теме показали, что жители городов, в структуре которых наиболее полно отражены его уникальные культурные и исторические аспекты, куда больше осведомлены о его истории и культурном развитии, нежели в городах, этих элементов городской среды лишенных. В данном случае имеет место столкновение индивидуума с окружающим городским текстом, несущим в себе определенный смысловой посыл. Совокупность текстов конструирует культурно-языковое пространство [2, с. 211]. Тексты обладают внутренней возможностью входить в ту или иную парадигму, возможностью актуализировать свои смыслы в интенционально обусловленных контекстах. Соответственно, чем лучше организована городская среда, чем гармоничнее продуманы символические элементы городского образа, тем выше перманентная культурно-информационная нагрузка на горожан. Опять же, по Л. Мамфорду, городские символы и образы влияют и на ритм жизни социума. Ритм жизни в городах есть чередование материальных и символических образов. Общая городская структура, отделенная в человеческом восприятии, приобретает символическое значение, соединяя «знающего» и «знаемое» [3, с. 116].

Субъективные образы, идеи, интуиции, только частично сформированные в их натуральном выражении, подобно этому приобретают материальные атрибуты, запечатленные в видимых структурах, размер которых, позиция, сложность, организация и эстетическая форма расширяют поле значений и ценностей, которые бы в противном случае оказались невыразимыми. В городской топонимике ярким примером будет являться наличие вторящих топониму материальных объектов: памятников,

памятных досок, а также любых материальных элементов городского пространства, имеющих смысловое единство с топонимом. Городской дизайн, следовательно, есть кульминационная точка социально адекватного процесса материализации.

В теме влияния городских образов на социум важно подчеркнуть еще один фактор — свойство подсознательного восприятия горожанами символов и текстов городской среды. Повседневные образы несут в себе посыл «нормальных», «стабильных», «привычных» элементов городского пространства. Это позволяет образам, часто в независимости от их смысловой нагрузки, их позитивного или негативного окраса, становиться неотъемлемой частью повседневной жизни горожан.

Следуя традициям и моделям отечественной культуры, используя ее языки и коды, человек неизбежно семиотизирует место своей жизни и приобщает его, тем самым, семиосфере национальной культуры. А сложившись и приобретая ощутимую плотность и внутреннюю связность, локальная семиотика начинает работать как относительно самостоятельный аспект среды. И начинает, соответственно, оказывать обратное влияние на привычки, представления, на мотивацию человеческого поведения и на локальные культурные практики [4, с. 91].

Анализируя работы Л. Мамфорда по культуре города, О. А. Лавреновой по влиянию городской среды, можно сделать вывод, что образ города, выраженный в символах, несет в себе культурно-воспитательные функции, создает модели поведения и в итоге влияет на общую социальную обстановку в конкретном городе [1].

Такова общая закономерность. Историческая жизнь конкретной, богатой культурой и образами обжитой местности всегда сопровождалась и сопровождается знаковой репрезентацией: такие местности, поселения, постоянно и стихийно продуцируют собственное символическое поле — локальный участок семиосферы данной культуры, подчиненный ее общим закономерностям, но имеющий и свою собственную, локальную специфику.

Городские символы в качестве объекта социальной и политической пропаганды

В связи с вышеописанным влиянием городских образов на социум, данная закономерность нашла применение в случае с созданием пропагандистских образов на базе городских символов. Как известно, в авторитарных и тоталитарных государствах имеет место масштабная работа пропаганды, которая контролирует, или пытается контролировать, максимальную часть общественной жизни. В таких случаях просто необходимо наличие некоего подсознательного инструмента, пропагандистского материала, который мог бы быть постоянно востребован у граждан в независимости от их желания или нежелания принимать в этом участие. В случае с образом города, самыми распространенными приемами «фоновой» пропаганды могут выступать любые идеологические образы, облеченные либо в форму конкретных физических объектов, либо в форме топонимических текстовых образов [8, с. 112]. Названия урбанонимов, городских топонимов в таких случаях выступают идеальной базой для претворения в жизнь пропагандистских программ. Данные тексты, как уже было описано выше, имеют свойства «постоянного спутника» индивидуума в рамках города, в независимости от его желаний и идейной приверженности. Данный метод пропаганды, нацеленный на массы, начал массово применяться только в XX в., однако, что примечательно, еще до того, как эффект подсознательного восприятия городских образов был систематически исследован [9, с. 141].

Метод пропаганды, который затрагивает «постоянные» образы, такие как городские топонимы, очень хорошо воздействует на развитие индивидуума, для которого идеологически-нагруженные топонимы становятся неотъемлемой частью городского повседневного образа. Пропаганда воздействует как на эмоции, так и на разум людей.

Соответственно, пропаганда, как и эмоции, может быть негативной или позитивной [7]. Позитивная (конструктивная) пропаганда стремится довести до потребителя те или иные убеждения в доходчивой форме. Цель позитивной пропаганды:

- способствовать социальной гармонии;
- способствовать внутреннему социальному согласию;
- способствовать воспитанию людей в соответствии с общепринятыми ценностями.

Позитивная пропаганда выполняет воспитательную и информационную функции в обществе. В данном случае такое определение вполне соответствует отечественному опыту СССР периода второй половины XX в. Однако имели место и случаи использования пропаганды в городских символах иного толка.

Негативная (деструктивная) пропаганда навязывает людям те или иные убеждения по принципу «цель оправдывает средства». Цель негативной пропаганды:

- разжигание социальной вражды;
- эскалация социальных конфликтов;
- обострение противоречий в обществе;
- пробуждение низменных инстинктов у жителей.

Это позволяет разобщить людей, сделать их послушными воле пропагандиста. Технология создания «образа врага» позволяет сплотить толпу вокруг пропагандиста, навязать толпе выгодные ему убеждения и стереотипы. Основная функция негативной пропаганды — создание иллюзорной, параллельной реальности с «перевернутой» системой ценностей, убеждений, взглядов. Негативная пропаганда активно пользуется низкой критичностью и внушаемостью масс с целью манипулирования этими массами в интересах узкой группы лиц [9, с. 56].

Пример внедрения негативной пропаганды в образах улиц можно найти в первые годы существования СССР (когда одержимость мировой революцией и борьба с противниками режима в полной мере оправдывала пропагандистский прессинг). На Украине в течение последних 10–12 лет (формирование образа врага по отношению к русскому этническому меньшинству также проводилось с помощью навязывания новых символов, примером тому могут послужить скандальные улицы им. С. Бандеры, И. Мазепы и т. д.).

Идентичность иркутя

Исторический центр города Иркутска внесен в предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В Иркутске имеется самобытное архитектурное достояние, сохранившееся в историческом центре города. Иркутск подается местными властями как культурная столица Восточной Сибири, как самостоятельный центр притяжения туризма. Однако сами же иркутские власти признают, что процесс сохранения культурного наследия и создания устойчивого исторического образа Иркутска имеет множество проблем в реализации.

С момента первого масштабного переименования улиц в Иркутске в 1920 г., завершившего период административно-народных актов наименования, начался период полного административного контроля над наименованием городских топонимов. До того момента имели место случаи, когда новые топонимы не «приживались» в народе, в результате чего постепенно возвращались предыдущие. Соответственно, становится трудно уследить в истории города многие топонимические изменения в дореволюционный период истории Иркутска. После взятия данного вопроса под административный контроль стало возможно «насаждать» топонимы, вне зависимости от встречного принятия нового топонимического образа жителями города. Благодаря этому становится гораздо легче отследить топонимические метаморфозы, происходившие в советский период российской истории.

На данный момент, по данным статистики, в Иркутске 744 улицы. К моменту Октябрьской революции в городе насчитывалось 110. До 5 ноября 1920 г. 93% названий улиц Иркутска возникли как отражение судьбы города. Они были названы именами первопоселенцев, местных жителей, отражали реалии местной истории, природы, производственной деятельности. Ныне лишь 30% городских топонимов могут рассказать о его истории. Город лишился значительной части своей индивидуальности, так как нынешние названия типа Ленина, Карла Маркса, Урицкого, Литвинова, 25 Октября, Революции и пр. встречаются во всех российских городах, являются шаблонными¹.

В ходе изучения был проведен анализ символического культурного наследия физического типа (капитальная застройка, памятники, памятные таблички и т. п.) улиц исторического центра города Иркутска.

Дата «5 ноября 1920 года» — день переименования большинства улиц исторического центра Иркутска — взята за основополагающий момент начала нарушения историко-культурной целостности образов и символов города Иркутска, выраженных в его топонимических текстах. Процентное соотношение дается на настоящий момент, так как в любом случае в 1920 г. практически вся застройка переименованных улиц была дореволюционной и содержала в себе стойкий сформировавшийся физический культурно-исторический образ, получивший резкий диссонанс с текстовыми образами, данными иркутским топонимам 5 ноября 1920 г.

Пример: ул. Карла Маркса — 74 здания, из них 54 — постройки до 1920 г.; доля дореволюционной застройки (подсчет проходил исходя из положения здания на красной линии застройки улицы, без учета официальных адресов) — 72,9%. Имеет место диссонанс символического физического и символического текстовых образов. Таких улиц, где доля исторической застройки более 50% (в рамках границ территории Иркутска на 1920 г.) на данный момент насчитывается 28. Также следует упомянуть о том, что ряд улиц претерпевали значительное изменение своих физических образов, т. е. улицы теряли свою ветхую историческую застройку, получая новые здания, новые формы, топоним же, в свою очередь, приобретал совершенно иной набор символов. Соответственно, образ и символ, который носил текст топонима, вместе с этим начинал носить свою новую образоспособность. К таким топонимам можно отнести, например, ул. Карла Либкнехта, ул. Красного Восстания, ул. Чкалова и т. д. Для примера можно взять ул. Карла Либкнехта, диссонанс физических и символических образов проявляется необычным образом — Саломатинская ул. до 1920 г. сохранила часть исторической застройки своего времени только в первой трети от общей своей протяженности. Соответственно, вся остальная улица представляет собой набор физических образов советского периода. Тестовое наполнение имени топонима — образ немецкого социалиста Карла Либкнехта, чья основная деятельность происходила на рубеже XIX–XX вв. Находится только один общий знаменатель, образ, объединяющий физический и символический образы — социалистическая идеология. Особенность данного случая состоит в том, что при всем единении физического и символического образа сам топоним возник еще в XVIII в., а основное сохранившееся архитектурное достояние несет в себе отсылку в XIX в. В таких случаях топонимическая реставрация не отвечает основным своим требованиям (создание гармоничной символической среды) и не решает самой проблемы. В советский период своей истории Иркутск долгое время, вплоть до 60–70 годов XX в., не оценивался с точки зрения наличия культурного наследия. Многие уникальные памятники архитектуры были

¹ Золотарев С. В. В Новгороде появились Спасский переулок и Слободской проезд / Новгород-информ от 30.03.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.nowgorod.ru/news/46022/> (дата обращения: 07.07.2017).

снесены. Топонимы были практически полностью заменены на идеологически верные, став оружием пропаганды новой власти. Переименования происходили поэтапно. Так, 5 ноября 1920 г. в Иркутске было переименовано большинство топонимов Иркутска, годонимы получили названия идеологов революции государственного и мирового масштабов. Тогда на карте Иркутска появилась ул. Ленина (надо отметить, еще при жизни самого В.И. Ленина), Свердлова, Володарского и т. д. Данные лица не имели прямой связи с Иркутском, а образы, которые стали носить иркутские улицы, соответственно, потеряли какую-либо связку с городом как материей — его физическими образами.

Многие иркутские годонимы, не являвшиеся антропотопонимами, в 1920 г. прошли процесс осмысленной, если можно так сказать, топонимической коррекции. Так, например, ул. Дворянская стала Рабочей, ул. Солдатская — Красноармейской, ул. Казачья — Красноказачьей и т. д. Либо происходило переименование по созвучию: так, например, Большаковский пер. стал Большевицким. Если в одних случаях после переименования полностью переворачивалась смысловая нагрузка образа, то в других — при сохранении старого образа добавлялся идеологический оттенок. Эти наименования имеют на данный момент на карте центра Иркутска наибольшую образную символическую самоидентичность.

Ниже приведен список типов урбанонимов Иркутска, несущих в себе элементы фоновой пропаганды предыдущего (советского) государственного строя:

- советские государственные деятели;
- деятели революции, идеологи революции;
- революционные события.

В историческом центре Иркутска на данный момент имеются топонимы, носящие имена В. Ленина, Я. Свердлова, К. Маркса, К. Либкнехта, В. Володарского, Ф. Энгельса, Ш. Фурье и т. д. — лиц, исторически никак не связанных с Иркутском и его никогда не посещавших. После первой волны переименований, устроенных советской властью 5 ноября 1920 г., в Иркутске постоянно происходили изменения текстовых символических образов. Однако в отличие от Санкт-Петербурга, тогда Ленинграда, с момента прихода советской власти не было проведено ни одной топонимической реставрации, топонимы которые Иркутск потерял в 1920 г. не возвращены по сей день. Говоря о хронологии коррекции иркутской топонимики, нельзя не упомянуть о процессе внедрения образов «местных борцов революции». В послевоенный период в Иркутске пошел процесс присвоения топонимам имен малоизвестных революционеров, которые имели хотя бы большую связь с Иркутском и его историей, нежели «шаблонные» топонимические образы Ленина, Дзержинского и т. д. Так на карте города появились имена Богграда, Гаврилова, Гершевича, Грязнова, Бабушкина. Данные люди не имели прямого отношения к конкретной улице, названной в их честь, улицы для наименования в честь этих людей выбирались случайно.

С городской образно-символической материей в период СССР власти особенно не церемонились, подтверждением тому может служить такой факт: в августе 1931 г. в Иркутск торжественно прибыли товарищи Ворошилов и Блюхер, и городское начальство в честь их приезда официально направило запрос в Москву с предложением переименовать Иркутск в Ворошиловск. План не был поддержан «сверху», что оградило Иркутск от потери собственного наименования, его первоочередного, основополагающего урбонима¹.

Впоследствии на протяжении советской истории Иркутска неоднократно происходила коррекция городских образов. Помимо возникновения новых идеологических

¹ Кузов В. К. Исторические разногласия/ Возвращение от 22.08.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://vozvr.ru/tabid/248/ArticleId/2339/vozvrashchenie-istoricheskikh-nazvaniy-i-problema-obshchestvennogo-soznaniya.aspx> (дата обращения: 07.07.2017).

образов, создававших в городе совершенно новую совокупность семиотики, имели место «перемещение», обмен местоположениями существующих топонимов. Так, например, ул. Чехова изначально находилась на левом берегу Иркутска, на месте современной ул. Колхозной, а ул. Колхозная находилась, соответственно, на месте современной ул. Чехова. К юбилею писателя, в 1960 г., иркутские местные власти произвели своеобразную «рокировку» топонимов. Таким образом, нарушилась целостность образов, создававшихся на левом берегу Ангары — ведь изначально планировка топонимических объектов в жилых кварталах Глазковского предместья еще в период своего возникновения на рубеже XIX и XX вв. создавалась под действием комплексного образа — все левобережные улицы Иркутска на тот момент являли единый образ среды, представленный литературными анротопонимами [6].

В советский период наименование топонимов отличалось значительной долей пропаганды — улицы в Иркутске по сей день носят имена революционеров, коммунистических идеологов, террористов народовольцев. Пример с попыткой переименования Иркутска в Ворошиловск в 1932 г. указывает на стремление местных властей того времени угодить начальству. Данное обстоятельство особенно показательно на фоне предыдущего Советскому Союзу государственного режима — в 1893 г., когда в Иркутск прибыл Николай II (на тот момент цесаревич-престолонаследник), в бурно растущем Иркутске того времени не было названо в честь венценосного наследника ни одного топонима.

На сегодняшний день некоторыми противниками топонимической реставрации Иркутска сам процесс переименования оценивается как ненужный и бессмысленный. Однако история города показывает, что сами власти Коммунистической партии на местном уровне активно использовали этот процесс в государственных целях. После масштабного переименования 1920 г. в Иркутске часто происходили единичные переименования. Разнились и масштабы. Как «неудобное» советской власти с карты города убрали имя Л. Д. Троцкого, дав улице новое имя — Ф. Э. Дзержинского. Точно так же после развенчания культа личности И. В. Сталина целый район Иркутска был переименован, получив название, сохранившееся до настоящего времени — Октябрьский. Надо отметить, что исходя из специфики переоформления документов, в случае продажи недвижимости в Октябрьском районе, постоянно находившейся в собственности с 1950-х годов, возникают проблемы с согласованием адресов.

На данный момент в Иркутск сохранилось всего три топонима, не утратившие своего первоначального текстового символического образа. Это ул. Ямская, ул. Горная и ул. Подгорная (без учета Знаменского и Глазковского предместий). Важно отметить, что некоторые староиркутские топонимы сохранялись вплоть до второй половины XX в., но и их настигала участь переименования. Так, например, ул. Кузнецкая была переименована в ул. Иосифа Уткина по решению Иркутского городского совета № 458 от 17.07.1967.

Интересную особенность в рамках иркутской топонимики и городской памяти продемонстрировал образ, исчезнувший с карты Иркутска еще в 1967 г. Ул. Бытовая, возникшая на основе ул. Савинской, была переименована в честь революционера местного значения Н. Гаврилова по решению исполкома Иркутского совета депутатов трудящихся № 458 от 17.07.1967. Однако нынешний район, местность пересечения ул. Гаврилова с ул. Чкалова до сих пор стойко существует в памяти горожан вместе с текстовым образом ул. Бытовой.

После Великой Отечественной войны в Иркутске наметилась тенденция на присвоение топонимам имен героев-иркутян. Так, в центре Иркутска появился пер. Богданова — до 1920 г. ул. Малая Трапезниковская. Говоря о данном топониме, важно подчеркнуть, что А. Богданов имеет прямое отношение не только к Иркутску, но и конкретно к этому переулку — он учился в расположенной на ней школе № 11.

На данный момент это редкий пример гармоничности текстового и символических образов в центре Иркутска.

Еще один переулочек в центре Иркутска — Сударева — назван в честь Героя Советского Союза Аркадия Викторовича Сударева, уроженца Иркутска. По решению Иркутского городского исполнительного комитета № 18/187 от 09.04.1985 переулок был выделен из отрезка ул. 5-й армии¹. Этот пример показывает, как меняется структура городских улиц, что имеет в итоге влияние и на создаваемый образ. В связи с этим нельзя говорить о том, что нынешние образы, выраженные в топонимике исторического центра Иркутска, не имеют права на существование. Как показывает вышеприведенная характеристика некоторых топонимических объектов, со временем городская среда также развивалась, закономерно делая менее актуальными ряд дореволюционных названий.

После распада СССР в Иркутске в отличие от многих других российских городов не начался процесс топонимической реставрации, в то время как процесс топонимической коррекции продолжился. Так, ул. 5-я Советская была переименована в ул. Пискунова по постановлению мэра г. Иркутска № 6/990-а от 29.09.1996. В данном конкретном случае топонимическая реставрация не могла иметь место, поскольку Иркутск на 1920 г. ограничивался на юго-востоке ул. 4-й Иерусалимской (носила данная улица и имя Чужак-Насимовича, но этот топонимический образ не прижился в народе), впоследствии переименованной в ул. 4-ю Советскую. В 1999 г. была проведена еще одна коррекция иркутского топонима — пр. Карл-Маркс-Штадта, названный в честь одноименного города-побратима Иркутска, был переименован в пр. Жукова. Данный случай имеет объективные причины — немецкий город Карл-Маркс-Штадт на тот момент вернул свое историческое название — Хемниц. Соответственно, одноименный трудновыговариваемый топоним, его образ потерял актуальность. Для закрепления нового данного символического образа на проспекте было решено установить памятник Г.К. Жукову. С точки зрения темы изучения данной работы, это было верное решение. Установление памятника подкрепляло символический образ физического, что дало возможность новому образу обрести семиотическое единство в рамках данного топонима. Однако данное решение о переименовании получило и критические отзывы — причиной стало псевдо дублирование текстовых образов. Но важно заметить, что ул. Жукова в Ленинском районе Иркутска носит имя иркутянина Героя Советского Союза Василия Фроловича Жукова. Это различие, однако, мало кому известно, данную ситуацию можно отнести к проблеме необразованности населения в данном вопросе, тем не менее созвучность текстовых символов, даже несущих разные образы, создает неравномерную, проблемную городскую среду.

В XXI в. процесс топонимической коррекции резко пошел на спад, в то время как процесс топонимической реставрации так и не был начат. Так, за все время с 2000 по 2014 гг. в Иркутске официально были изменены названия лишь нескольких остановочных пунктов, а также наименование трех мостовых переправ через Ангару². Здесь имеет место необычное решение местных властей — горожане сами голосовали и выбирали названия мостов. Однако окончательное слово стояло за топонимической комиссией города Иркутска. Выявив в голосовании предпочтительные среди населения названия, топонимическая комиссия выработала план переименования в единой концепции. В итоге мосты им. Ленина, Новый

¹ Пономарева Н. С. Мемориальные доски и памятники, памятные знаки, скульптуры и образцы техники Иркутска. Аннотированный каталог от 07.06.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://irkutskmemorial.ru/> (дата обращения: 07.07.2017).

² Малышкина Е. С. Нескольким центральным улицам в Иркутске вернут прежние названия/ ТРК Иркутск от 14.12.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://irkutsk.rfn.ru/rnews.html?id=86461> (дата обращения: 07.07.2017).

и Новейший получили названия, соответственно, Глазковский, Иннокентьевский и Академический. В данном случае имеет место пример косвенной топонимической реставрации. Дело в том, что жилой район Иркутск-II до революции назывался деревней Иннокентьевское, в честь иркутского святого, известного религиозного деятеля. Концепцией названий для мостовых переправ было выбрано движение с правого берега по направлению «в». Соответственно, название моста стало подразумевать «переправа по направлению в Иннокентьевское».

Инициатива горожан по топонимической реставрации проявлялась еще в советский период истории города. В 1980-х годах было собрано около 8000 подписей горожан за возвращение исторических названий улицам Иркутска. Организатор — преподаватель Юрий Зубакин. Однако тогда городские власти не пошли навстречу инициативе горожан, старт процессу топонимической реставрации Иркутска дан не был¹. В 2007 г. Юрий Зубакин и его единомышленники собрали деньги, заказали таблички и собственноручно прибили их на городские здания. Такие таблички легко узнаваемы: сине-белые цвета, правильная, нескругленная прямоугольная форма, меньшие размеры относительно стандартных городских указателей, не содержит словесную приставку «бывшая...». С тех пор данные мероприятия неоднократно повторялись. Содействовали этому организации РОНС (Русский общенациональный союз) и СРН (союз русского народа), все эти организации можно характеризовать как объединения правого политического толка. Имели место случаи, когда горожане срывали таблички с дореволюционными названиями, однако со временем этот процесс значительно уменьшился в масштабах, что в какой-то мере может говорить и о постепенном призывании горожан к дополнительным текстовым образам на улицах Иркутска.

Двойные таблички как явление Иркутск перенял у соседних сибирских городов — Красноярска и Томска. Предложения по их установке были одобрены и первая установка таких аншлагов за городской счет прошла в 2008 г. На установку специально декорированных аншлагов из городского бюджета было выделено около 2 млн руб.² Основным отличием от «кустарных» аншлагов было наличие словесной приставки «бывшая».

Сам процесс топонимической реставрации в Иркутске по-прежнему не начался. Однако стабильно с периодичностью в несколько лет городские власти заявляют о скором начале данного процесса. Так, в июле 2012 г. была выдвинута инициатива возвращения исторических названий четырем улицам центра Иркутска: ул. Богда планировалось вернуть название ул. Чудотворская, ул. Сурнова — Адмиралтейской, ул. Желябова — Трапезниковской, а Халтурина — Медведниковской³. Было объявлено, что мэр города уже готов подписать акт о переименовании, однако затем ничего не последовало. То же самое произошло в конце 2013 г., когда было заявлено о скором возвращении исторического названия пл. им. Кирова — пл. Графа Сперанского. Однако процесс был опять приостановлен⁴.

На данный момент можно смело говорить, что становится видно отношение жителей города Иркутска к старым названиям — фактически, стремление к дореволюционным историко-культурным образам «снизу». На данный момент есть

¹ Сотникова Г. Д. Переименовать улицы, чтобы победить преступность/ Gazetairkutsk от 09.11.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazetairkutsk.ru/2009/11/09/id3680/> (дата обращения: 07.07.2017).

² Головных И. М. Через тернии — к юбилею! // Областная газета. Иркутск. 22.10. 2010. С. 14–15.

³ Малышкина Е. С. Несколько центральным улицам в Иркутске вернут прежние названия/ ТРК Иркутск от 14.12.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://irkutsk.rfn.ru/rnews.html?id=86461> (дата обращения: 07.07.2017).

⁴ Горбачева Е. С. Не договорились / СмартНьюс от 01. 07.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://smartnews.ru/regions/nnovgorod/2434.html> (дата обращения: 07.07.2017).

ряд заведений в историческом центре города, в названиях которых имеются текстовые упоминания топонимических символов дореволюционного Иркутска. К таким можно отнести: продовольственный магазин «Тихвинское колесо» (местоположение — ул. Сухэ-Батора, до 1920 г. ул. Тихвинская), художественный магазин «На Троицкой» (местоположение — ул. 5-й армии, до 1920 г. ул. Троицкая), кафе «На Большой Блиновской» (местоположение — ул. Партизанская, до 1920 г. ул. Большая Блиновская), кафе «Трапезная на Баснинской» (местоположение — угол ул. Степа на Разина и ул. Свердлова, до 1920 г. угол ул. Почтамтской и ул. Баснинской).

Подтверждением непринятия горожанами штампованных образов российского масштаба может являться тот факт, что все вышеперечисленные объекты находятся на улицах, нынешние образы которых носят имена людей, никогда не бывавших в Иркутске и никак с ним не связанных.

Чтобы рассмотреть ценность дореволюционной иркутской топонимики, был проведен анализ его старых и нынешних названий, целью которого стала оценка востребованности в Иркутске топонимической реставрации.

Систематизация иркутской топонимики

Суммируя называемые разными авторами принципы выбора годонимов, можно выделить следующие основания этого процесса:

1. По общественно значимым объектам — церквям, арсеналам, торговым рядам и пр., расположенным на этой улице (Троицкая, Арсенальская, Рыбнорядская).
2. По топографическому положению улицы (Подгорная, Набережная).
3. По проходившим недалеко дорогам и направлениям (Заморская, Амурская, Кругобайкальская, Якутская).
4. По имени домовладельца, с усадьбы которого начиналась улица (Ланинская, Пирожковский).
5. По именам героев-земляков (Адмирала Алексеева, Егорова, Цукановой, Сударева).
6. По именам людей, которые связаны с городом (Кожова, Салацкого, Франк-Каменецкого).
7. По географическим субъектам страны (Донская, Волжская, Тверская, Вилуйская, Кубанская, Дальневосточная).
8. По названиям растений (Кленовая, Рябиновая, Ольховая, Ягодная, Яблоневая).
9. По памятным событиям (Декабрьских событий, Победы).

Отмечу, что названия, данные по четвертому, пятому и шестому принципам, можно объединить и отнести к классу антропотопонимов — названий, основу которых составляют имена и фамилии людей (Тургенева, Лермонтова).

Как показал проведенный анализ, из 744 улиц Иркутска 313 (42%) получили свое название в честь того или иного человека. А пока все эти названия мы объединяем под общим названием антропотопонимы. Среди этих антропотопонимов девять — с указанием звания (Маршала Жукова, Академика Павлова, Генерала Доватора) и 46 — с указанием имени человека, в честь которого названа улица (Ярослава Гашека, Софьи Перовской). Следует отметить, что среди данной группы годонимов достаточно много повторов, т. е. названий, посвященных одному человеку — всего 15. Пример: ул. Советская, пер. Советский и т. д. Из них одному человеку посвящено три названия — Радищеву: переулок, улица и проезд, также важно упомянуть С.М. Кирова, в честь него в Иркутске названы район, площадь, сквер и целых восемь улиц.

Абсолютно все антропотопонимы Иркутска созданы по модели «Улицы кого?» и имеют форму родительного падежа единственного числа с окончаниями:

- «а» (Лермонтова, Менделеева, Журавлева, Игошина);
- «ого»/«его» (Горького, Донского, Достоевского);
- «ой» (Крупской, Мухиной).

Либо образованные от нерусских несклоняемых фамилий на гласный, не имеют окончания (Каландарашвили, Ивана Франко, Короленко).

До революции из 110 годонимов, которые при изучении удалось найти в разных источниках, 27 — это антропотопонимы (24%). Интересно отметить, что все они созданы по модели «Улица какая?». При этом даже те улицы, которые после революции сохранили посвященность тому или иному человеку, формально свое название изменили, т. е. ул. Волконская, Гоголевская, Загоскинская, Пушкинская, Ядринцевская превратились в ул. Волконского, Гоголя, Загоскина, Пушкина и Ядринцева.

Годонимы, связанные с географией. В Иркутске довольно много (136–18%) названий улиц, связанных с географией:

- Иркутской области: Байкальская ул., Братская ул, Иркутная ул., Качугский пр., Жигаловская ул., Вилюйская ул.;
- Сибири и Дальнего Востока: Красноярская ул., Енисейская ул., Дальневосточная ул., Баргузинская ул., Амурский пр.;
- России: Ленинградская ул., Донская ул., Воронежская ул., Волгоградская ул.;
- СССР: Молдавская ул., Киевская ул., Полтавская ул.;
- Зарубежных стран: Пекинская ул., Канадзавы ул., Альпийская ул., Улан-Баторская ул.

Интересно отметить, что среди этих названий преобладают прилагательные с постановкой наименования по типу дореволюционных топонимов (Альпийская ул., Костромская ул., Кузьмихинский пер., Дальневосточная ул., Полярная ул.), однако есть и исключения (Канадзавы ул., Титово пр.). В дореволюционном Иркутске таких годонимов было, как удалось подсчитать, только 6 из 110 (5,4%): Нижняя Амурская ул. и Верхняя Амурская ул., Глазковская 1-я ул., Глазковская 2-я ул., Кругобайкальская ул., Якутская ул.

Почему же в Иркутске так популярны географические наименования?

Это объясняется большой степенью в дореволюционный период свободы относительно так называемых «народных» наименований. Соответственно, возникновение топонимов шло по принципу логического сопряжения с местностью. Пример: естественно, что на месте деревни Кузьмиха появилась ул. Кузьмихинская, на месте деревни Сарафановка — ул. Сарафановская, улица, которая ведет в Москву, стала называться Московской, а которая ведет в Качуг, — Качугской.

Главная причина такого подавляющего преобладания в Иркутске годонимов, связанных с географией, заключается в истории освоения Сибири. Сюда всегда шли — по своей или чужой воле — люди со всех районов России и Советского Союза. Обживаясь в нашем городе, участвуя в его строительстве, естественно, что многим иркутским улицам они давали названия в честь своих родных городов, своих родных мест. В советские времена, на административном этапе наименования улиц, этот процесс имел, естественно, идеологическую направленность.

Годонимы, связанные с прилежащими объектами. В Иркутске названий улиц, имеющих связь с прилежащими объектами, 76–10%. Первое, что бросается в глаза, это то, что в этой группе встречается много одинаковых названий. Так, например, есть пять Железнодорожных улиц, 5 Заводских переулков, 2 Ключевых улицы, 4 Огородных улицы, 2 Сарайных переулка (всего 22 улицы). Второй факт, на который тоже нужно обратить внимание, — это то, что почти все объекты, положенные в основу названий улиц, связаны с промышленностью, с производством, с транспортом (Звероферма ул., Колхозная ул., Ремесленная ул., Лесопильный пер., Нефтебаза ул., Металлобаза ул., Гаражный пер.). Но есть и традиционные для этой группы названия (Вокзальная ул., Госпитальная ул., Ипподромная ул., Курортная ул., Почтамтский пер.).

Однако ни одна улица современного Иркутска не называется в честь церкви, храма, собора, монастыря. До революции, по данным Е. А. Уткиной, 15% улиц были названы в честь храмов (Харлампиевская ул., Троицкая ул., Тихвинская ул., Преображенская ул., шесть Иерусалимских улиц, Знаменская ул.) и 11% по другим объектам (примерно столько же, сколько и сейчас!): Мяснорядская ул., Торговая ул., Арсенальная ул., Адмиралтейская ул. Но только одна улица из этого списка сохранила свое старое название: Ямская ул. — улица, на которой находилась станция ямщиков. Полная ликвидация топонимов, несущих оттенки религии, легко объясняется политикой тогдашних советских тенденций, направленных на борьбу с религией.

Годонимы, связанные с трудовой деятельностью. Всего в Иркутске есть 47 улиц (6%), в названиях которых отображена трудовая деятельность горожан. Многие названия связаны с профессиями, актуальными для Иркутска: Авиастроителей ул., Авиаторов ул., 6 улиц Летчиков, Гидростроителей ул., Инженерная ул., Геологов ул. Есть Учительская ул., Фельдшерская ул., Шахтеров ул. Такие названия — конечно, идеологические, но в них выражено уважение горожан к труженикам, создающим город, страну, обеспечивающим комфортные условия жизни города. В до-революционном Иркутске к годонимам такого типа могут быть отнесены, пожалуй, только Мастерская ул., Кузнецкая ул., а также Жандармская ул., Юнкерская ул., Дворянская ул., Ремесленная ул. Интересно отметить, что после революции Дворянская ул. была переименована одной из первых, и переименована в ул. Рабочую.

В Иркутске всегда, в том числе и в XX в., активно велось строительство. Отчасти в связи с этим многие названия улиц связаны со строительством, строительными материалами (Каменная ул., Гранитная ул., Известковая ул., Кирпичная ул., Гравийная ул.).

Но есть среди годонимов рассматриваемого типа и совсем необычные для Иркутска, типа «Космический проезд». В этом списке тоже есть повторы: (6 улиц Летчиков, 2 Локомотивных переулка, Трудовая ул. и Трудовой пр.) — всего 10.

Годонимы поэтические. Такое определение дается в связи с отсутствием конкретики, с которой можно было бы связать возникновение улицы. Всего улиц, названия которых можно отнести к поэтическим, в Иркутске 53 — 7%. Эти названия относятся к растениям (Березовая ул., Еловая ул., Земляничный пер., Кедровая ул., Пшеничная ул.). Есть названия улиц, которые связаны со временами года (Весенний пр., Зимняя ул., Осенний пер., Летняя ул.). Есть улицы, которые посвящены молодому поколению (Детская ул., Молодежная ул.).

Есть названия, которые нельзя охарактеризовать иначе, как поэтические (Громовой пр., Дружбы ул., Ледяная ул., Новогодняя ул., Вьюжная ул., Лунный пр., Снежный пер., Мира ул.).

Годонимы, связанные с топографией. Топография — описание местности. Годонимов, связанных с топографией, в Иркутске оказалось 42—5,7%. Среди них можно отметить такие типичные топографические названия, как Горная ул., Овражная ул., Пограничный пер., Восточный пер. Отметим, что есть много названий улиц, связанных с реками, берегами: Береговая ул., Верхняя Набережная ул., 9 км Каи ул., Ушаковская ул. Это неудивительно, так как Иркутск расположен на месте слияния нескольких рек: Ангары, Иркуты, Ушаковки, Каи.

Примечательно, что в этом разделе обнаружилось много одинаковых названий: 6 Западных переулков, 4 Карьерных улицы, 2 Полевых улицы, 2 Северных улицы. Всего эти четыре названия встречаются 15 раз. В старом Иркутске таких годонимов было 14%, но мне удалось найти только несколько таких названий: Канавная ул., Горная ул., Подгорная ул., Набережная ул., Луговая ул. [5].

Годонимы, связанные с памятными событиями, с политикой, армией, государственными органами. Почти все годонимы этого типа (74 — 10%) связаны с револю-

ционными событиями: Октябрьской революцией (25 Октября ул., Октябрьской Революции ул., Октябрьский пер.), Первомаем (Первомайская ул.), столетием В.И. Ленина (Юбилейный микрорайон), событиями, предшествующими революции (9 Января ул., 3 Июля ул., Польских Повстанцев ул., Декабристов ул.). Название только одной улицы из этой группы не связано с политикой — Куликовская.

К счастью, боевые действия на территории Иркутска проходили только во времена гражданской войны, поэтому в названиях улиц Иркутска отражены именно эти явления (Сибирских Партизан ул., Партизанская ул., Красных Мадьяр ул., 5-й Армии ул., Борцов Революции ул.). Однако Великая Отечественная война, конечно же, задела и наш город, поэтому кроме антропотопонимов ул. Белобородова, ул. Олега Кошевого и пр., помимо годонимов типа ул. Госпитальная в рассматриваемой группе годонимов есть и ул. Артиллеристская, и ул. Танкистов, и ул. Ракетная, и ул. Самокатчиков. В этой группе годонимов также очень много названий, связанных с реалиями советской власти: Пионерский пер., ул. Комсомольская, ул. Профсоюзная, ул. Пролетарская, Большевицкий пер., ул. Коммунаров, Гражданская ул., Делегатская ул., Депутатская ул. и пр.

Интересно, что ул. Красноказахья и Красноармейская были переименованы в 1920 г. из ул. Казачьей и Солдатской. И в этой группе тоже наблюдается довольно много одинаковых названий улиц: 18 Советских переулков и 3 Советских улицы, 3 Красноказахских улицы. Всего 5 названий встречаются 31 раз.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что иркутские годонимы можно распределить по всем видам групп (типов):

- 1) антропотопонимы;
- 2) географические;
- 3) объектные (улицы, названные по прилежащим объектам);
- 4) трудовые (улицы, названные по трудовой деятельности);
- 5) топографические (по описанию местности);
- 6) поэтические;
- 7) топонимы-события.

Выводы

Таким образом, результаты проведенного анализа наименований подтверждают, что топонимы, употреблявшиеся в Иркутске до массового переименования 1920 г., имеют большую степень топонимической читаемости, т. е. возможность наблюдения связи между образом, создаваемым годонимом, и конкретным местом.

Также в работе была проанализирована вся территория дореволюционного Иркутска без учета его предместий (Глазковского и Знаменского), как не относящихся к району исторического центра города. Всего «личностных» топонимов на данный момент в пределах исторического центра насчитывается 46.

Исторические личности, запечатленные в топонимах исторического центра Иркутска и не имеющие к Иркутску прямого отношения: Ж.-П. Марат, В.И. Ленин, Ф.Э. Дзержинский, К.А. Тимирязев, А.И. Желябов, С.Н. Халтурин, В.П. Чкалов, В.И. Суриков, Я.М. Свердлов, С.Т. Разин, К. Маркс, К. Либкнехт, М.С. Урицкий, Б.М. Хмельницкий, Ш. Фурье, М.М. Володарский, Ф. Энгельс, С.Л. Перовская, Н.А. Некрасов, А.П. Чехов, М. Горький, П.Д. Осипенко, Е.И. Пугачев, А.Я. Невский, В.И. Лебедев-Кумач, Г.В. Плеханов, Б.М. Шапошников. Итого 27 имен.

Исторические личности, запечатленные в топонимах исторического центра Иркутска и имеющие к Иркутску прямое отношение (родился, работал, либо как минимум был проездом в городе): Я. Гашек, Н.А. Гаврилов, М.М. Кожов, Д. Сухэ-Батор, Н.А. Бурлов, И.К. Грязнов, Ю.А. Гагарин, И.В. Бабушкин, А.С. Богданов, Н.А. Каландаришвили, З.Г. Франк-Каменецкий, К.Н. Гершевич, А.Я. Лапин, К.Р. Се-

дов, А. В. Сударев, Я. Е. Боград, С. Г. Волконский, И. П. Уткин, С. М. Киров. Итого 19 имен¹.

Таким образом, процент антропонимических символических текстовых образов, имеющих культурно-историческую общность с Иркутском, составляет 41%. Интересно отметить, что в ряде случаев, при наличии на данный момент чужеродного топонима не возникает потребности в топонимической реставрации. Причиной тому является окончательная потеря дореволюционным образом его актуальности. Примером такого топонима может являться ул. Александра Невского, до 1920 г. носившая название Сарайная по причине преимущественно хозяйственной застройки. На данный момент ни одного подобного сооружения на протяжении всей улицы не сохранилось.

Еще одним совершенно особенным элементом городской топонимики Иркутска являются предместья. На данный момент сам термин «предместье» не является официальным, однако стойко сохраняется на вербальном уровне среди горожан. В 1920 г. все предместья, за исключением Глазковского, были переименованы. Знаменское предместье, текстовый образ которого отсылал к Знаменскому женскому монастырю, было переименовано в предместье Марата. Ремесленное же предместье, переименованное в Рабочее, претерпело несколько иное изменение — изменился лишь окрас, основной же профессиональный образ был сохранен. Иннокентьевское предместье (опять же, как в случае со Знаменским, носившее в тексте символический образ монастыря) со временем стало «жилым районом «Иркутск-II». Специфика же всех этих районов заключается в том, что официально их переименовать невозможно. При отсутствии официальной документации, существующий лишь в вербальной коммуникации образ не способен трансформироваться.

Существуют топонимы, по которым не проходит ни один адрес, соответственно, проблема переоформления регистрационной документации отсутствует. К таким объектам можно отнести площади города (в Иркутске вообще нет адресов, которые проходили бы по площадям): пл. Труда, сквер им. Кирова, пл. им. Кирова.

Дублирующие названия. Образы, многократно повторяющиеся в символическом пространстве, являют собой пример несогласованности городских образов. Данная проблема мешает ориентированию на местности, обедняет семиотический комплекс городского пространства. В Иркутске эта проблема стоит очень остро: 8 Кировских улиц, 21 Советский переулок, 6 Советских улиц и т. д. Помимо прямого дублирования существует и проблема совпадения образов топонимов разных уровней. Пример: ул. Свердлова и Свердловский район, которые при этом географически не имеют связи между собой. Таких примеров в Иркутске много: ул. Марата и предместье Марата, Кировский район и Кировские улицы, ул. Ленина и Ленинский район.

Таким образом, можно заключить, что Иркутск с точки зрения планировки символического пространства имеет множество нарушений, негативно влияющих на городское ориентирование. По критерию взвешенности и равномерного распределения символических текстовых образов Иркутск, опять же, на данный момент представляет собой яркий пример дисгармонии городского пространства.

Литература

1. Колесников В. А., Полюшкевич О. А. От советского к российскому: социокультурные изменения общества // Дискуссия. 2013. № 2 (32). С. 60–63.
2. Лавренова О. А. Культурный ландшафт как знаковая система. М. : Астрель, 2009.
3. Мамфорд Л. Н. Культура городов. М. : Олимп, 2001.

¹ Пономарева Н. С. Мемориальные доски и памятники, памятные знаки, скульптуры и образцы техники Иркутска. Аннотированный каталог от 07.06.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://irkutskmemorial.ru/> (дата обращения: 07.07.2017).

4. Мартин Б., Рингхэм Ф. Словарь семиотики. М. : ЛИБРОКОМ, 2010.
5. Полюшкевич О. А. Солидарность поколений: монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014.
6. Попова М. В. Позиционирование территории как фактор городского развития // Культура и Взрыв: Социальные смыслы в трансформирующемся обществе: VII всерос. науч. интернет-конф./ под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изда-во ИГУ, 2015. С. 52–57.
7. Попова М. В. Современное развитие территориального брендинга (на примере сибирских городов) // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы научно-практ. интернет-конф. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. С. 81–88.
8. Сороченко В. П. Энциклопедия методов пропаганды. М. : Дрофа, 2002.
9. Цуладзе А. М. Большая манипулятивная игра. Анализ политических технологий. М. : Алгоритм, 2000.

References

1. Kolesnikov V. A., Polyushkevich O. A. *From Soviet to Russian: sociocultural changes of society* [Ot sovetskogo k rossiiskomu: sotsiokul'-utrynye izmeneniya obshchestva] // Discussion. 2013. N 2(32). P. 60–63. (rus)
2. Lavrenova O. A. *Cultural landscape as sign system* [Kul'turnyi landshaft kak znakovaya Sistema]. M. : Astrel, 2009. 371 p. (rus)
3. Mumford L. N. *The Culture of Cities* [Kul'tura gorodov]. M. : Olympus, 2001. 202 p. (rus)
4. Martin B., Ringham F. *Dictionary of semiotics* [Slovar' semiotiki]. M. : LIBROKOM, 2010. 256 p. (rus)
5. Polyushkevich O. A. *Solidarity of generations* [Solidarnost' pokolenii]: monograph. Irkutsk : ISU publishing house [Izd-vo IGU], 2014. 180 p. (rus)
6. Popova M. V. *Positioning of the territory as factor of city development* [Pozitsionirovanie territorii kak faktor gorodskogo razvitiya] // Culture and Explosion: Social meanings in the transformed society: VII scientific Internet conference [Kul'tura i Vzryv: Sotsial'nye smysly v transformiruyushchemsya obshchestve: VII vseros. nauch. internet-konf.] / Under a general edition of O. A. Karmadonov, O. A. Polyushkevich. Irkutsk : ISU publishing house [Izd-vo IGU], 2015. P. 52–57. (rus)
7. Popova M. V. *Modern development of territorial branding (on the example of the Siberian cities)* [Sovremennoe razvitie territorial'nogo brendinga (na primere sibirskikh gorodov)] // Global challenges and regional development in a mirror of sociological measurements: materials of scientific and practical Internet conference [Global'nye vyzovy i regional'noe razvitie v zerkale sotsiologicheskikh izmerenii: materialy nauchno-prakt. internet-konf.]. Vologda : Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS [ISERT RAN], 2016. P. 81–88. (rus)
8. Sorochenko V. P. *Encyclopedia of methods of promotion* [Entsiklopediya metodov propagandy]. M. : Drofa, 2002. 244 p. (rus)
9. Tsuladze A. M. *Big manipulative game. Analysis of political technologies* [Bol'shaya manipulyativnaya igra. Analiz politicheskikh tekhnologii]. M. : Algorithm, 2000. 328 p. (rus)

Ковалев А. А., Третьяков А. Л.

Социально-онтологические аспекты понятия «информационная война»

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-95-103

Ковалев Андрей Андреевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Доцент кафедры государственного и муниципального управления
 Кандидат политических наук
 senator23@yandex.ru

Третьяков Андрей Леонидович

Московский государственный областной университет
 Заместитель заведующего кафедрой дошкольного образования
 Аспирант 1-го курса кафедры информатизации образования Московского городского педагогического университета
 Магистр библиотечно-информационной деятельности
 andltretyakov@gmail.com

РЕФЕРАТ

Статья рассматривает социально-онтологические аспекты информационной войны как особого вида мировоззренческого и интеллектуального противостояния цивилизаций в современную эпоху глобализации. Информационная война является составной частью активной фазы геополитических противостояний, выступая преддверием классических форм политических деструктивных действий. Онтология информационной войны предполагает возможность силового противостояния цивилизаций, но оно наступает лишь после максимального ослабления психических, эмоциональных и волевых ресурсов противника. Информационная война аннигилирует патриотизм как особый способ миропонимания и мироощущения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социальная онтология, философия политики, информационная война, геополитика, холодная война, противостояние цивилизаций

Kovalev A. A., Tretyakov A. L.

Social and Ontologic Aspects of the Concept «Information War»

Kovalev Andrey Andreevich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management
 PhD in Political Sciences
 senator23@yandex.ru

Tretyakov Andrey Leonidovich

Moscow State Regional University (Russian Federation)
 Deputy Head of the Chair of Preschool Education
 Graduate student of the Chair of Informatization of Education of the Moscow City Pedagogic University
 Master of Library information activity
 andltretyakov@gmail.com

ABSTRACT

The article considers the socio-ontological aspects of the information war as a special kind of intellectual confrontation of civilizations in the modern era of globalization. Information warfare is an integral part of the active phase of geopolitical confrontations, acting as a gateway to the classical forms of political destructive actions. The ontology of information war assumes the possibility of a power confrontation of civilizations, but it comes only after the maximum

easing of the psychic, emotional and strong-willed resources of enemy. Information war annihilates patriotism as a special way of worldview and attitude.

KEYWORDS

social ontology, philosophy of politics, information war, geopolitics, cold war, confrontation of civilizations

Современная философия политики и теоретическая политология активнейшим образом занимаются исследованием такого вечного спутника человеческой цивилизации, как война. Существует огромное количество исследований феномена войны, среди которых наиболее актуальными в переживаемую человечеством историческую эпоху являются исследования войн информационных. Информационные войны — очень старое явление в военной и социокультурной истории человечества (недаром аналогии мировоззренческих и идеологических схваток можно найти еще в преданиях Ветхого Завета¹), но именно в современную революционную эпоху развития средств массовой информации и коммуникации такого рода войны приобрели важнейший — а быть может, и главный — статус в иерархии войн.

Отсюда возникает необходимость целостного исследования сути информационной войны с точки зрения целого комплекса общественных и гуманитарных наук. Но, на наш взгляд, следует, прежде всего, выявить онтологические, гносеологические, этические и аксиологические основания информационной войны как явления политической реальности. Недаром еще император-философ Марк Аврелий, следуя за Аристотелем, подчеркивал в своем труде «Наедине с собой», что главное в исследовании — это понять суть явления, что оно есть само по себе, то есть его онтологию [9, с. 236]. Поэтому данная статья будет посвящена рассмотрению некоторых социально-онтологических аспектов информационной войны.

В понятии «информационная война» «информация» выступает предикатом термина «война», указывая на особые свойства явления. Отметим, что сам термин «информация» во всех европейских языках происходит от латинского *informatio*, т. е. «изложение», «разъяснение», «осведомленность». Информация как форма знания — онто-гносеологическое явление, не только воздействующая на реальность, на все социальное бытие, но и в значительной мере формирующая его. Как мы отмечали ранее, «за последние десятилетия информация встала в один ряд с такими фундаментальными категориями, как материя и энергия, превратившись в необычайно широкое понятие, которое продолжает раскрываться для исследователей все новыми и новыми гранями» [5]. Информация как наиболее общее понятие обозначает определенные сведения, совокупность каких-либо данных и знаний, облеченных в четкую форму. При использовании понятия информации, как правило, подразумевается наличие, по меньшей мере, трех структурных компонентов: источника информации, потребителя информации и передающей среды.

Информация, по своей сути, пассивна, так как не участвует в целенаправленном действии, не способна самостоятельно переходить от субъекта к субъекту, не имеет возможности самовоспроизводиться без привлечения внешнего объекта передачи. То есть обязательно требуется наличие субъектов и объектов, которые способны создавать и воспринимать информацию, обеспечивать целенаправленные и осознанные действия, направленные на формирование и выявление свойств, присущих информации, на обеспечение ее дальнейшего существования. Но в самой ее природе заложен механизм явного или скрытого воздействия на умы и сердца

¹ В Ветхом Завете можно найти разнообразные идеологические предписания: о том, что необходимо учиться войне (Суд. 3:2), как выходить на войну (Числ. 10:9), что нужно предпринимать после окончания войны (Числ. 3:19; Втор. 31:19).

реципиентов, который, сработав, может привести к желаемым аксиологическим и этическим результатам.

Информационная система состоит из совокупности субъектов и объектов, способных обеспечить функционирование информационного процесса, который, в свою очередь, является совокупностью информационных актов как особого рода действий. Сама по себе информация не несет никакого смысла вне информационной системы. Только система позволяет информации проявить и выявить свои свойства. Другими словами, возникает некий парадокс: что является первичным, информация, которая создается некими субъектами, или ее операторы, которые ее передают или интерпретируют? Информационной системой является самовоспроизводящаяся система, состоящая из совокупности, некоей сети операторов (субъектов), которые целенаправленно создаются и (или) формируются в процессе логико-исторического развития для передачи некоторой информации, основанной на синтезе и переработке предыдущей совокупности информации.

Теперь перейдем к самому главному вопросу: с какой целью и как эта совокупность формируется. Так как информация является категорией пассивной, то необходимы активные звенья, способные и желающие ее создавать и производить. В современную эпоху противостояния цивилизаций такими активными субъектами, которые формируют, контролируют, передают и воспроизводят информационные потоки, являются геополитические акторы, задающие правила и принимающие активное участие в информационных схватках. Именно эти звенья информационного круговорота являются на сегодняшнем этапе активным элементом, задающим импульс для последующего развития. Разумеется, эти акторы выступают одновременно звеньями, составляющими элементами информационной системы, направленной на достижение позитивного результата в информационной войне.

Взятая в логико-историческом аспекте, современная информационная война ведет свое происхождение от идеологических схваток Второй мировой войны и от процессов холодной войны, которая формально началась после речи У. Черчилля в Фултоне, где этот британский политик объявил о необходимости создания ассоциации народов, говорящих на английском языке, в пик складывающейся мировой системе социализма, находившейся под влиянием победоносного Советского Союза.

Здесь можно вспомнить об идеологических диверсиях и мировоззренческих битвах, которые вел по всему миру Коминтерн — Коммунистический интернационал с 1919 по 1943 гг. Ведь от идеи мировой революции официальная идеология СССР, по сути дела, никогда не отказывалась, а эту идею нужно было обосновать и внедрить в сознание миллионов людей по всему миру. В послесталинские времена о мировой революции обычно не говорили открыто и даже теоретически обосновывали возможность мирного существования государств с различным общественно-политическим строем, но национально-освободительные движения по всему миру СССР поддерживал вплоть до пагубных процессов перестройки, приведшей великую державу к гибели. Мощная экономическая поддержка странам Азии, Латинской Америки и Африки осуществлялась со стороны СССР в совокупности с действенной идеологической и информационной обработкой населения, носившей ярко выраженный антизападный и антикапиталистический характер.

В СССР была создана мощная информационная сеть, которая успешно конкурировала с соответствующими западными аналогами, поэтому рецепты и методы работы, некогда применявшиеся великой державой, можно и нужно использовать в современном цивилизационном противостоянии. Недаром в России сравнительно недавно были созданы специальные войска информационных операций. По уровню развития специализированных подразделений по информационной безопас-

ности для военных или разведывательных целей Россия может входить в первую пятерку государств мира после США, Китая, Великобритании и Южной Кореи¹.

Активные звенья (субъекты) современной информационной сети, принимающие участие в информационной войне, призваны оказывать не только противодействие информационным атакам Запада, но действительно воздействовать на объекты информационного влияния в противостоящей цивилизационной системе. В этом суть информационной войны, включающей как оборонительные, так и активные наступательные действия. Ведь еще в 2015 г. в Риге был создан Центр стратегических коммуникаций НАТО, цель которого состоит в идеологической борьбе с «российской пропагандой». Неслучайно генерал-полковник в отставке и патриотически настроенный политолог Леонид Ивашов, который с 1996 по 2001 гг. был начальником Главного управления международного военного сотрудничества Минобороны РФ, отмечает, что сейчас идет демонизация России на фоне наращивания военных усилий, прежде всего, НАТО. Отсюда развертывание и расширение функций и структур информационной войны вполне оправдано. По словам Ивашова, «нам не хватает наступательных, превентивных действий в информационном плане. Минобороны показывает пример»².

По мнению этого известного и авторитетного политолога, созданные войска призваны заниматься более мощной аналитикой, разведкой и выявлением намерений противника, а также предупреждением ударов. Ивашов отметил, что «нужно влезать в историю, рассекречивать некоторые документы и проводить наступательные операции и по США, и по Германии, и другим странам»³. Давно известно, что тот, кто контролирует прошлое, контролирует и будущее. Различные интерпретации истории — отнюдь не безобидные теоретические игры, а мощное информационное оружие. Антипатриотическая трактовка отечественной истории в 1990-е годы нанесла непоправимый ущерб ментальности россиян, прежде всего — молодого поколения, для которого славное и трагическое советское прошлое представляется одной сплошной «черной дырой».

Применяемую в идеологической и мировоззренческой войне информационную систему можно представить в виде петлеобразной спирали, которая не имеет ни начала, ни окончания, так как она является одновременно и открытой (так как она развивается), и закрытой системой (так как все последующие действия оказывают непосредственное влияние на первоначальный импульс, цели и задачи). Следовательно, современная форма информационной системы является синтезированным результатом действий, воспроизводящих необходимую и представленную в желаемой форме информацию, кодирующую эту систему, в процессе ввода дополнительных самопроизводящихся факторов или целенаправленных внешних инструкций. Сам феномен информационной системы основывается на базе эволюционного синтеза.

Геополитические и глобализирующие процессы развития современного общества привели к резкому увеличению значимости виртуализации ментальности и массовых представлений социума. Люди все более и более склоняются к образу, отказываясь от слова. Но значение вербальной составляющей информационной системы велико и в обозримом будущем вряд ли нивелируется. Слово останется мощнейшим инструментом воздействия в информационных войнах.

Ныне усилилось значение коммуникационных инструментов формирования, распределения, контроля и реализации власти. Данный аспект сформировал совокупность характерных факторов, способных при их применении в области политических

¹ Коммерсантъ. 2017. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/daily/2017-01-10> (дата обращения: 23.08.2017).

² «Вести» интернет-газета // Войска информационных операций: теперь не только оборона, но и нападение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2858620> (дата обращения: 23.08.2017).

³ Там же.

коммуникаций формировать механизмы и инструменты воздействия на межгосударственные и внутригосударственные отношения и политическое настроение. Тем самым возник ряд существенных угроз. Так, например, происходит лавинообразное, уже вышедшее из-под контроля, разрушение традиционных моделей социально-гражданского, общественного и национального самосознания, путем целенаправленного внедрения альтернативных и — зачастую — абсолютно чуждых смыслов и ценностей. И достигается это как раз появлением механизмов и инструментария такого глобального инструмента воздействия, как информационно-коммуникационное поле. Если такое поле эффективно, то это может привести к победе в информационной войне. Видимо, та легкость, с которой развалился СССР, обусловлена не в последнюю очередь поражением социалистического лагеря в информационной войне, являвшейся главной составляющей холодной войны.

В. А. Золотарев пишет: «Информационная война — тема остросовременная. Выигрыш информационной войны является важнейшей предпосылкой победы на поле боя. В научный оборот вводится термин «информационная подготовка поля боя». Информационная политика должна обеспечивать мир, стабильность и сдерживание; формулировать долговременные интересы и цели страны; объяснять декларируемые цели, совершенствовать силы государства и бороться с недостатками» [3, с. 160].

Цивилизационные противники России осуществляют довольно активные и успешные действия в современной информационной войне. Причем страны, традиционно считавшиеся оплотом демократии и отличавшиеся наиболее развитым уровнем гражданского общества, демонстрируют ныне готовность ущемления прав человека ради массовой идеологической обработки и «промывания мозгов». Отечественные исследователи отмечают усилия, например, Британии по созданию государственной системы идеологического и информационного контроля над гражданским обществом: «Британия преуспела, получив в результате “государство надзора” (*surveillance state*), не имевшее аналогов в демократическом мире. Парламент утвердил 45 уголовных законов (больше, чем за все предыдущее столетие), предусматривавших более 3 тыс. новых составов преступления, например восхваление терроризма и возбуждение религиозной ненависти. Полномочия полиции и спецслужб в сфере ареста и задержания оказались расширены. Всем государственным учреждениям были предоставлены права на сбор информации, а от граждан стали требовать предоставления беспрецедентных сведений» [2, с. 21].

Видимо, в современном мире возникает опасность того, что с помощью формирования виртуальной среды и навязывания сконструированных искусственно социальных и политических идей и смыслов, происходит замещение объективной реальности. Это, в свою очередь, затем начинает оказывать как прямое, так и опосредованное влияние на социальное поведение и политическую активность общества в желаемом для субъектов, управляющих информационно-коммуникационной деятельностью, направлении. Все это напрямую может быть использовано и активно используется в информационной войне.

Под информационными войнами обычно подразумевается ведение целенаправленных ненасильственных действий, направленных на разрушение или искажение информационного поля оппонента с целью внедрения и навязывания воздействующим субъектом необходимых ему и чуждых противнику установок. Это в теории. А на сегодняшнем этапе мы видим, что информационная война, по-прежнему, является лишь составной частью активной фазы геополитических противостояний, так как всегда является преддверием таких классических форм политических деструктивных действий, как государственный переворот, гражданская война или военное вмешательство извне [6]. Во многих случаях вышеперечисленные действия спланированно осуществляются как единый синергетический алгоритм.

На сегодняшний день основными факторами, влияющими на сохранение и укрепление суверенитета государства, выступают инновационное развитие в сфере высоких технологий и создание информационно-интеллектуального поля. Связано это, прежде всего, с увеличением зависимости от доминирования в информационном пространстве и с обладанием механизмами и инструментарием контроля и воздействия на информационное пространство. Это в свою очередь формирует существенную зависимость возможности доминирования в политике, экономике и сфере безопасности именно от степени влияния на информационное поле. Так, например, за последнее десятилетие структура мировой экономики претерпела существенные изменения из-за перевода международного капитала из сырьевого сектора в область нематериального (а по сути своей, виртуального) производства. Нано-, био-, информационные и когнитивные технологии становятся ключевыми сферами в экономической сфере государств. К сожалению, в последние годы существования СССР и за 90-е годы XX в. было допущено серьезное отставание страны именно в развитии сферы высоких технологий, что и становится особенно ощутимым в современную эпоху противостояния русского мира и западной цивилизации.

Информация и человеческий капитал становятся основными инструментами для достижения подобного превосходства. Соответственно, экономически сильное государство обладает большим объемом способностей и ресурсов для поддержания своего геополитического статуса в политической плоскости и сфере безопасности. Информация и экономика, таким образом, на сегодняшний день во многом задают тон социально-общественному и политическому укладу, оказывая прямое воздействие на национальную, государственную и мировую безопасность. Ранее миром управлял капитал и идеи, теперь мир находится под управлением капитала, идей и той степени влияния на информационное поле общества, которым обладают экономически и политически сильные властные структуры.

У истоков формирования концепции информационных войн стоял Дж. фон Нейман с его выводом о том, что базовой основой любого управления является информация, а информация передается. Следовательно, важен не только сам смысл информационных сообщений, но механизмы и инструменты их передачи, кодировки, точность, качество и степень искажения при передаче и принятии информационного сообщения. Таким образом, акцент сдвигается с важности смысла сообщений к способам их передачи и методам кодирования. Таким образом, уже в 50-е гг. XX в. был сформулирован основной постулат войн нового поколения: истинно тотальная война — это война посредством информации.

Одним из составляющих звеньев современной так называемой «гибридной войны» является технология сетецентризма, в основу которой положена сетецентрическая модель обработки информации. Онтологически эта модель функционирует путем формирования единой компьютерной сети, технически завязанной на обращение к единой удаленной центральной базе, обеспечивающей потребителей необходимой информацией. И при этом ценность и потенциальная эффективность сформированной сети растет прогрессивно, так как каждый потребитель информации может сам стать источником информации, тем самым увеличивая вероятность накопления объема информации, необходимого для разработки результативных и эффективных действий.

Характерной особенностью такого взаимного обмена и координации информации является то, что звенья сети могут действовать в автономии от центра, т. е. в горизонтальных иерархических взаимоотношениях, тем самым давая возможность доказать существующую связь между звеньями сети и центром управления лишь косвенно. Именно по этой причине некоторыми исследователями данной проблематики считается, что под сетью подразумевается горизонтальность коммуникации и отсутствие четкого центра вследствие отсутствия

элемента строгой иерархии в управленческой системе и возможности автономности составляющих элементов [8].

Однако, на наш взгляд, стереотип относительно отсутствия в информационно-сетевом пространстве центров и акторов является иллюзорным, т. к. централизация узла сети определяется уже самим смыслом и сущностью сети, а именно — центральным звеном становится элемент с большим объемом информации, чем обладают соседние элементы. К тому же информация такого звена сети является, как правило, более свежей, аналитически проработанной и с доступом к конфиденциальным уровням [1, с. 46–47].

Таким образом, сама собой возникает ситуация, когда периферийные звенья начинают все больше потреблять информацию, которую им предоставляют звенья, завоевавшие центральный статус, вследствие более динамичной насыщенности информацией и ее более высокого качества. При этом существует еще и тот аспект, что даже при гипотетической возможности для каждого периферийного звена стать центральным, они не все готовы или согласны воспользоваться такой возможностью вследствие принципиального или случайного совпадения собственных действий с мнением центральных узлов системы, или же с неготовностью брать на себя дополнительный объем ответственности. К тому же статус центрального узла сети подразумевает необходимость постоянной напряженной контролирующей деятельности, что опять же накладывает дополнительную ответственность и содержит вероятность появления непредсказуемых рисков и угроз самому существованию системы.

Таким образом, сетевой феномен во время информационной войны способен выступить мощным фактором деструктивного разрушения национальной или государственной безопасности любой страны. Такое проявление сетевой власти, имеющей возможность деструктивно влиять на информационную безопасность или политическую систему государства через формирование или нивелирование общественного мнения, получило название «принцип Майнота», что фактически означает замалчивание, утаивание жизненно важной для общества информации [4].

Онтологические аспекты информационной войны тесно связаны и влияют на прагматические и телеологические компоненты. Суть тесно связана с целью существования явления и практическими результатами. Среди основных целей информационной войны можно назвать: разрушение или нивелирование существующей социальной системы оппонента с дальнейшим внедрением своего мировоззренческого или цивилизационного кода, то есть особой идеологии. Происходит это через контролируемые или создаваемые механизмы воздействия на ключевые институты общества, путем установления контроля и интерпретации событий под необходимым ракурсом и вектором. И все вышеперечисленные действия направляются на обобщающий результат — деструктивное изменение полноценного функционала информационных потоков в обществе. Такой вид войны может применяться не только в межгосударственном противостоянии, но и наднациональными и межгосударственными структурами, включая и сферу террористической деятельности, как на региональном, так и на глобальном уровне.

На современном этапе развития геополитических и межгосударственных взаимоотношений такие формы ведения войны применяются как симбиоз официальной международной политики государства и различных негосударственных акторов. И конечным результатом такой синергетичности является целенаправленное контролируемое изменение образного восприятия оппонентом окружающей действительности. Эффективность такого инструмента, как сетевые технологии, позволяет активно его использовать в любом управляемом конфликте — от проведения цветных революций до активного применения в процессе гибридной войны. Справедливость высказанного тезиса подтверждает вся новейшая история начала XXI в.

Таким образом, современная война принимает форму синтеза концепций гибридности с постоянным применением и усовершенствованием инструментария информационно-психологического противостояния. Так, приоритетность в отстаивании своего доминирования или суверенитета непреклонно сдвигается именно в плоскость четырехмерного противоборства, где четвертым измерением выступает психика воюющих народов [7].

Видимо, современным отечественным политологам, занимающимся проблемами информационной войны, следует учитывать, что в современной России до сих пор борются между собой две стратегические концепции общественного устройства. Первую из них можно назвать наследием ельцинской эпохи. Это либерально-индивидуалистическая стратегия, выражающая представления и взгляды ориентированных на западные ценности властных кругов, верхушки бизнеса и элиты российской творческой интеллигенции. Вторая рождена патриотическими силами, опирается на всю предшествующую российскую историю и исходит из современной ситуации цивилизационного противостояния. Ее целесообразно определить как коллективистско-патерналистскую, ибо она отражает мировоззрение и мироощущение народа, в том числе и патриотически-ориентированных политиков.

И по сей день наблюдается существенный разрыв в едином информационно-коммуникативном пространстве нашей страны. Разрыв этот — следствие того, что каждая из названных парадигм провоцирует создание автономного информационно-коммуникативного пространства. Все эти отмеченные обстоятельства не позволяют государству и обществу полноценно функционировать и развиваться. Более того, совокупность этих негативных факторов может привести к поражению в информационной войне.

Итак, информационная война — особый вид мировоззренческого и интеллектуального противостояния цивилизаций в современную эпоху глобализации. Онтология информационной войны предполагает возможность силового противостояния цивилизаций, но оно наступает лишь после максимального ослабления психических, эмоциональных и волевых ресурсов противника. Информационная война разрушает патриотизм как особый способ миропонимания и мироощущения, аннигилирует его и делает ненужным и даже нелепым.

Генезис современной информационной войны — в процессах холодной войны. Уже после Второй мировой войны были заложены основные парадигмы цивилизационного противостояния, которые привели как к холодной войне, так и к современному противостоянию Русского мира и западной цивилизации. Сможет ли человечество выработать новые правила совместного социального бытия и отойти тем самым от самого края страшной пропасти или же нас ждет ядерный апокалипсис — покажет ближайшее будущее.

Литература

1. Бреслер М. Г. Социальные сети и сетевые сообщества информационного общества. Уфа : РИЦ БашГУ, 2014.
2. Горохов П. А., Вялых В. В. Современные модификации общественного договора // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 19–23.
3. Золотарев В. А. Военная безопасность Государства Российского. М. : Кучково поле, 2001.
4. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М. : Изд. дом ВШЭ, 2015.
5. Ковалев А. А. Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография. Санкт-Петербург : Коновалов А. М., 2016.
6. Провинцев П. М., Лепский В. Е. Глобальная конкуренция за лидерство в сфере высоких технологий и перспективы реализации парадигмы инновационного развития на пространстве ШОС. Проблемы социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на Евразийском пространстве. М. : Когито-Центр, 2014. С. 79–85.

7. Требин М. П. Терроризм в XXI веке. Минск : Харвест, 2003.
8. Федорченко С. Н. Сетевые технологии и легитимность политического режима // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2015. № 4. С. 129–137.
9. Фонтен Ф. Марк Аврелий. М. : Молодая гвардия, 2005.

References

1. Bresler M.G. *Social networks and network communities of information society* [Sotsial'nye seti i setevye soobshchestva informatsionnogo obshchestva]. Ufa : Publishing centre of BashSU [RITs BashGU], 2014. 173 p. (rus)
2. Gorokhov P.A., Vualikh V.V. *Modern modifications of the public contract* [Sovremennye modifikatsii obshchestvennogo dogovora] // Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2013. N 11. P. 19–23. (rus)
3. Zolotarev V.A. *Military safety of the Russian State* [Voennaya bezopasnost' Gosudarstva Rossiiskogo]. M. : Kuchkovo Field [Kuchkovo pole], 2001. 484 p. (rus)
4. Keane J. *Democracy and media decadence* [Demokratiya i dekadans media]. M. : Publishing house of HSE [Izd. dom VShE], 2015. 312 p. (rus)
5. Kovalev A.A. *Information policy and military safety of Russia during an era of opposition of civilizations: theoretical and methodological aspects of a problem* [Informatsionnaya politika i voennaya bezopasnost' Rossii v epokhu protivostoyaniya tsivilizatsii: teoretiko-metodologicheskie aspekty problem]: monograph. St. Petersburg : Konovalov A.M., 2016. 193 p. (rus)
6. Provintsev P.M., Lepsky V.E. *The global competition for leadership in the sphere of high technologies and the prospects of realization of a paradigm of innovative development on space of SCO. Problems of social and humanitarian ensuring of innovative processes on the Eurasian space* [Global'naya konkurentsia za liderstvo v sfere vysokikh tekhnologii i perspektivy realizatsii paradigmy innovatsionnogo razvitiya na prostranstve ShOS. Problemy sotsiogumanitarnogo obespecheniya innovatsionnykh protsessov na Evraziiskom prostranstve]. M. : Cogito-centre, 2014. P. 79–85. (rus)
7. Trebin M.P. *Terrorism in the 21st century* [Terrorizm v XXI veke]. Minsk : Harvest, 2003. 511 p. (rus)
8. Fedorchenko S. N. *Network technologies and legitimacy of a political regime* [Setevye tekhnologii i legitimnost' politicheskogo rezhima] // Bulletin of the Moscow State regional university. «History and Political Sciences» series [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Istoriya i politicheskie nauki»]. 2015. N 4. P. 129–137. (rus)
9. Francois Fontaine. *Marcus Aurelius* [Mark Avrelii] / Translation of N. Zubkov. M. : Young Guard [Molodaya gvardiya], 2005. 336 p. (rus)

Особенности промышленного дискурса в СССР во второй половине XX века

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-104-118

Родина Валерия Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет
Докторант
Кандидат политических наук
velnews@mail.ru

РЕФЕРАТ

Для анализа развития промышленности в СССР автор использует дискурсивную теорию, которая позволяет всесторонне определить тенденции развития промышленности в СССР во второй половине XX в. Такая практика использования понятия «дискурс» свойственна «критическим» подходам философских, социологических и политологических теорий. В данной статье автор ставит своей задачей проследить в исторической ретроспективе развитие и трансформацию промышленного дискурса, определить его роль в развитии государственности и экономики СССР. В статье предпринята попытка найти причины кризиса промышленного дискурса в СССР.

Автор анализирует взаимодействие различных акторов и влияние на промышленный дискурс проводимой государством политики. В частности отмечается, что важной особенностью промышленного дискурса в СССР стало подчинение его плановой экономике, а также приоритизация военного производства над гражданским, отсутствие эффективной связи науки и производства в СССР, отставание в научно-техническом прогрессе. Анализируются причины падения производительности труда и качества продукции, производимой национальной промышленностью, а также отмечается, что попытки реформирования промышленности в СССР не увенчались успехом, поскольку проводились в рамках командно-административной системы.

В статье отмечено наличие кризиса трудовой морали, катастрофическое снижение мотивирующей и мобилизационной стороны промышленного дискурса, а также разочарование советских потребителей в качестве и ассортименте товаров народного потребления. Автор резюмировал, что на закате СССР состояние промышленного дискурса было крайне удручающим, декларируемый государством промышленный дискурс не соответствовал действительности. Возможности промышленного дискурса были серьезно переоценены, отсутствовало стратегическое планирование на длительный период.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

промышленность, дискурс, СССР, научно-технический прогресс, рабочий класс, производительность труда, перестройка

Rodina V. V.

Features of Industrial Discourse in the USSR in the Second Half of the Twentieth Century

Rodina Valeria Vladimirovna

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Doctoral student
PhD in Political Sciences
velnews@mail.ru

ABSTRACT

For the analysis of development of the industry in the USSR the author uses the discourse theory which allows comprehensive definition of tendencies of development of the industry in the USSR in the second half of the 20th century. Such practice of use of the concept «dis-

course» is peculiar to «critical» approaches of philosophical, sociological and political theories. In the article the author puts the task to track development and transformation of an industrial discourse in a historical retrospective, to define its role in development of statehood and economy of the USSR. In the article an attempt to find the reasons of crisis of an industrial discourse in the USSR is made.

The author analyzes interaction of various actors and influence on an industrial discourse of the policy pursued by the state. It is noted that submission to his planned economy and also prioritization of military production over civil, lack of effective communication of science and production to the USSR, lag in scientific and technical progress became important feature of an industrial discourse in the USSR. The reasons of falling of labor productivity and quality of production made by the national industry are analyzed and also it is noted that attempts of reforming of the industry in the USSR weren't crowned with success as were carried out within a command management system.

In the article existence of crisis of labor morals, catastrophic decrease in the motivating and mobilization party of an industrial discourse and disappointment of the Soviet consumers in quality and the range of consumer goods is noted. The author summarized that in the twilight of the USSR the condition of an industrial discourse was extremely depressing, industrial discourse declared by the state wasn't true. Possibilities of an industrial discourse have been seriously overestimated, there was no strategic planning for the long period.

KEYWORDS

industry, discourse, the USSR, scientific and technological progress, the working class, labor productivity, reorganization

Научное осмысление развития промышленности в СССР в послевоенный период — сложная задача, поскольку данное явление определяется многими факторами, в том числе экономическими, политическими и идеологическими. Немаловажное место среди них занимают многомерность, комплексность и уникальность объекта анализа. Тема исследования разноплановая. Прежде всего, это связано с непростым историческим периодом: восстановлением народного хозяйства после Второй мировой войны, началом холодной войны, гонкой вооружений и, наконец, перестройкой. На эффективность развития промышленности в СССР влияло множество факторов. Среди них взаимодействие различных акторов в рамках промышленного дискурса. В связи с этим комплексно оценить и проанализировать основные направления развития промышленности, тенденции, полифоничность различных акторов автору представляется возможным в рамках дискурсивной теории.

Дискурсивная методология была выбрана не случайно: в гуманитарных науках XX в. она получила широкое развитие и переосмысление. Представители философии постмодернизма, совершившие своеобразное «переоткрытие» этого понятия (М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт, Ю. Хабермас, Ж. Бодрийяр и др.) трактуют дискурс как специфическую форму социальных взаимодействий; способ социального бытия, отличающийся полифоничностью, многоаспектностью, спонтанностью, поливалентностью, децентрализацией и, одновременно, обусловленностью внутренними интенциями эпистемического происхождения [21, с. 42].

Поскольку термин «дискурс» имеет ряд толкований, для целей и задач статьи автор остановился на критической трактовке данного понятия, согласно которой дискурс рассматривается как корпус предписаний, правил, требований и их практического выражения в целях рационализации, оценивания и наделения определенным смыслом социальных фактов. Эта практика использования понятия «дискурс» свойственна «критическим» подходам философских, социологических и политологических теорий. В контексте этой трактовки наиболее абстрактное содержание понятия дискурса заключается в том, что оно относится к специфическому историческому периоду, социальной общности или к целой культуре [14, с. 5]. В рамках исследования автор опирался также и на другую традицию, заложенную в конце

XIX в., — традицию изучения дискурса как риторического и эстетического образования, эта группа теорий в основном отождествляет дискурс с феноменом власти, полагая его исключительно в сфере социальных отношений и взаимодействий [14, с. 9; 23; 24; 33].

Вторая мировая война внесла существенные изменения в промышленный дискурс: набравшая силы в предвоенный период милитаризация экономики в СССР носила форсированный характер, к началу 1940-х годов в СССР была создана база оборонно-промышленного комплекса, разработаны образцы вооружения и военной техники, резко увеличилась численность Вооруженных сил и изменилась их организационная структура. Тем не менее процесс перехода на новые образцы техники и организационной перестройки промышленности к началу Великой Отечественной войны не был завершен [5, с. 26; 9].

Опасность войны с Западом осознавалась высшим руководством СССР, в связи с этим была развернута масштабная военная подготовка. Ценой колоссальных усилий трудовых, научных и конструкторских коллективов, материальных и финансовых затрат в ходе выполнения предвоенных пятилетних планов в СССР был создан оборонно-промышленный комплекс — сектор общественного производства, предназначенный для обеспечения государства средствами вооруженной борьбы [5, с. 26].

Однако сверхмилитаризация практически всех отраслей хозяйства не могла не привести к усилению диспропорций в его развитии, а в перспективе — к краху советской экономической системы, основанной на внеэкономическом принуждении [8, с. 20]. По мнению автора статьи, эти тенденции значительно повлияли и на восприятие промышленного дискурса населением страны, который к началу 1990-х годов перестал быть популярным и релевантным для основной массы граждан и утратил широкую поддержку. Тем не менее трансформация дискурса проходила постепенно, а в некоторые периоды исторического развития не содержала в себе признаки деградации и имела все шансы на прогрессивную модель развития.

Так, с началом Великой Отечественной войны промышленный дискурс характеризовался признаками мощной мобилизации в целях форсированного военного производства. К неотложным планам относились: срочная эвакуация заводов из Белоруссии и Прибалтики; немедленное дублирование всех уникальных предприятий; выделение оборудования, материалов и кадров для создания филиалов ведущих заводов, определение мест их дислокации; ускорение пуска в эксплуатацию заводов, уже строившихся за Волгой; сокращение цикла производства техники; максимальное уменьшение объема опытно-конструкторских и фундаментальных научно-исследовательских работ; сосредоточение основных усилий на совершенствовании серийных машин и увеличении их выпуска; проведение испытаний по замене остродефицитных материалов обычными [30, с. 97–98].

Промышленный дискурс этого времени определялся директивой Совнаркома СССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 29 июня 1941 г.: «Когда решался вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение, все зависело от умения быстро организовать и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности для борьбы с врагом». Необходимо было «сплотить весь народ вокруг Коммунистической партии, вокруг советского Правительства для самоотверженной поддержки Красной армии, для победы, подчинить всю деятельность интересам фронта, форсировать военное производство, обеспечить усиленную работу всех предприятий»¹.

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Т. 3. 1941–1952 гг. С. 44–48.

Тем не менее обеспечить армию необходимой военной техникой в начале войны не представлялось возможным. Так, по воспоминаниям маршала Г. К. Жукова, в феврале-марте 1942 г. Ставка Верховного Главнокомандования требовала активизировать наступательные действия на западном направлении, но к этому времени силы и средства фронтов иссякли. Особенно остро стояла проблема обеспечения войск боеприпасами. Из запланированных на первую декаду февраля 316 вагонов Западный фронт не получил ни одного. Из-за отсутствия снарядов реактивную артиллерию пришлось частично отвести в тыл [10, с. 243].

Несмотря на явную неготовность СССР к войне, которая стоила миллионов жизней советских людей, в период острой опасности наблюдалась синхронизация различных акторов промышленного дискурса: руководители оборонной промышленности, ученые и конструкторы военной техники. Все было подчинено тотальной мобилизации: «Все для фронта! Все для победы!». Таким образом, в это тяжелое время оперативно и энергично проявила себя сверхцентрализованная директивная система управления. Под чрезвычайно жестким руководством Государственного комитета обороны были осуществлены эвакуация заводов, фабрик и перевод гражданского сектора экономики на военные рельсы. Вся система управления страной, в том числе промышленностью, в военные годы носила чрезвычайный характер.

Структура экономики страны и размещение производственных сил претерпели значительные изменения. При этом советская мобилизационная экономика оказалась достаточно эффективной, чтобы перестроить все народное хозяйство на военные рельсы [12]. В итоге восстановление экономики СССР началось уже в 1943 г [1, с. 57]. В 1944 г. в стране был достигнут пик военного производства, удельный вес которого в валовой продукции составил 51,4% [29, с. 219]. В 1941–1945 гг. доля военной продукции в общем промышленном производстве в СССР была 65–68% [5].

При этом, несмотря на сложное военное время, сопряженное с мобилизационным духом промышленного дискурса, проблема борьбы с низким качеством военной техники стояла также актуально, как и в довоенное время. Так, в постановлении от 29 марта 1943 г. № 3092 «Об улучшении качества танков, выпускаемых Наркомтанкопромом и Наркомсредмашем» ГКО отметил наличие большого количества производственных дефектов, снижавших боевые качества машин. Причины были все те же, что и в мирное время — низкая технологическая дисциплина, способствующая недоброкачественной сборке на заводах.

Итак, промышленный дискурс в чрезвычайных условиях войны развивался в условиях централизованной и мобилизационной модели управления. Победа в войне способствовала укреплению и дальнейшему сохранению этой системы, в результате которой появилась тенденция географического расширения оборонно-промышленной инфраструктуры в стране. Это, в свою очередь, заложило основу для создания отраслей по производству новейших вооружений — атомного оружия, реактивной техники, средств радиолокации. И в дальнейшем сделало СССР обладателем мощного постоянно действующего ОПК.

После окончания Великой Отечественной войны промышленный дискурс заключал в себе следующие задачи: восстановить промышленность, провести техническую реконструкцию основных отраслей промышленности, внедрить в производство достижения науки и техники, обеспечить трансфер передовых отечественных и зарубежных технологий. В связи с тем что оборонная промышленность работала только на войну, в мирное время требовалось значительно сократить выпуск военной продукции и соответственно увеличить производство гражданской продукции. Однако наступила «гонка вооружений». После окончания войны действующее оборонное производство не только сохранилось, но неуклонно наращивалось в странах-победительницах [8, с. 13].

В изучении темы послевоенного промышленного развития Советского Союза можно выделить несколько этапов. Первым этапом целесообразно считать конец 1940-х — начало 1960-х годов: годы восстановления народного хозяйства СССР и налаживания мирной жизни после Великой Отечественной войны. Была предпринята попытка технологического развития промышленности. Основным приоритет промышленного дискурса заключался в развитии науки и техники, которые необходимо было тесно связать с производством для преодоления технической отсталости.

Впервые задачи хрущевской модернизации были обозначены в постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР (СМ СССР) «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной техники», принятом в мае 1955 г. В постановлении, в частности, говорилось о необходимости внедрения последних достижений «передовой науки и техники», а также разработки более совершенных и дешевых материалов и изделий¹.

Промышленный дискурс этого времени представляет собой высокие темпы развития индустрии, достижения в научно-техническом прогрессе — создание атомной бомбы, водородной, начало использования атома в мирных целях, достижения в исследовании космоса, мощное развитие нефтяной промышленности — строительство трубопроводов, открытие новых месторождений, а также строительство промышленных гигантов на Урале, в Сибири. Удалось добиться успехов в отдельных областях науки и техники: в это время впервые в мире советский авиалайнер Ту-144 преодолел звуковой барьер, в результате действия программы «Луна» на Землю был доставлен лунный грунт, развивался космический проект «Венера», осуществлялись серии программ по пилотируемой космонавтике, достигнут ядерный паритет с США [2, с. 117]. Промышленный дискурс связан с появлением и развитием атомной промышленности. В Сибири создавалась основная производственная база по выпуску оружейного плутония, урана и других компонентов ядерного оружия, а также ракетного вооружения и радиолокации.

Во многих профессиональных журналах, сборниках и газетах появились специальные разделы, в которых помещались материалы о достижениях зарубежной науки и техники [16, с. 198]. Несмотря на железный занавес, СССР пользовался трансфером западных технологий, советское руководство пыталось перенимать зарубежный опыт для модернизации ряда отраслей. Анализ модернизации советской промышленности в годы холодной войны на примере конкретных технологий позволяет сделать вывод о том, что «железный занавес» был проницаемым. Несмотря на то, что перемещения через границу не были массовыми, движение людей, знаний, техники и материалов осуществлялось на протяжении всего периода [17, с. 35].

В этот период промышленный дискурс характеризуется высоким энтузиазмом среди рабочих — необходимо восстанавливать страну, начинает формироваться и новая парадигма — воспевание труда ученых, исследователей, высококвалифицированных инженеров. Однако одним из источников процесса конструктивного развития промышленного дискурса являлось «выкачивание» средств из сельского хозяйства в пользу отраслей тяжелой промышленности [8, с. 15].

Второй этап начался с середины 1960-х и продолжался до середины 1980-х годов. На развитие историографии этого периода оказывала влияние сложившаяся в руководстве страны концепция, предполагавшая, что не следует концентрировать внимание на ошибках и недостатках предыдущих этапов развития страны: многие

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. 1946–1955. М., 1985. С. 506, 508.

проблемы давно решены и получили достаточное освещение в официальных документах. Упоминание о культе личности Сталина и критическая оценка его деятельности постепенно исчезают со страниц исторических исследований [8, с. 16].

Период «оттепели», отразившийся и на промышленном дискурсе, в этот период начинает носить на себе отпечаток застоя, происходит снижение производительности труда, отставание в научно-техническом прогрессе от стран Запада, деградация трудовой советской морали и явные признаки регресса. Прежде всего, наблюдалось увеличение удельного веса отраслей промышленности группы «А» за счет отраслей промышленности группы «Б». Этот период, несмотря на весьма развитую научно-исследовательскую базу, следование лозунгам внедрения достижений научно-технической революции в жизнь советских людей, значительные объемы финансирования, советская промышленность по многим отраслям начала испытывать спад производства, который лишь усугублял социальные, экологические, техногенные риски развития общества и государства того времени [18, с. 164].

Увеличению доли ОПК в промышленном дискурсе способствовала конфронтация двух систем: социалистической и капиталистической. При этом новейшие достижения науки, техники, передовые технологии оказались сконцентрированными внутри ОПК и оставались практически недоступными гражданскому производству. Были разоблены серийные военные заводы и КБ, сохранялись неоправданные межотраслевые барьеры [3]. В отношении развития ОПК СССР мнения экспертов разнятся. Одни авторы утверждают, что ОПК СССР — источник научно-технического прогресса и позитивных изменений в жизни советского общества, другие, наоборот, что это — «социальный монстр», источник социально-политического застоя и других отрицательных явлений [22, с. 208–250].

Статистика и тенденции развития ОПК СССР свидетельствуют о следующем. К концу 1980-х годов предприятия оборонного комплекса производили 20–25% валового внутреннего продукта страны, в них были сосредоточены лучшие научно-технические разработки и кадры: производилось до 3/4 всех научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Предприятия оборонного комплекса производили большую часть гражданской продукции: 90% телевизоров, холодильников, радиоприемников, 50% пылесосов, мотоциклов, электроплит. Около трети населения страны проживало в зоне размещения предприятий ОПК [11, с. 28–32].

Таким образом, во второй половине XX века ОПК стал ключевой, наиболее привилегированной частью экономической и политической системы СССР. Он вышел за рамки одного государства и превратился в важнейшую силу в мировой экономике и международных отношениях. Промышленный дискурс этого времени продолжает оставаться милитаризованным и мобилизационным, поскольку этого требовала холодная война. Стержнем дискурса становится развитие новейших вооружений — ядерного, ракетного и др.

Явным приоритетом промышленного дискурса на протяжении всего развития СССР, и в этот период в частности, продолжала оставаться тяжелая промышленность. Как указывает, например, Пол Джозефсон, «на самом деле, тяжелая промышленность — металлургия, химическая и электрическая — получали львиную долю финансирования» [32, р. 21–49]. Несмотря на указанные явные приоритеты, промышленность группы «Б» была также частью промышленного дискурса. На высшем политическом уровне начали говорить о необходимости развития сектора «Б» в промышленности. Вопрос о важности положительных изменений в легкой, лесной, химической и других отраслях промышленности был официально поставлен руководством страны после смерти Сталина [17]. Было выпущено несколько постановлений Правительства СССР об увеличении производства товаров легкой промышленности, о развитии лесной, пищевой промышленности.

В послевоенный период и далее наблюдался запрос от населения на улучшение качества и расширение ассортимента товаров народного потребления. Однако швейные, обувные и текстильные фабрики, прежде всего, выполняли план по производству валовой продукции, не могли обеспечить необходимое количество изделий, пользующихся широким спросом населения. Отдельные предприятия продолжали выпускать изделия устаревших образцов и моделей¹. Одной из причин недопоставок отдельных видов изделий являлась недостаточная специализация швейных фабрик, загруженность их многочисленной номенклатурной продукцией. Отсутствие специализации производства приводило к снижению производительности труда и ухудшению качества изделий [6, с. 26]. При дефиците товаров наблюдалось низкое качество изделий, многочисленные жалобы на товары стали следствием отсутствия контроля за качеством товаров на предприятиях.

Из-за низкого качества, ограниченного ассортимента, а также несоответствия многих изделий требованиям моды возникли проблемы со сбытом товаров. Продолжался выпуск товаров с отклонениями от государственных стандартов. Имелись серьезные отступления от согласованного в договорах ассортимента продукции [25]. Осложнялось это еще и тем, что СССР отставал от наиболее развитых стран Запада по уровню потребления населения, наблюдалась «экономика дефицита», где «вещизм» и «потребительство» были тем сильнее, чем больше был дефицит высококачественных благ [15].

Таким образом, промышленный дискурс в группе «Б» содержал в себе также признаки регресса — началось формирование негативного отношения широких слоев населения к производимой национальной промышленностью продукцией. Советская промышленность не удовлетворяла потребность в товарах народного потребления. Ко всему прочему претензии к выпускаемой продукции этой группы были очень велики — брак, низкое качество, дефицит. Например, в сфере легкой промышленности модели были до предела упрощены, однотипные, выпускались большими партиями. Граждане могли сделать вывод о продукции национальной промышленности на основании товаров народного потребления, которые не соответствовали ожиданиям и запросам советского народа.

Кроме того, политика советского правительства по закупке дефицитных товаров народного потребления за рубежом была, по нашему мнению, в корне ошибочной. Из-за границы на государственном уровне везли только качественные вещи, а не ширпотреб. Из-за этого у населения складывалось ошибочное представление о том, что все, что делают за пределами СССР — качественное, модное, соответствует высоким стандартам. Это вкупе с дефицитом и мещанской трансформацией социалистической идеологии, начатой Н.С. Хрущевым, привело к кризису доверия населения к промышленному дискурсу в частности, и к советскому строю в целом.

Немаловажное место в промышленном дискурсе занимало целеполагание, направленное на повышения эффективности промышленного производства за счет научно-технического прогресса. Острота проблемы заключалась, прежде всего, в том, что между научно-техническим потенциалом и эффективностью его использования возникали явные противоречия. В целом связь науки и производства в СССР можно назвать неудовлетворительной [2, с. 117].

Принцип «по старинке» и «черные субботы» не добавляли эффективности в развитие промышленности. При этом не был налажен механизм внедрения научных открытий. Использовать новые технологии, совершенствовать производство, удешевлять себестоимость продукции было просто невыгодно². Предприятия делали плановые объемы на старом оборудовании, не заботясь об обновлении продукции

¹ ГАРФ. Ф.259. Оп. 42. Д. 608. Л. 18.

² ЦАНО. Ф. Р-15. Оп. 6. Д. 1373. Л. 20.

и ее удешевлении. Снизу к новшествам относились плохо, старались их избегать [31, р. 13–14]. В годы холодной войны «отсутствие мотивации для повышения производительности или индивидуальных инициатив рабочих, такой как высокие зарплаты, товары лучшего качества, комфортное жилье и продвижение по карьерной лестнице, приводило к тому, что советские лидеры прибегали к призыву рабочих штурмовать планы и следовать примеру Стаханова» [32, р. 24].

Действительно, за 1950–1960-е годы на советские предприятия поступило много новой техники, в том числе зарубежной, однако архивные материалы свидетельствуют о том, что часто эта техника длительное время оставалась на складах¹. Кроме того, некоторые установленные механизмы функционировали неправильно или часто ломались, что также было обусловлено низкой квалификацией специалистов. Была и другая причина. Бюрократическая система носила явные признаки окостенелости, препятствовала самореализации и проявлению любого творческого начала на производстве. Существующий на тот момент промышленный дискурс не внушал веры в полезность и перспективность внедрения технологий в производственную сферу, что в итоге приводило к застою мысли и дела.

Кроме того, он содержал в себе элементы демотивации, нерационально использовались не только производственные, но и природные ресурсы, наблюдалась привычка к использованию традиционных методов и средств экстенсивного производства. Не было материальных стимулов у рабочих к формированию у них технологической дисциплины и производственной культуры. Все это подтверждает, что промышленный дискурс со временем стал испытывать на себе серьезные признаки кризиса форсированной советской модернизации.

Причина кризиса промышленного дискурса заключается, по мнению автора, в том, что трудовая мотивация перестала адекватно восприниматься населением. Ценности индустриализации, электрификации и в целом модернизации довоенного периода СССР перестали быть реперными для основной массы населения и партийной элиты. «Для всех представителей этой элиты — начиная от «красных директоров» и кончая руководителями правительства — каждый успешный шаг по пути модернизации страны означал укрепление и повышение их собственного статуса. Это в равной мере относилось и к хозяйственной, и к военной, и к партийной, и к административной элите» [15]. К середине 1960-х годов ценностные ориентиры, которые раньше были стимулом для развития бюрократической карьеры, теперь потеряли былую актуальность и не были дополнены социально-политическими механизмами контроля «снизу». В такой ситуации идеологический самоконтроль не мог стать действенным средством контроля над ситуацией [18, с. 164].

Снижение популярности промышленного дискурса, в частности его мотивационных качеств, обусловлено еще и тем, что в предвоенное время призывы к труду сопровождались мерами принуждения и устрашения. В период хрущевской оттепели и брежневского застоя они подменяются мерами скорее экономического воздействия. Апелляция к чувству пролетарской солидарности перестает быть эффективной, снижается рабочий энтузиазм. Негативная трансформация промышленного дискурса заключается в том, что к концу 1960-х — началу 1970-х годов он не был подкреплён актуальными ценностями, которые могли бы стать основой для сохранения высокой трудовой мотивации раннего периода.

Таким образом, кризис промышленного дискурса был вызван кризисом советской трудовой морали. Требовался поиск новых дискурсивных практик, подразумевавших формирование эффективных механизмов трудовой мотивации для производствен-

¹ Постановление Совета министров РСФСР «Об устранении недостатков в деле использования... образцов машин, оборудования и приборов, закупаемых за границей». 1957 г. // ГАРФ. Ф. 408. Оп. 5. Д. 2. Л. 4.

ного стимулирования. Кроме того, истоки кризиса промышленного дискурса можно найти и в экономических особенностях развития СССР, а именно: обозначившемся кризисе планирования, обусловленном ростом масштабов народного хозяйства, которое становится чрезвычайно громоздким и неповоротливым. Так, например, в начале 1980-х годов Госплан составлял более 2000 балансов, имевших около 50 тыс. позиций. В стране производилось более 12 млн наименований продуктов труда.

В этих условиях балансы приобретают все более обобщенный характер, происходит понижение качества согласования производства и распределения видов продуктов. К этому добавляется противоречие между продуктовой и отраслевой классификацией, которое не решает и межотраслевой баланс. Отражая устаревшие технические коэффициенты, межотраслевой баланс, составляемый Госпланом, оказывается хронически консервативным [20, с. 101].

Все попытки реформирования управления промышленностью в СССР не предполагали отказа от командно-административной системы, включения рыночных механизмов хозяйствования, а были направлены лишь на очередную модернизацию. В результате на долгие годы советская промышленность благодаря плановым началам и жесткому централизму в области управления народным хозяйством была отстранена от действия объективных законов экономического развития [1, с. 57].

В результате к началу 1980-х годов состояние экономики СССР продолжало ухудшаться. Так, ежегодный прирост национального дохода страны снизился с 9% в 1965 г. до 2,6% в 1982 г., а промышленного производства — соответственно с 7,3 до 2,8% [26, с. 225]. В целях преодоления отсталости промышленного развития в июне 1987 г. был принят Закон СССР «О государственном предприятии», согласно которому руководителям и коллективам государственных предприятий предоставлялись полномочия самостоятельного выхода на внешний рынок и осуществления совместной деятельности с иностранными партнерами [26, с. 357].

Этим законом незамедлительно воспользовались многие предприятия. Но, несмотря на все попытки проведения реформ в стране, промышленность находилась в кризисе. В начале 90-х годов XX в. СССР охватили промышленный спад и деиндустриализация [1, с. 57]. В экономике сложилось катастрофическое положение, связанное с внедрением и использованием устаревших технологий, сокращением масштабов технологического перевооружения производства, общим снижением производительности труда. Комплекс экономических проблем середины — конца 1980-х годов, включая сильное падение цен на нефть и сокращение ее добычи, увеличение дефицита государственного бюджета, привели к еще большему замедлению темпов роста промышленного производства, снижению конкурентоспособности отечественной продукции [19, с. 32].

Промышленный кризис этого периода характеризовался ухудшением состояния промышленности, снижением темпов роста промышленного производства, сопровождался глубоким производственным кризисом. В эти годы складывается еще одна тенденция развития промышленного дискурса: сырьевая зависимость от энергоресурсов. Стремясь компенсировать растущие экономические потери, советское руководство делало все большую ставку на расширение нефтедобычи, на повышение доходов от экспорта нефти. В это время страна являлась абсолютным мировым лидером нефтедобычи, добывая нефти вдвое больше, чем Саудовская Аравия. Впрочем, в условиях заметного падения цен на нефть на мировом рынке это принципиально не меняло ситуации и не могло стать панацеей от углублявшегося экономического кризиса [27].

Промышленный дискурс периода перестройки содержал в себе следующие проблемы: нарастающий разрыв между темпами роста производственного и научно-технического потенциала и темпами роста результатов производства — рост ос-

новых фондов обгонял рост продукции, рост фондовооруженности значительно опережал рост производительности¹. В 1985 г. М. С. Горбачев на встрече с работниками завода им. Лихачева впервые публично заявил об экономическом отставании страны и необходимости «добиться роста производительности труда посредством внедрения прогрессивного оборудования, автоматики, менее энергоемких и безотходных технологий. Таким путем можно и нужно обеспечить не менее четырех процентов роста ежегодного национального дохода»².

На Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачевым была предложена концепция интенсификации экономики и ускорения научно-технического прогресса³, «переворужения» всех отраслей народного хозяйства «на основе современных достижений науки и техники, придания приоритетного характера развитию машиностроения, предусматривалось в двенадцатой пятилетке в полтора-два раза ускорить темпы роста отрасли»⁴. М. С. Горбачев предложил существенно расширить перечень приоритетных направлений и увеличить капиталовложения для гражданских отраслей промышленности. В своих воспоминаниях Н. И. Рыжков так характеризовал планы М. С. Горбачева: «Для меня такой перечень был подобен землетрясению... почва под ногами колебалась... Мы, знающие реальное положение в экономике, прекрасно понимали, что сразу решить все проблемы всех отраслей невозможно. Нет для этого ни материальной и финансовой базы, ни научной и экспериментальной, сил у государства просто нет».

Исследователи подчеркивали невозможность одновременно и в короткие сроки решить все очевидные задачи; антиалкогольную кампанию; дилетантский подход М. С. Горбачева к руководству экономикой и государством в целом [28, с. 360–361]. К концу 1980-х годов советское руководство в целях преодоления товарного дефицита и сбалансирования потребительского рынка берет курс на легализацию предпринимательской деятельности. Принимается Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», а в дальнейшем — Закон СССР «О кооперации в СССР», разрешивший кооперативам заниматься любыми не запрещенными законом видами деятельности. По мнению экспертов, это привело к фактической легализации «теневой» экономики в стране [4, с. 27]. Кооперативы стали заниматься не производством, а перепродажей товаров. Это способствовало увеличению дефицита и вымыванию из государственной торговли дешевых товаров.

Значительный перекос в заработной плате в пользу кооперативного и «теневого» сектора экономики привел к оттоку квалифицированных кадров из государственных предприятий. Они фактически лишались самых мобильных и конкурентных специалистов [4, с. 28]. Создание кооперативов на предприятиях способствовало тому, что продукция реализовывалась через кооперативы по рыночным ценам, кооператив получал прибыль, а само предприятие при этом оставалось без оборотных средств, а государство без налогов. Многие кооперативы предпочитали выполнять заказы предприятий в ущерб насыщению потребительского рынка. Таким образом, можно констатировать, что надежды по преодолению возрастающей диспропорции между денежными доходами и товарным покрытием, связанные с возрождением кооперативного движения, не оправдались [13, с. 36].

В этот период обостряются экономические преступления и коррупция. Так, в середине 1980-х годов следственными бригадами прокуратуры СССР при расследовании ряда хищений государственной собственности в особо крупных размерах на предприятиях были выявлены организованные группы расхитителей [7, с. 107].

¹ Архив Горбачев-Фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15042. Л. 2–3.

² Встреча М. С. Горбачева с работниками ЗИЛа // Правда. 1985. 16 апреля.

³ Материалы Пленума ЦК КПСС 23 апреля 1985 года М., 1985. С. 8.

⁴ Материалы Пленума ЦК КПСС 23 апреля 1985 года М., 1985. С. 10.

Несмотря на развернувшуюся в стране массовую кампанию по борьбе с взяточничеством, хищениями государственной собственности, различными хозяйственными преступлениями, резко ухудшилось положение в экономике и социальной сфере, получили распространение разного рода махинации, хищения, взяточничество, грубо нарушалась социалистическая законность¹.

Отдельные предприимчивые граждане создавали кооперативы, делающие деньги, а не реальные товары. Лжекооперативы не производили товары, но их руководители получали огромные доходы путем «перекачки» товаров из государственной торговли к потребителю [4, с. 30]. Попытка вывести из тени нелегальную экономику и производство в условиях неэффективных реформ в экономике была обречена. Принятие закона о кооперативах создавало условия для развития малого и среднего бизнеса. Однако это движение было слабоконтролируемым, с одной стороны, оно дало свободу людям в ведении предпринимательской деятельности, с другой стороны — разрасталась теневая экономика.

Возросло количество спекулятивных сделок, производство товаров сомнительного качества, финансовых махинаций и хозяйственных преступлений. Высокие зарплаты кооператоров вкупе с завышенными расценками на их продукцию и услуги вызывали естественное недовольство и раздражение у населения [13, с. 36]. Промышленный дискурс в этих условиях полностью был дискредитирован. Он не мог удовлетворить ажиотажный спрос населения на потребительские товары длительного пользования.

Таким образом, особенность промышленного дискурса к концу перестройки и началу 1990-х годов: разновекторность, импульсивность, непоследовательность в разработке и реализации стратегии, бесперспективность. Возможности промышленного дискурса были серьезно переоценены, отсутствовало стратегическое планирование на длительный период. Требовался плавный переход к частно-государственному хозяйствованию, к демополизации крупных промышленных производств для более гибкого реагирования на изменения конъюнктуры рынка, которое было невозможно осуществить в рамках пятилетнего плана. Все попытки реформирования промышленности СССР не увенчались успехом, поскольку проводились в рамках командно-административной системы, рыночный механизм хозяйствования был исключен.

Промышленному дискурсу требовалась мощная модернизация. Однако связь науки и производства в СССР была неудовлетворительной. Бюрократическая система была настолько закостенелой, что препятствовала самореализации и проявлению любого творческого начала на производстве. Экстенсивное развитие промышленности приводило к нерациональному использованию производственных, трудовых и природных ресурсов. Все это становилось причиной снижения производительности труда, качества продукции, накапливались экологические проблемы, которые максимально замалчивались.

Тормозом развития промышленного дискурса стал громоздкий аппарат министерств, отсутствие хозяйственного расчета, самофинансирования и широкого кредитования, а также приоритизация тяжелой и оборонной промышленности. Несостоятельность промышленного дискурса во многом была связана со сложившейся за десятилетия уникальной по масштабам системы коррупции, которая пронизала все советское общество и государство. Значительная часть народного хозяйства находилась в серой зоне. При всеобщем декларировании коммунистических ценностей в советском обществе наблюдалась колоссальная диспропорция в обладании общественными благами и получении доходов, что, в свою очередь, разрушало ценности и значимость рабочих специальностей.

¹ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза: стенографический отчет: в 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 104.

С точки зрения ценностного содержания наблюдался кризис трудовой морали, ни партийная элита, ни широкие слои населения не верили и не разделяли ценности индустриализации. Мотивирующая и мобилизационная сторона промышленного дискурса к началу 1990-х годов было доведена до минимума. Потеря широкой поддержки среди населения была обусловлена и разочарованием советских потребителей в качестве и ассортименте товаров народного потребления. Экономика дефицита и «ситцевых халатов» подорвала веру населения в эффективность и производительность национальной промышленности. Анализировать тенденции и эффективность развития тяжелой и оборонной промышленности широкие слои населения просто не могли.

Состояние промышленного дискурса было крайне удручающим, декларируемый государством промышленный дискурс не соответствовал действительности и состоянию общества, которое крайне негативно относилось на тот момент к элементам и атрибутам государственной власти. Так как промышленные предприятия были встроены в государственную административно-командную систему, эти негативные коннотации ретранслировались и на промышленный дискурс, косвенно ассоциируемый с государством. Несмотря на то что на закате СССР продолжал оставаться мощной промышленной державой, ОПК которого занимал значительное место в международной торговле, промышленный дискурс испытывал на себе серьезные признаки кризиса советской государственности.

Литература

1. *Абрамова Т. А.* Промышленность Советского Союза: плановое развитие и цикличность // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 4. С. 54–58.
2. *Апарин А. Н.* Научно-технический прогресс на предприятиях тяжелой промышленности и оборонно-промышленного комплекса Горьковской области в 60–80-е годы XX века // Вестник ЧелГУ. 2010. № 18. С. 117–120.
3. *Безбородов А. Б.* Власть и научно-техническая политика в СССР. Середина 50-х — середина 70-х годов. М., 1997.
4. *Богданов С. В., Орлов В. Н.* За фасадом перестройки в СССР: власть, хозяйственная преступность, общество // Известия АлтГУ. 2009. № 4–4. С. 27–31.
5. *Быстрова И. В.* Военно-промышленный комплекс СССР: исторический опыт развития // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2015. № 3. С. 7–11.
6. *Вергаскина Л. В.* Борьба за качество и улучшение ассортимента продукции предприятий легкой промышленности Южного Урала в годы шестой пятилетки (1956–1960 гг.) // Вестник ОГУ. 2013. № 5 (154). С. 24–29.
7. *Волобуев А.* Криминология теряет проблему организованной преступности. Выгода обоюдна // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог. М., 1997. С. 107–116.
8. *Деманов А. А.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1946–1955 годах: вопросы историографии // Вестник ЧГУ. 2008. № 3. С. 13–23.
9. *Джоравски Д.* Сталинский менталитет и научное знание // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара, 2001. С. 453.
10. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. 1988. Т. 2. 325 с.
11. *Залещанский Б.* Реструктуризация предприятий ВПК: от консерватизма к адекватности // Человек и труд. 1998. № 2. С. 28–32.
12. *Ильин Ю. В.* Наркоматы оборонной промышленности в годы Великой Отечественной войны // Вестник МГИМО. 2015. № 2 (41). С. 26–36.
13. *Кирсанов Р. Г.* Развитие кооперативного сектора в период перестройки и его роль в стабилизации потребительского рынка в СССР // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4. С. 30–36.
14. *Кожемякин Е. А.* Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 5–12.
15. *Колганов А. И.* Три модернизации в России и наше время. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/69_64.htm (дата обращения: 21.11.2017).

16. Кочеткова Е. А. Технологическая модернизация в СССР в 1950–1960-е годы (на примере Светогорского целлюлозно-бумажного комбината) // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. 2014. № 1 (24). С. 194–205.
17. Кочеткова Е. А. Модернизация советской целлюлозно-бумажной промышленности и трансфер технологий в 1953–1964 годах: случай Энсо-Светогорска // Laboratorium. 2013. № 3. С. 13–42.
18. Кулагин О. И. Проблемы трудовой мотивации работников лесной промышленности Карелии в конце 1960–1970-х гг. // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 1. С. 163–172.
19. Мантуров Д. В. Государственное регулирование промышленности в течение 25 лет. Ч. 1: промышленность 1990-х гг. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 31–48.
20. Нуреев Р. М. Истоки огосударствления экономики и его последствия // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 93–104.
21. Пилюгина Е. В. Дискурс в политике и политика как дискурс: Актуальные резонансы социального бытия постмодерна // Вестник ЧелГУ. 2013. № 23 (314). С. 42–48.
22. Рибер А. Дж. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская Русистика: веки историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара, Изд-во «Самарский университет», 2001.
23. Родина В. В. Вербализация концепта «промышленность» в массмедиа-дискурсе // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2016. № 2 (36). С. 163–168.
24. Родина В. В. Применение семантического дифференциала для оценки концепта «российская промышленность» у целевых аудиторий // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 5 (101). С. 95–101.
25. Севостьянова И. В. Проблема качества продукции на предприятиях легкой промышленности Среднего Поволжья в 1971–1985 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 14, № 37. Л. 177.
26. Тимошина Т. М. Экономическая история России: учеб. пособие. М. : Филинь, Юстицинформ, 1998.
27. Турицын И. В., Рыжков Т. В. Нефтяная отрасль России 1980-х — начала 1990-х годов: предпосылки и условия реформирования // Вестник ЧГУ. 2012. № 2. С. 96–102.
28. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время: монография: в 2 т. Новосибирск. 2010. Т. 1.
29. Чадаев Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М. : Мысль, 1985.
30. Шахурин А. И. Крылья победы. М. : Политиздат, 1983.
31. Hanson P. The Rise and Fall of the Soviet Economy: An Economic History of the USSR from 1945. London, 2003.
32. Josephson P. War on Nature as Part of the Cold War. The Strategic and Ideological Roots of Environmental Degradation in the Soviet Union // Environmental histories of the Cold War. Cambridge University Press, 2010.
33. Plotnikov V., Rodina V. Approach to Information Support and Ensure the Implementation of PR-activities of the State Industrial Policy // Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference–Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth 28, Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth. 2016. P. 1124–1132.

References

1. Abramova T. A. *Industry of the Soviet Union: planned development and recurrence* [Promyshlennost: sovetskogo Soyuza: planovoe razvitiye i tsiklichnost'] // Society. Environment. Development. Terra Humana [Obshchestvo. Sreda. Razvitiye]. 2012. N 4. P. 54–58. (rus)
2. Aparin A. N. *Scientific and technical progress at the enterprises of the heavy industry and defense industry complex of Gorky Region in the 60–80th years of the 20th century* [Nauchno-tekhnicheskii progress na predpriyatiyakh tyazheloi promyshlennosti i oboronno-promyshlennogo kompleksa Gor'kovskoi oblasti v 60–80-e gody XX veka] // Messenger ChelSU [Vestnik ChelGU]. 2010. N 18. P. 117–120. (rus)

3. Bezborodov A. B. *The power and scientific and technical policy in the USSR. The middle of the 50th – the middle of the 70th years* [Vlast' i nauchno-tekhnicheskaya politika v SSSR. Seredina 50-kh — seredina 70-kh godov]. M., 1997. 214 p. (rus)
4. Bogdanov S. V., Orlov V. N. *Behind a reorganization facade in the USSR: power, economic crime, society* [Za fasadom perestroiki v SSSR: vlast', khozyaistvennaya prestupnost', obshchestvo] // Notes of AltSU [Izvestiya AltGU]. 2009. N 4–4. P. 27–31. (rus)
5. Bystrova I. V. *Military industrial complex of the USSR: historical experience of development* [Voenno-promyshlennyy kompleks SSSR: istoricheskii opyt razvitiya] // NSTU of R. E. Alekseev Bulletin. Series «Management in social systems. Communicative technologies» [Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva. Seriya «Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii»]. 2015. N 3. P. 7–11. (rus)
6. Vergaskina L. V. *Fight for quality and improvement of the product range of the enterprises of light industry of South Ural in days of the sixth five-years period (1956–1960)* [Bo'ba za kachestvo i uluchshenie assortimenta produktsii predpriyatii legkoi promyshlennosti Yuzhnogo Urala v gody shestoi pyatiletki (1956–1960 gg.)] // The Bulletin of regional public institution [Vestnik OGU]. 2013. N 5 (154). P. 24–29. (rus)
7. Volobuyev A. *The criminology loses a problem of organized crime. The benefit is mutual* [Kriminologiya teryaet problemu organizovannoi prestupnosti. Vygodna oboyudna] // Studying of organized crime: Russian-American dialogue [Izuchenie organizovannoi prestupnosti: rossijsko-amerikanskii dialog]. M., 1997. P. 107–116. (rus)
8. Demanov A. A. *Military industrial complex of the USSR in 1946–1955: historiography questions* [Voenno-promyshlennyy kompleks SSSR v 1946–1955 godakh: voprosy istoriografii] // ChSU Bulletin [Vestnik ChGU]. 2008. N 3. P. 13–23. (rus)
9. Dzhoravski D. *Stalin mentality and scientific knowledge* [Stalinskii mentalitet i nauchnoe znanie] // American Russian philology: Milestones of a historiography of the last years. Soviet period: Anthology [Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period. Antologiya]. Samara, 2001. P. 453. (rus)
10. Zhukov G. K. *Memoirs and reflections* [Vospominaniya i razmyshleniya]: In 3 v. 1988. V. 2. 325 p. (rus)
11. Zaleshchansky B. *Restructuring of the enterprises of military industrial complex: from conservatism to adequacy* [Restrukturizatsiya predpriyatii VPK: ot konservatizma k adekvatnosti] // Person and work [Chelovek i trud]. 1998. N 2. P. 28–32. (rus)
12. Ilyin Yu. V. *People's commissariat of the defensive industry in the years of the Great Patriotic War* [Narkomaty oboronnoi promyshlennosti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny] // Bulletin of MGIMO [Vestnik MGIMO]. 2015. N 2 (41). P. 26–36. (rus)
13. Kirsanov R. G. *Development of the cooperative sector during reorganization and his role in stabilization of the consumer market in the USSR* [Razvitie kooperativnogo sektora v period perestroiki i ego rol' v stabilizatsii potrebitel'skogo rynka v SSSR] // Messenger VolSU. Series 4: History. Regional studies. International relations [Vestnik VolGU. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2014. N 4. P. 30–36. (rus)
14. Kozhemyakin E. A. *Discourse analysis as cross-disciplinary methodology: historical aspect* [Diskurs-analiz kak mezhdistsiplinarnaya metodologiya: istoricheskii aspekt] // Scientific sheets of BelSU. Series: Humanities [Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki]. 2008. N 2. P. 5–12. (rus)
15. Kolganov A. I. *Three modernizations in Russia and ours e time* [Tri modernizatsii v Rossii i nashe vremya]. [Electronic resource]. URL: http://www.zlev.ru/69_64.htm (date of the address: 11/21/2017). (rus)
16. Kochetkova E. A. *Technological modernization in the USSR in the 1950th – the 1960th years (on the example of the Svetogorsk pulp and paper mill)* [Tekhnologicheskaya modernizatsiya v SSSR v 1950–1960-e gody (na primere Svetogorskogo tsellyulozno-bumazhnogo kombinata)] // Messenger of Perm University. Series History [Vestnik Permskogo un-ta. Ser. Istoriya]. 2014. N 1 (24). P. 194–205. (rus)
17. Kochetkova E. A. *Modernization of the Soviet pulp and paper industry and a transfer of technologies in 1953–1964: case of Enso-Svetogorsk* [Modernizatsiya sovetskoi tsellyulozno-bumazhnoi promyshlennosti i transfer tekhnologii v 1953–1964 godakh: sluchai Enso-Svetogorska] // Laboratorium. 2013. N 3. P. 13–42. (rus)
18. Kulagin O. I. *Problems of labor motivation of workers of the forest industry of Karelia at the end of the 1960th – the 1970th* [Problemy trudovoi motivatsii rabotnikov lesnoi promyshlennosti Karelii v kontse 1960–1970-kh gg.] // Central Russian Journal of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2012. N 1. P. 163–172. (rus)

19. Manturov D.V. *State regulation of the industry within 25 years. Part 1: industry of the 1990th* [Gosudarstvennoe regulirovanie promyshlennosti v techenie 25 let. Ch. 1: promyshlennost' 1990-kh gg.] // Public Administration Issues [Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]. 2016. N 3. P. 31–48. (rus)
20. Nureev R.M. *Sources of nationalization of economy and his consequence* [Istoki ogosudarstvleniya ekonomiki i ego posledstviya] // World of new economy [Mir novoi ekonomiki]. 2017. N 2. P. 93–104. (rus)
21. Pilyugina E.V. *A discourse in policy and policy as a discourse: Relevant resonances of social life of a postmodern* [Diskurs v politike i politika kak diskurs: Aktual'nye rezonansy sotsial'nogo bytiya postmoderna] // Messenger of ChelSU [Vestnik ChelGU]. 2013. N 23 (314). P. 42–48. (rus)
22. Rieber A. J. *Persistent Factors in Russian Foreign Policy: An Interpretive Essay* [Ustoichivye faktory rossiiskoi vneshnei politiki: popytko interpretatsii] // American Russian philology: milestones of a historiography of the last years. Soviet period. Anthology [Amerikanskaya Rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period. Antologiya. Samara]. Samara : Samara University Publishing house, 2001. 376 p. (rus)
23. Rodina V.V. *Verbalization of a concept «industry» in a mass media discourse* [Verbalizatsiya kontsepta «promyshlennost'» v massmedia-diskurse] // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical university of V.P. Astafyev [Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva]. 2016. N 2 (36). P. 163–168. (rus)
24. Rodina V.V. *Application of semantic differential for concept assessment «Russian industry» at target audiences* [Primenenie semanticheskogo differentsiala dlya otsenki kontsepta «rossiiskaya promyshlennost'» u tselevykh auditorii] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2016. N 5 (101). P. 95–101. (rus)
25. Sevostyanova I.V. *A problem of quality of production at the enterprises of light industry of Central Volga area in 1971–1985* [Problema kachestva produktsii na predpriyatiyakh legkoi promyshlennosti Srednego Povolzh'ya v 1971–1985 gg.] // News of the Russian State Pedagogical University of A.I. Herzen [Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena]. 2007. V. 14, N 37. P. 177. (rus)
26. Timoshina T.M. *Economic history of Russia* [Ekonomicheskaya istoriya Rossii]: Tutorial. M. : Filin', Yustitsinform, 1998. 432 p. (rus)
27. Turitsyn I.V., Ryzhkov T.V. *Oil branch of Russia the 1980th — the beginning of the 1990th years: prerequisites and conditions of reforming* [Neftyanaya otrasl' Rossii 1980-kh — nachala 1990-kh godov: predposylki i usloviya reformirovaniya] // ChSU Bulletin [Vestnik ChGU]. 2012. N 2. P. 96–102. (rus)
28. Khanin G.I. *Economic history of Russia in the latest time* [Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveishee vremya]: monograph: In 2 v. Novosibirsk. 2010. V. 1. 408 p. (rus)
29. Chadaev Ya.E. *Economy of the USSR in days of the Great Patriotic War (1941–1945)* [Ekonomika SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945 gg.)]. M. : Thought [Mysl'], 1985. 494 p. (rus)
30. Shakhurin A.I. *Victory wings* [Kryl'ya pobedy]. M. : Politizdat, 1983. 254 p. (rus)
31. Hanson P. *The Rise and Fall of the Soviet Economy: An Economic History of the USSR from 1945*. London, 2003.
32. Josephson P. *War on Nature as Part of the Cold War. The Strategic and Ideological Roots of Environmental Degradation in the Soviet Union* // Environmental histories of the Cold War. Cambridge University Press, 2010.
33. Plotnikov V., Rodina V. *Approach to Information Support and Ensure the Implementation of PR-activities of the State Industrial Policy* // Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference–Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth 28, Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth. 2016. P. 1124–1132.

Конфликт и культура: к вопросу об эффективном управлении

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-119-124

Кабылинский Борис Васильевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент факультета таможенного администрирования и безопасности
boris_kabylinский@mail.ru

РЕФЕРАТ

Разработка теоретико-методологических основ конфликт-менеджмента и имплементация технологий конфликторазрешения должны проводиться с учетом формирования культурной идентичности. В управленческой теории влияние культурных факторов на динамику конфликтных процессов не до конца исследовано и редко учитывается в ходе реализации комплекса практических мер по управлению конфликтами. В статье приведены факторы генезиса культуры, определяющие ход противоборства сторон в конфликте, рассматриваются кросс-культурные каналы передачи информации и предложена классификация механизмов принятия решений в теории и практике управления конфликтами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

конфликт-менеджмент, культура, конфликт, управление

Kabylinский B. V.

Conflict and Culture: Ways of Effective Management

Kabylinский Boris Vasilievich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate professor of the Faculty of Customs Administration and Security
boris_kabylinский@mail.ru

ABSTRACT

Development of the theory and methodology of conflict management and implementation of technologies of solving contradictions have to be taken out with considering formation of cultural identity. In the administrative theory influence of cultural factors on dynamics of conflict processes is not fully studied is seldom revised during realization of practical measures in conflict management. Factors of culture genesis while defining the course of confrontation of conflict parties, cross-cultural channels of communication, classification of mechanisms of decision-making in the theory and practice of management of the conflicts are given in the article.

KEYWORDS

conflict management, culture, conflict, administration

Культура является важной мотивирующей причиной начала конфликтного процесса и сохраняет ключевую роль вплоть до стадии разрешения споров, возникающих в ходе активного противоборства сторон по социальным, политическим и экономическим вопросам. В этом плане формы культурного генезиса напоминают подводные реки, незримо питающие наши жизни и наполняющие смыслом взаимоотношения с другими людьми. При этом культура непрестанно сигнализирует нам об изменениях во внешнем мире и непреложных традициях, передавая каждому человеку своего рода послания, которые определяют восприятие, суждения, мировоззрение отдельных индивидов и общества в целом [4, с. 113]. Несмотря на су-

щественное влияние культуры на становление и развитие повседневного уклада в любой стране нередко осознание своей культурной идентичности закрепляется у людей на бессознательном уровне, что подразумевает возникновение конфликтов, детерминированных факторами, выходящими за пределы обыденного, повседневного восприятия.

В совокупности культура представляет собой нечто большее, чем язык, стиль в одежде и диетические предпочтения. Культурные группы могут быть объединены, например, по расовому признаку, этнической принадлежности или гражданству. В то же самое время любая социокультурная общность аккумулирует в единое целое такие идентичности, как возраст, социальный и политический статус, сексуальную ориентацию, таланты и физические ограничения, политические и религиозные взгляды, а также половые различия, сферу профессиональной занятости, уровень дохода и т. д. [5, с. 48].

Не следует забывать, что любая культура переменчива и может быть использована в качестве синонима для символического выражения жизненного многообразия. Именно в пространстве символов и знаков индивиды принимают решения и формируют идентичности. Транслирование культуры по каналам межгруппового и внутригруппового взаимодействия позволяет человеку определять свое место в мире и узнавать кто он для себя и других, иными словами, в процессе коммуникации раскрывается содержание индивидуальной и коллективной идентичности.

Каналы трансляции культуры означают не что иное, как информационные потоки, общедоступные внутри группы и сокрытые от внешней среды. По этим каналам связи индивиды перемещаются как рыба по океанским течениям, не придавая особого значения всей комплексности и инвариантности собственного повседневного бытия в ходе этой постоянной миграции. Параллельно с этим процессом, также вне зависимости от воли и сознания членов группы, формируются границы познаваемого и трансцендентного, определяющие рамки для познавательной способности и сознания вообще. Важно отметить, что формирование ценностей каждого индивида и любого общества всегда происходит под влиянием культурного генотипа. В этом плане культурная идентичность не только стартовая точка, но и своеобразная единица измерения, сродни протагоровскому мерилу «человек есть мера всех вещей».

По аналогии, культура вмещает в себя широкий спектр частных, в совокупности представляющих собой пресловутое коллективное бессознательное, «душу народа». Именно сквозь призму культуры граждане той или иной страны измеряют роль и значение, которые приносят в их жизнь события, провоцирующие на изменение положения в обществе. Иными словами, речь идет о факторах, инициирующих вступление в конфликтную борьбу.

В современном мире, переполненном бесконечными поводами для вступления в конфликт, культурная идентичность выступает своего рода изначальной позицией, установкой, мировоззрением, направляющим конфликтующие стороны к той или иной стратегии поведения. Примечательно, что разные люди принадлежат к разным культурам, отличающимся по интерпретации того, что есть норма, ценность, добро и зло. В данной связи вспоминается дилемма, которую приводит в книге «В чем моя вера?» Л. Н. Толстой [6, с. 14]. Некий солдат уверенно ответил великому писателю, что по Христовой вере так поступать нехорошо, а по военному уставу — справедливо и правильно.

Следовательно, и в нашей жизни нередки ситуации, когда поведение других не удовлетворяет ожиданиям, в основе которых укоренена культурная идентичность. Возникающее по итогам таких ситуаций личное неудовольствие интерпретируется субъектом конфликта как индивидуальная непереносимость, спонтанная неприязнь к другому. При этом решительно забывается, что подобные фрустрации являются

производными по отношению к культурной идентичности. В данном контексте не удивительно, например, что установки, принятые в одной культурной формации, могут вызывать отторжение среди маргиналов в этой же стране или за ее пределами.

Каналы кросскультурной коммуникации служат не только для передачи информации, но и программируют социальные группы на выбор моделей поведения в конфликте. Надо сказать, что исследование проблематики взаимной корреляции по линии конфликт-культура сопряжено с некоторыми трудностями. Во-первых, культурные пласты отличаются многослойностью, причем поверхностное содержание зачастую надежно маскирует скрытые внутренние смыслы. Во-вторых, культура столь переменчива, столь и непредсказуема. Эволюция культурных форм слабо поддается прогнозированию. В-третьих, культура эластична, потому что не все нормы и правила поведения, установленные в качестве обязательных, будут поддержаны всеми членами социальной группы. В-четвертых, как уже было сказано, поведенческие мотивации, определяемые культурой, редко осознаются и чаще всего бессознательны. В-пятых, влияние культуры всегда проявляется ситуативно, т. е. в зависимости от предмета конфликта менее значимые культурные ценности могут доминировать в действиях и словах субъекта по отношению к фундаментальным аксиологическим установкам.

Преодоление гносеологических трудностей в поисках нити, связующей термины «культура» и «конфликт» воедино, представляется разумным начать с констатации того, что культура тесно связана с нашими идентичностями, т. е. ответами на вопросы: «Кто я такой?» и «Что для меня важно?» [1, с. 31]. В данной связи справедливо утверждать, что культура всегда является значимым фактором в конфликте, поскольку любые человеческие взаимоотношения немыслимы вне поисков себя и своего места в мире. Например, конфликты между Израилем и Палестиной, Индией и Пакистаном подразумевают стремление удовлетворить не только территориальные и приграничные притязания, но и определить степень легитимности и правильности мировоззрения и целеполагания.

С другой стороны, конфликт отцов и детей определяется различиями в культуре, сформировавшей два разных поколения, а в деловых организациях (отношения работника и работодателя) схожий антагонизм сводится к взаимопроникновению двух управленческих культур: подданнической и хозяйствующей. Культура как будто разрешает индивиду проявлять себя через борьбу за удовлетворение потребностей низшего уровня, оставаясь в этом процессе незримой доминантой для большинства конфликтующих субъектов.

Влияние культуры на конфликт неустранимо, но культурные различия сами по себе не приводят к возникновению конфликта. Более того, непохожесть одного человека на другого поддерживает общество изнутри, выступая своего рода точкой опоры, источником баланса в дифференцированных социальных системах. Хотя в иерархии конфликтных социумов более устойчивыми традиционно признаются государства с доминирующей культурой, т. е. четко определенным принципом «так надо» и табу «это нельзя». Очевидно, что альтернативные модели поведения автоматически превращаются в восприятии граждан таких стран в экзотические или даже абсурдные технологии разрешения конфликта.

Удивительно, что роль культуры в теориях конфликт-менеджмента зачастую приносится в жертву и редуцируется до побочного значения. По нашему мнению, культура подобна айсбергу, ведь на поверхности сознания конфликтующих индивидов оказывается лишь малая часть многовекового опыта становления и развития целого народа. Вполне очевидно, что разрешение конфликтов с учетом культурного фактора находится в центре внимания любого исследователя и практикующего конфликтолога. Выражаясь аллегорически, культура усиливает конфликт сродни расшалившемуся

ребенку, ворвавшемуся в гостиную к ссорящимся родителям, т. е. в проблемной ситуации затрудняется прогнозирование, добавляется импульсивность и усложняется поиск рационального выхода из сложившейся ситуации.

Дополнительные осложнения вызваны тем, что собственная культурная идентичность внешнего наблюдателя мешает абстрагированию от факторов, превалирующих в сознании противоборствующих субъектов. По нашему мнению, методология в области конфликт-менеджмента должна быть дополнена термином «культурная насыщенность». Это понятие относится к навыкам и знаниям, которые требуются для эффективного разрешения споров и развития теоретических основ в сфере управления конфликтами.

Культурная насыщенность подразумевает осведомленность о различных культурах, их сущности, механизмах реализации основных ценностей и возможностях оказывать влияние на повседневное бытие в контексте стремления от фрустрации к гармонии. Культурная насыщенность включает в себя вспомогательные гносеологические элементы, в том числе коммуникацию, ограничения и правила поведения в конфликте, инструменты принятия решений, идентичность и статусную роль [2, с. 110].

Коммуникация в конфликт-менеджменте выступает своего рода стартовой точкой в ситуации, когда нужно сделать выбор относительно того, как следует общаться с оппонентом. В данной связи вызывает интерес классификация уровней коммуникации, дифференцирующая процесс общения по степени значимости контекста. Если диалог в конфликте важен не потому, что выговаривается вслух некая информация, а вследствие интонации, дополнительных смыслов, обстановки для беседы. Иными словами, явное не относится к конфликту напрямую, а скорее маскирует реальные тревоги, страхи, желания и устремления.

Решающее значение в коммуникациях с высоким контекстуальным смыслом приобретают невербальные сигналы. Как правило, основная цель сторонников такой линии поведения сводится к тому, чтобы сохранить лицо, удержать позиции, избежать прямого столкновения с превосходящим по силе оппонентом. Напротив, в актах коммуникации, предполагающих низкую степень погружения в контекст, превалирует вербальный стиль аргументации, мысли излагаются прямо во избежание неясностей, но конфликт в этом случае может быть интенсивным, поскольку такое взаимодействие провоцирует стороны на агрессивное отстаивание своих интересов.

Разумеется, в диалоге оба коммуникативных стиля комплементарны и взаимозаменяемы. В одном и том же разговоре каждый из нас может варьировать прямооту и резкость, хитрость и лукавство, честность и манипуляционные техники. Внутри социальной группы могут формироваться непонятные для чужаков правила общения, как, например, в тайных обществах. По аналогии, большинство людей избирает коммуникативные модусы с низкой степенью погружения в контекст для бесед с незнакомцами.

Принципы коммуникативного взаимодействия на межличностном уровне не трансформируются по мере усложнения системы отношений вплоть до межгосударственных переговоров. В диалоге и столкновении культур западное общество традиционно придерживается моделей, не перегруженных контекстуальными смыслами, в то время как характерное изречение о том, что восток — дело тонкое, стало хрестоматийным. Несомненно, при более детальном анализе каждого конфликтного случая указанная дихотомия редуцируется до частных, содержащих значительные различия и многообразные варианты последующего развития ситуации.

Тем не менее всегда работает правило, согласно которому не все люди соглашаются по поводу достаточной мотивации для вступления в конфликт. Со стороны перепалка между супругами может показаться угрожающей для семейного благополучия, хотя для мужа и жены уже давно превратилась в нормальный, повседневный обмен мнениями. Точно так же политическая провокация может вызывать сдержанную реакцию у объекта воздействия и не являться достаточной для про-

явления ответной агрессии, хотя изначальный замысел сводился именно к достижению такого результата [3, с. 17]. В любом случае за каждой реакцией скрывается культурная идентичность и производные мотивации.

Между прочим в архаической культуре мы можем найти изначальные формы современного конфликто разрешения. В частности, суд старейшины на племенном этапе развития цивилизации в современном обществе заменен институтом медиации, т. е. участием третьего независимого лица в процессе разрешения споров. Примечательно, что в зависимости от текущего культурного контекста медиатор может быть знаком с ситуацией и даже иметь к ней косвенное отношение, либо привлекаться со стороны и работать, что называется, с чистого листа.

Патриархальность уклада жизни общества с высокой степенью вероятности означает, что посредник в конфликте известен конфликтующим сторонам, а в ситуациях с низким контекстуальным наполнением, типичных для общества открытого типа, для разрешения споров с большей вероятностью будет привлечен независимый арбитр. Вне зависимости от этого, медиатор всегда должен следовать своему культурному чутью в поиске выгодного для субъектов конфликта решения.

Подходы к методике выработки и принятия решения в конфликте также существенно различаются у представителей различных культур. В этом плане изначальные установки классифицируются на:

- универсальные (совокупности правил, законов и нормативов) и частные (модусы ожиданий, отношений, оценок);
- конкретные (тяготение к четким формулировкам, реальному результату, редуцирование целого к частному) и диффузные (фокусирование на общих закономерностях, стратегиях и ключевых задачах);
- внутренние (цель полагается в контексте саморазвития) и внешние (устремления направлены на изменение отношений и места в мире);
- линейные (последовательные во времени) и дисперсные (с многообразным количеством альтернатив в произвольных точках бифуркации).

Взаимоисключающие установки апологетов различных культур определяют не только способы передачи информации, формат ведения переговоров или медиации, но также и варианты принятия потенциальных решений в конфликте. Поэтому для обеспечения эффективности процесса управления конфликтами следует учитывать культурные различия и влияние соответствующих идентичностей при выработке механизмов разрешения проблемных ситуаций.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 2001.
2. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
3. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М. : РОССПЭН, 2000.
4. Кибанов А. Я., Ворожейкин И. Е., Захаров Д. К., Коновалова В. Г. Конфликтология. М. : ИНФРА-М, 2008.
5. Степанов Е. И. Современная конфликтология: общие подходы к моделированию, мониторингу и менеджменту социальных конфликтов. М. : Издательство ЛКИ, 2008.
6. Толстой Л. Н. Исповедь. В чем моя вера? Ленинград : Художественная литература, 1991.

References

1. Baudrillard J. *System of objects* [Sistema veshchei]. M. : Rudomino, 2001. (rus)
2. Van Dijk T. A. *Language. Knowledge. Communication* [Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya]. Blagoveshchensk : BGK of I. A. Baudouin de Courtenay, 2000. (rus)

3. Dahrendorf R. *Modern social conflict. A sketch of policy of the freedom* [Sovremennyyi sotsial'nyi konflikt. Ocherk politiki svobody] / Translation from German. M. : ROSSPEN, 2000. (rus)
4. Kibanov A. Ya., Vorozheykin I. E., Zakharov D. K., Konovalova V. G. *Conflictology* [Konfliktologiya]. M. : INFRA-M, 2008. (rus)
5. Stepanov E. I. *Modern conflictology: general approaches to modeling, monitoring and management of the social conflicts* [Sovremennaya konfliktologiya: obshchie podkhody k modelirovaniyu, monitoringu i menedzhmentu sotsial'nykh konfliktov]. M. : LKI publishing house [Izdatel'stvo LKI], 2008. (rus)
6. Tolstoy L. N. *Confession. In what my belief?* [Ispoved'. V chem moya vera?] Leningrad : Fiction [Khudozhestvennaya literature], 1991. (rus)

Флешмоб как протестная технология в политическом движении (на примере Украины)

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-125-130

Дегтярева Ольга Викторовна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Факультет социальных технологий

Старший преподаватель

olgaspb2008@mail.ru

РЕФЕРАТ

Нынешнее состояние СМИ Украины вызывает серьезные вопросы относительно того, являются ли справедливыми и сбалансированными проведенные избирательные кампании. Сложная система цензуры, в том числе инструкции, исходящие от финансово-промышленных групп, искажают новости и освещение политических дел. В статье анализируются социальные, политические и этические аспекты сетевой коммуникации. Раскрываются особенности флешмоба как инструмента политического консьюмеризма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социальные сети, тактические медиа, политическая технология флешмоб, фан-моб, симулякр-моб, смартмоб, Евромайдан

Degtiareva O. V.

Flash Mob as a Protest Technology in the Political Movement (On the Example of Ukraine)

Degtiareva Olga Victorovna

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Senior lecturer of the Faculty of Social Technology

olgaspb2008@mail.ru

ABSTRACT

The current state of Ukraine's media raises serious questions as to whether a fair and balanced electoral contest can be held. An elaborate system of censorship, including instructions emanating from the financial and industrial groups, distorts news and skews coverage of political affairs. The author discusses tendencies and perspectives of the development of the information society related to the emergence and expansion of social networks. Social, political and ethical aspects of Internet communication are analyzed. Features of the organization and carrying out of actions political flesh-mob, its definition as tool political consumerism are revealed.

KEYWORDS

flesh-mob, fan-mob, simulacrum-mob, smart-mob, Euromaidan

Введение

После событий «Революции достоинства» или Евромайдана формы социального протеста в украинском обществе приобрели черты провокативности. Именно благодаря новым медиа в конце 80 — начале 90-х годов XX в. в поле публичного обсуждения попали такие понятия, как «самоидентификация» и «право на самоопределение» [17], а политические события, связанные с этими понятиями, стали на

долгие годы предметом ярких и острых медийных дискуссий. Сетевые ресурсы помогали различным сообществам, ориентированным на радикальные изменения в общественной жизни, переводить эти дискуссии в практическую плоскость, способствовали самоорганизации сообществ, осуществляли мобилизацию [6] или в целях проведения политических акций, постановочных мероприятий (флешмобов) или демобилизацию [7]. Сетевые СМИ вызвали к жизни инновационные формы протестной активности молодежи (флешмоб, хеппенинг, перформанс, наномитинг), «обусловленные трендами постмодернизма, глобализационными процессами, стремительным развитием информационных технологий и коммуникации акторов политического процесса» [1]. Флешмоб становится моделью нового политического действия [13].

Появление новых медиа поставило перед исследователями вопросы: может ли взаимодействие различных, незнакомых ранее людей, использующих сетевые информационные возможности, вызвать продолжительные политические изменения? Как эти движения развиваются и чем характеризуется новый тип социальных движений XXI в.?

С начала XXI в. медиаактивисты стали использовать сетевые медиа для борьбы с гегемонией, репрессиями, эксплуатацией и корпоратизацией [4; 6]. Появилось огромное количество информационных материалов, наполненных не только идеями протеста, инакомыслия и бунта, но и призывами к конкретным политическим действиям [3; 4; 5].

Связи в социальных сетях показывают, как спонтанны и хаотичны могут быть социальные образования без конструктивного лидера, как дух толпы и призывы к реальным действиям способны затмить изначальную повестку дня и план действий. Благодаря социальным сетям создается своеобразная «коммуникативная автономия» [18, с. 198]. В целях демобилизации медиаактивисты ставят такие задачи, как: 1) управление контентом «лояльных СМИ»; 2) блокировка независимых СМИ с целью остановки генерирования мобилизационного контента протестного движения; 3) инициирование контента в нелояльных сообществах и блогах (сетевой троллинг); 4) инициирование и распространение контента в лояльных блогах и сообществах [8].

На сегодняшний день большая часть протестующих движений, имеющих цель изменить мышление людей, ориентированы на долгосрочный результат. Медиаактивисты ставят *стратегические* цели: формирование общественного мнения; создание групп сторонников создания сети оповещения и механизмов быстрого реагирования; реализация программ тренировок активистов, привлечение специалистов (реклама, маркетинг, социальные работники, администрация), чьи знания и опыт будут полезны для проведения акций и мероприятий; наращивание волны общественного мнения, поддержка интереса к волнующим вопросам, показ безысходности ситуации, предлагаемое единственное решение [2; 6; 7].

Решаются и *тактические* задачи: выведение локальной общественной проблемы в публичную сферу, ее обострение, работа с лидерами местного общественного мнения, имеющими ресурс влияния на людей, которых непосредственно затрагивает данная проблема; организация акций (перекрытие дороги, блокирование зданий органов власти и транспортных средств чиновников, вывешивание транспарантов на административных зданиях); создание информационных поводов; прямое гражданское давление на нелояльные СМИ.

Флешмобы используют два вида пространств для взаимодействия членов сообществ — киберпространство и городскую среду (улицы, площади). В мире накопился дефицит демократии, а это означает, что граждане не доверяют своим представителям во власти. Социальные медиа радикализируют протест. Возникновение стихийного движения, новой формы коллективного существования поли-

тического активизма, организованного с помощью сетей, без лидеров, без политических организаций, состоящее из людей, которые больше не могут принимать несправедливость в обществе, это новая и важная форма гражданского общества, которое проявляет себя в этом контексте. Государства, в которых присутствуют даже незначительные зачатки демократического процесса, и есть Интернет, наверняка будут подвергнуты «запросу на демократию снизу». Современные ученые считают, что такие изменения являются четкими предпосылками появления нового посткультурного, «предцифрового» века с новыми формами медиаактивизма, отражающего интервенционистские медиа-арт-практики [4], так называемые *hitandrun* вмешательства в медийную сферу с использованием новых технологий от *bio-арта* и *science-арта* до сетевого искусства и тактических медиа [2; 5]. Бизнес-модель, лежащая в основе традиционных СМИ, изжила себя. То есть мы имеем своеобразную точку бифуркации, в которой соединились массовая гражданская журналистика и элементы демократии [9; 11; 12; 15, с. 95].

Результаты исследования

Рассматривая конвенциональные формы политического участия и членства в социально-политических организациях в Украине, нельзя не заметить привлечение, рост интереса и активное участие населения Украины в неформальных акциях и практиках [13; 17]. В Украине первым флешмобом принято считать 16 августа 2003 г., когда в киевском ТК «Глобус» на Площади Независимости собралось полтора десятка молодых людей в черных очках, которые хлопали в ладоши и фотографировали «объект пальму». К таким же движениям можно отнести, например, движение антиглобалистов, «еврооптимистов», сбор петиций, спонтанные акции протеста, которые не требуют членства в каких-либо организациях. Эта проблематика непосредственно связана со сферой политического консумеризма как политически мотивированного потребительского поведения граждан. Сегодня политический консьюмеризм характеризует новые тенденции политической активности населения Украины, в частности молодежи. Граждане избегают членства в партиях и участия в голосованиях. На смену традиционным формам политической активности пришли новые формы социальной активности. Более востребованными стали такие коллективные действия, которые характеризуются спорадичным способом мобилизации населения, а также неиерархичные и менее формализованные движения [16; 18]. Одной из таких форм являются флешмобы (в переводе с англ. *flash mob* — мгновенная толпа). Суть флешмоба состоит в неожиданном появлении какого-то количества людей в одном месте, которые заранее договорились с помощью СМК осуществить определенное запланированное мероприятие.

Организация флешмобов предполагает следующую последовательность действий [3]: 1) разработка сценария акции и ее размещение на веб-сайте или рассылка сообщений с целью привлечения людей; 2) обсуждение сценария мероприятия; 3) появление людей на месте проведения акции; 4) появление лидеров или людей, которые должны дать условный сигнал к началу акции; 5) активизация толпы; 6) групповые активные действия; 7) окончание акции и мгновенное рассеивание участников акции в толпе прохожих; 8) обсуждение результатов акции на веб-сайтах.

Исследователи классифицируют флешмобы согласно разным критериям, а именно: *по масштабу проявления*: глобал-моб (охватывает несколько городов или стран) и моб (одноразовая акция в одном городе); *по направлению акции*: арт-моб (искусство), соушл-моб (социальное или политическое направление) и моб (развлекательное направление); *по среде проявления*: I-моб (акция, которая проводится в интернете), sms-моб (акция, которая проводится с помощью смс-сообщений

в телефонах пользователей мобильной связи), реал-моб (акция в реальном измерении); *целевому назначению*: фан-моб (как развлечение), симулякр-моб (имитация флешмоба в коммерческих целях) и смартмоб (флешмоб идеологической направленности) [13, с. 172].

Флешмоб активно развивается в качестве развлечения для молодежи (фан-моб), а также как симулякр (как явление, которое имитируется с определенной целью). Симулякр-моб является методом практического использования флешмоба в рекламных целях, а именно в партизанском маркетинге, основой которого является выход за границы общепринятых способов и методов рекламных коммуникаций и продвижения товара.

Следует отметить, что изначально флешмоб не был предназначен для политических или PR-акций — все участники, как правило, не были знакомы или объединены между собой. Более того, использование акций флешмоба для достижения политических целей было запрещено правилами. Предполагалось, что флешмоб является свободным самовыражением и акцией искусства, а не способом политического давления. Флешмоб планировался как своеобразный способ социального протеста путем абсурдизации. Очевидно, что такая эффективная форма выражения идей не могла оказаться вне поля зрения политических сил. Впервые как политическая акция флешмоб состоялся 30 ноября 1999 г., когда люди скоординировали свои действия с помощью мобильных телефонов и сети интернет и самостоятельно образовали столпотворение против проведения встречи Мировой торговой организации («Битва за Сиетл») [10].

В Украине политические флешмобы представлены симулякр-мобами и смартмобами [13]. Первый способ используется как политическая технология и рекламная акция определенной политической силы, а смартмоб — как самоорганизующееся и добровольное объединение граждан с целью выражения отношения к власти, политической системе и пр. Возможно также объединение этих двух форм флешмоба. Одним из примеров такого объединения выступает «Оранжевая революция» 2004 г. Среди примеров менее масштабных можно назвать акцию, которая состоялась 22 ноября 2009 г. в г. Днепрпетровск (в настоящее время переименован в г. Днепр), которую проводила Украинская народная партия под лозунгом «Покупай украинское! Защищай украинское, так как это твое!» [13, с. 172]. Подобные акции неоднократно повторялись и позже.

Несмотря на то что флешмоб зародился как аполитическая акция, в нем заложен значительный политический потенциал. В первую очередь он состоит в реализации через флешмоб механизма позиционирования определенной политической силы или движения. Естественно, флешмобы в Украине получили особое распространение среди оппозиционных политических сил не только потому, что позволяют скрывать настоящий смысл акций и снижают потенциал преследований участников властными структурами, а и потому, что действующая власть не может позиционировать себя через несерьезные политические акции, которые могут негативно отразиться на имидже [11]. Основой современного политического флешмоба выступает так называемая «умная толпа» [10], возможности которой усилились с развитием компьютерных технологий и устройств. Политический флешмоб, организуемый сетевыми медиа, — это не просто интеллектуальное развлечение, которое присутствует в традиционном флешмобе, он имеет конкретную цель — смена политического режима и импульс «цветной революции».

Выводы

На сегодняшний день флешмоб оправдывает себя как эффективная технология, способная привлечь большое количество людей, которые свободно владеют со-

временными средствами связи. Участие в подобной акции более привлекательно в сравнении с традиционными формами общественных сборов. Плюсы очевидны: флешмоб требует меньше времени, участие в нем анонимно, проходит без предварительной подготовки и похож на квест или игру, что нравится особенно молодежи. Флешмоб представляет собой слабо формализованные, неиерархичные, спорадические по способу мобилизации коллективные действия, которые являются действенным инструментом политического консюмеризма. Остается открытым вопрос о том, насколько безопасен флешмоб, ведь он позволяет собрать огромную толпу буквально в считанные часы.

Литература

1. Авцинова Г. И., Воронина Е. Ю. Инновационные формы протестной активности молодежи // PolitBook. 2014. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-formy-protestnoy-aktivnosti-molodezhi> (дата обращения: 04.12.2016).
2. Беспалов М. Флэшмоб как метод художественного сознания [Электронный ресурс]. URL: <http://mobs.alfamoon.com/flashmob-articles/flashmob-as-art.html> (дата обращения: 16.01.2017).
3. Искусство создавать акцию: Межрегиональная молодежная общественная организация «Новые Люди». Волгоград, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/77/217/4372.php> (дата обращения: 17.01.2017).
4. Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Дисфункция медийного дискурса или к поиску «перформативности» тактических медиа // Мир лингвистики: Электронный научный журнал. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tverlingua.ru/> (дата обращения: 17.01.2017).
5. Мельник Г. С. Тактические медиа в деструктивных технологиях протеста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2015. Вып. 3. С. 83–91.
6. Носик А. А. Публичные политические сетевые институции и процессы мобилизации: сетевой анализ протестного ядра и его формирования // Век информации. 2017. № 2. С. 111–113.
7. Томин Л. В. Интернет и социальные медиа как инструмент политической мобилизации // Дискуссии о трансформации политических организаций и антисистемных движений. 2017. № 2. С. 116–117.
8. Тюпина М. Э. Политическая демобилизация: понятие и технологии // Век информации. 2017. № 2. С. 119–121.
9. Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М. : АСТ, 2014.
10. Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция. М. : Фаир-пресс, 2006.
11. Сморгунев Л. В. Сетевые политические партии // Политические исследования. Полис. 2014. № 4. С. 21–37.
12. Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. / отв. ред. Л. Н. Верченков, Д. В. Ефременко, В. И. Тищенко. М., 2013.
13. Шевчук И. Н. Флешмоб как модель нового политического действия // Вісник СевНТУ. Сер. Політологія: сб. науч. тр. Севастополь, 2010. Вып. 112. С. 171–173.
14. Aslund A. Comparative Oligarchy: Russia, Ukraine and the United States / A. Aslund // Europe after the Enlargement». Warsaw, April 8–9, 2005. N 296.
15. Jenkins H. Convergence: Where old and new media collide. New York : New York University Press, 2006.
16. Kooiman J. (ed.). Modern governance: New government-society interactions. London : Sage, 1993.
17. Kuzio T., Wilson A. Ukrain: perestroika to independence. London : Macmillan; New York : St.Martin's Press, 1994.
18. Sorensen E., Torfing J. The Democratic Anchorage of Governance Networks // Scandinavian Political Studies. 2005. Vol. 28. P. 195–218.

References

1. Avtsinova G. I., Voronina E. Yu. *Innovative forms of protest activity of youth* [Innovatsionnye formy protestnoi aktivnosti molodezhi] // PolitBook. 2014. N 3 [Electronic resource]. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-formy-protestnoy-aktivnosti-molodezhi> (date of the address: 04.12.2016). (rus)
2. Beshpalov M. *Flashmob as method of art consciousness* [Fleshmob kak metod khudozhestvennogo soznaniya] [Electronic resource]. URL: <http://mobs.alfamoon.com/flashmob-articles/flashmob-as-art.html> (date of the address: 16.01.2017). (rus)
 3. Art to create an action: Interregional youth public organization «New People» [Iskusstvo sozdat' aktsiyu: Mezhhregional'naya molodezhnaya obshchestvennaya organizatsiya «Novye Lyudi»]. Volgograd, 2007 [Electronic resource]. URL: <http://pandia.ru/text/77/217/4372.php> (date of the address: 17.01.2017). (rus)
 4. Melnik G. S., Misonzhnikov B.Ya. *Disfunction of a media discourse or to search of «performativity» of tactical media* [Disfunktsiya mediinogo diskursa ili k poisku «performativnosti» takticheskikh media] // World of linguistics: Online scientific journal [Mir lingvistiki: Elektronnyi nauchnyi zhurnal], 2015. N 1 [Electronic resource]. URL: <http://www.tverlingua.ru/> (date of the address: 17.01.2017). (rus)
 5. Melnik G. S. *Tactical media in destructive technologies of a protest* [Takticheskie media v destruktivnykh tekhnologiyakh protesta] // Bulletin of the St. Petersburg University. Ser. 16. Psychology. Pedagogics [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika]. 2015. Is. 3. P. 83–91. (rus)
 6. Nosik A. A. *Public political network institutions and processes of mobilization: network analysis of a protest kernel and its formation* [Publichnye politicheskie setevye institutsii i protsessy mobilizatsii: setevoi analiz protestnogo yadra i ego formirovaniya] // Information age [Vek informatsii]. 2017. N 2. P. 111–113. (rus)
 7. Tomin L. V. *Internet and social media as instrument of political mobilization* [Internet i sotsial'nye media kak instrument politicheskoi mobilizatsii] // Discussions about transformation of the political organizations and anti-system movements [Diskussii o transformatsii politicheskikh organizatsii i antisistemnykh dvizhenii]. 2017. N 2. P. 116–117. (rus)
 8. Tyupina M. E. *Political demobilization: concept and technologies* [Politicheskaya demobilizatsiya: ponyatie i tekhnologii] // Information age [Vek informatsii]. 2017. N 2. P. 119–121. (rus)
 9. Morozov E. *Internet as illusion. Reverse side of network* [Internet kak illyuziya. Obratnaya storona seti]. M. : AST, 2014. (rus)
 10. Rheingold H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution* [Umnaya tolpa: Novaya sotsial'naya revolyutsiya]. M. : Fair-press, 2006. (rus)
 11. Smorgunov L. V. *Network political parties* [Setevye politicheskie partii] // Political researches [Politicheskie issledovaniya. Polis]. 2014. N 4. P. 21–37. (rus)
 12. *Social networks and virtual network communities* [Sotsial'nye seti i virtual'nye setevye soobshchestva]: collection of articles / RAS. INION/ ex. ed. Verchenov L. N., Efremenko D. V., Tyshchenko V. I. M., 2013. (rus)
 13. Shevchuk I. N. *Flashmob as model of new political action* [Flesh-mob kak model' novogo politicheskogo deistviya] // Messenger of SevNTU. Series: Political Sciences [Flesh-mob kak model' novogo politicheskogo deistviya]. Collection of articles. Sevastopol, 2010. Is. 112. P. 171–173. (rus)
 14. Aslund A. *Comparative Oligarchy: Russia, Ukraine and the United States* / A. Aslund // Europe after the Enlargement. Warsaw, April 8–9, 2005. N 296.
 15. Jenkins H. *Convergence: Where old and new media collide*. New York : New York University Press, 2006.
 16. Kooiman J. (ed.). *Modern governance: New government-society interactions*. London : Sage, 1993.
 17. Kuzio T., Wilson A. *Ukrain: perestroika to independence*. London : Macmillan; New York : St. Martin's Press, 1994.
 18. Sorensen E., Torfing J. *The Democratic Anchorage of Governance Networks* // Scandinavian Political Studies. 2005. Vol. 28. P. 195–218.

Руководство тыловым обеспечением войск в Курской битве

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-131-139

Гриднев Валерий Павлович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Профессор кафедры государственного и муниципального управления

Доктор исторических наук, профессор

valerijgridnev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье автор рассматривает организаторскую деятельность Военных советов фронтов и армий, политорганов, командиров и начальников по тыловому обеспечению войск в Курской битве. Анализ архивных материалов, военных мемуаров, периодической печати и других источников доказывает, что ведущая роль в руководстве тыловым обеспечением войск принадлежала Военным советам — коллегиальным органам, принимающим управленческие решения большинством голосов, обязательных для всех их членов. Коллективно принятые решения проводились в жизнь приказами и распоряжениями командующих войсками фронтов и армий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

военный совет, командиры и начальники, тыл, руководство, управление, тыловое обеспечение, материальное обеспечение, битва, оборона, героизм

Gridnev V. P.

Control of Logistic Support of Troops in the Battle of Kursk

Gridnev Valery Pavlovich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Professor of the Chair of State and Municipal Management

Doctor of Sciences (History), Professor

valerijgridnev@yandex.ru

ABSTRACT

In article the author considers organizing activities of the Councils of War of fronts and armies, political bodies, commanders and chiefs for logistic support of troops in the Kursk fight. The analysis of archival materials, military memoirs, periodicals and other sources proves that the leading role in the leadership in logistic support of troops belonged to the Councils of War — the collegial bodies making administrative decisions by a majority vote, members, obligatory for all of them. Collectively made decisions were put into practice by orders and orders of top military commanders of fronts and armies.

KEYWORDS

Council of War, commanders and chiefs, back, management, management, logistic support, material security, fight, defense, heroism

К 75-летию Курской битвы

После ожесточенных сражений весной 1943 г. на советско-германском фронте наступило временное затишье. Воюющие стороны извлекали уроки из прошедших боев, намечали планы дальнейших боевых действий.

Фашистская Германия готовилась обрушить новые мощные удары на Красную армию, вновь овладеть стратегической инициативой, взять реванш за Сталинград

и добиться победы. Она провела тотальную мобилизацию, собрала все ресурсы и силы как у себя, так и в оккупированных странах.

Для новой решительной наступательной операции, названной «Цитадель», гитлеровское командование выбрало курское направление — узкий участок фронта, далеко выдвинутый на запад в районе Курского выступа, образовавшийся в ходе предшествовавших боев. Именно здесь, по мнению немецко-фашистского командования, создавались благоприятные предпосылки для окружения и разгрома войск Центрального и Воронежского фронтов, что привело бы к образованию огромной бреши в стратегическом фронте советских войск и позволило осуществить новые крупные наступательные операции. Противник сконцентрировал для предстоящего наступления огромные силы: 50 дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, три отдельных танковых батальона и восемь дивизионов штурмовых орудий. Эта вражеская группировка насчитывала свыше 900 тыс. солдат и офицеров, до 10 тыс. орудий и минометов, до 2,7 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 2 тыс. самолетов, что составляло около 70% танковых, до 30 — моторизованных и более 20% пехотных дивизий от общего количества соединений на советско-германском фронте, свыше 65% всех боевых самолетов [1, с. 269].

Гитлеровское командование, по оценке Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, было уверено в успехе. В приказе Гитлера от 15 апреля 1943 г. говорилось: «Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление „Цитадель“ — первое наступление в этом году. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на всю весну и лето текущего года. В связи с этим... на направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира» [5, с. 15–16].

Советское Верховное Главнокомандование, разгадав намерения врага и оценив обстановку, приняло решение «...основные наши усилия сосредоточить в районе Курска, обескровить здесь противника в оборонительной операции, а затем перейти в контрнаступление и окончательно довершить его разгром. ...Признавалось нужным создать глубокую и прочную оборону на всем стратегическом фронте, особо же мощную — на курском направлении» [11, с. 197].

Готовя Красную армию к решающим сражениям против немецко-фашистских войск, Верховное Главнокомандование, исходя из опыта войн и военного искусства, руководствовалось тем, что одним из важнейших факторов победы является тыловое обеспечение войск¹ [3, с. 386].

Руководство тыловым обеспечением войск в годы Великой Отечественной войны осуществляли ГКО, Ставка Верховного Главнокомандования, Наркомат обороны СССР, Военные советы фронтов и армий, командиры (начальники), политорганы.

Члены ГКО непосредственно занимались вопросами производства и обеспечения Вооруженных сил СССР всем необходимым: Н. А. Вознесенский отвечал за вооружение и боеприпасы, Г. М. Маленков — производство самолетов и авиационных моторов, В. М. Молотов — танков, А. И. Микоян — продовольствия, горючего и вещевого имущества, Л. М. Каганович — железнодорожные перевозки [7, с. 6].

Непосредственное управление тылом осуществляли на фронте — начальник тыла — заместитель командующего фронтом — армии по тылу; в корпусе — ди-

¹ Тыловое обеспечение войск — вид обеспечения боевых действий, комплекс мероприятий, направленных на удовлетворение материальных, транспортных, бытовых и других потребностей войск в ходе решения ими поставленных боевых задач.

визии — заместитель командира корпуса — дивизии по тылу¹; в полку, отдельном батальоне — помощник командира по снабжению.

Оперативный тыл представлял собой сложный механизм: тыл армии имел в среднем 70–100 тыловых частей и учреждений, фронта — 200–250, а с учетом армейских — 1000 и более единиц².

Поэтому тылом, помимо вторых членов Военных советов (по тылу. — Авт.) и аппарата тыла, занимались командующие войсками фронтов и командующие армий (председатели Военных советов), все члены Военных советов и политорганы. Кроме того, Нарком обороны СССР своим приказом от 31 мая 1943 г. «О результатах проверки положения дел с питанием красноармейцев на Калининском фронте»³ в соответствии с постановлением ГКО от 24 мая 1943 г.⁴ возложил личную ответственность за работу тыловых органов на первых членов Военных советов фронтов: на Западном — генерал-лейтенанта Н. А. Булганина, Брянском — генерал-лейтенанта танковых войск И. З. Сусайкова, Центральном — генерал-майора К. Ф. Телегина, Воронежском — генерал-лейтенанта Н. С. Хрущева, Юго-Западном — генерал-лейтенанта А. С. Желтова, в Степном военном округе — генерал-лейтенанта Л. З. Мехлиса. Вторым членам Военных советов фронтов (по тылу. — Авт.) предписывалось быть постоянными помощниками первых членов Военных советов по руководству тылом. Также ставилась задача повысить ответственность и первых членов Военных советов армий за тыловое обеспечение войск⁵.

Первые члены Военных советов были люди, умудренные громадным житейским и политическим опытом. В довоенное время почти все они замещали должности руководителей общественно-политических органов. Члены Военных советов делили с командующими войсками фронтов и армий всю полноту ответственности за состояние и боевую деятельность войск, участвовали в разработке оперативных планов, заботились о том, чтобы каждая операция была обеспечена материально. Члены Военных советов фронтов вместе с командующими войсками вызывались и в Ставку ВГК. Но при всем том главной задачей первых членов Военных советов являлось поддержание у личного состава крепкого морального духа. За годы Великой Отечественной войны на высоком посту первого члена Военного совета фронта состояло немногим более 40 человек [11, с. 193–194].

Военные советы фронтов, выполняя требования ГКО и Наркома обороны СССР, возложили персональную ответственность за деятельность тыла на первых членов Военных советов армий Брянского фронта: Коннова (3-я армия), Дубровского (61-я армия), Клементьева (63-я армия)⁶; Степного военного округа: И. А. Гаврилова (4-я гв. армия), А. М. Кривулина (5-я гв. армия), И. П. Шевченко (27-я армия), Г. А. Комарова (47-я армия), П. И. Горохова (53-я армия), П. Г. Гришина (5-я гв. танковая армия)⁷.

Части и учреждения тыла в условиях преднамеренного перехода войск к обороне и готовности их к контрнаступлению по решению Военных советов размещались

¹ О мероприятиях по укреплению управлений тыла фронтов, армий, корпусов и дивизий: постановление ГКО № 1784с от 19 мая 1942 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.teatr-skazka.com/Raznoe/PostanovGKO/194205/gko_1784.html (дата обращения: 15.08.2017).

² Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ. Ф. 203. Оп. 2847. Д. 47. Л. 68; Ф. 328. Оп. 4879. Д. 15. Л. 136 об.

³ Архив военно-медицинского музея (АВММ). Ф. 38. Оп. 7576. Д. 29. Л. 35–38.

⁴ Постановление ГКО «О результатах проверки дел с питанием красноармейцев на Калининском фронте» // Н. Я. Комаров. Государственный Комитет Обороны постановляет... Документы... С. 263–265.

⁵ АВММ. Ф. 38. Оп. 7576. Д. 29. Л. 38.

⁶ Инициалы членов Военных советов армий в приказе командующего войсками Брянского фронта не указаны — авт.

⁷ Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ. Ф. 202. Оп. 36. Д. 267. Л. 55; Ф. 32. Оп. 11289. Д. 404. Л. 169.

в тыловых районах, глубина которых была относительно небольшой и составляла: армейских вместе с войсковыми — 50–150 км, Центрального фронта — 160–180 км, Воронежского — до 230 км. При этом Центральный и Воронежский фронты выдвинули непосредственно к войскам и надежно укрыли склады с запасами материальных средств, медицинские, ремонтно-эвакуационные и другие части и учреждения [10, с. 120].

Приближение фронтового тыла к группировкам войск являлось особенностью тылового обеспечения в битве под Курском. Оно увеличивало устойчивость обороны, части и подразделения могли бесперебойно и в короткие сроки обеспечиваться основными видами материальных средств, а при переходе войск в контрнаступление позволяло быстро организовать их тыловое обеспечение.

Принимались меры по централизованному использованию сил и средств тыла, правильному размещению и передвижению тыловых частей и учреждений, организации устойчивого управления всеми звеньями тыла и поддержанию ими тесного взаимодействия с общевойсковыми командирами и штабами, начальниками родов войск и служб, местными органами власти.

Проведенные Военными советами организационно-технические мероприятия по подготовке тыла к сражению на Курской дуге позволили непрерывно и своевременно решать задачи тылового обеспечения войск.

Важным направлением в деятельности Военных советов было материальное снабжение войск вооружением и боеприпасами, горючим и смазочными материалами, продовольствием и фуражом, вещевым имуществом.

Достаточно сказать, что только Центральный и Воронежский фронты накануне Курской битвы насчитывали 1336 тыс. человек, свыше 19,1 тыс. орудий и минометов, 3444 танка и САУ и 2900 самолетов. В тылу этих фронтов размещался главный стратегический резерв Ставки ВГК — войска Степного фронта, в составе которого вместе с ВВС находилось 573 тыс. человек, 7437 орудий и минометов, 1551 танк и САУ [9, с. 297–298]. Его задача состояла в том, чтобы в случае прорыва противником обороны на Курском выступе остановить и совместно с войсками Центрального и Воронежского фронтов решительным контрнаступлением разгромить его.

Ставка Верховного главнокомандования, Военные советы, осуществляя подготовку войск к Курской битве, направили свою работу на создание запасов материальных средств, их эшелонирование, укрытие и экономное расходование. Фронтам было подвезено 141 354 вагона грузов [2, с. 216]. По воспоминаниям генерала армии С. М. Штеменко в районе Курска было осуществлено крупнейшее за все время Великой Отечественной войны сосредоточение материальных средств и войск [11, с. 199].

Военный совет Центрального фронта в постановлении от 21 марта 1943 г. «О материальном обеспечении фронта в период весенней распутицы» поставил задачи перед тылом фронта и Военными советами армий по подготовке тыла к предстоящим боевым действиям. В частности, предусматривалось завести к 5 апреля два боекомплекта боеприпасов, восемь заправок горючего и 20 сутодач продовольствия — к 1 апреля, возложив ответственность за подвоз боеприпасов и ГСМ⁸ на члена Военного совета фронта генерал-майора К. Ф. Телегина⁹, а за доставку продовольствия — на члена Военного совета фронта полковника интендантской службы М. М. Стахурского¹⁰.

⁸ Горючее и смазочные материалы — авт.

⁹ Замещал должность первого члена Военного совета фронта почти всю войну — авт. См.: [9, с. 194].

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 422. Д. 1. Л. 25–27.

Военный совет Воронежского фронта 24 апреля в своей директиве наметил план тылового обеспечения войск¹.

В сложной обстановке пришлось работать личному составу тыла. Дело в том, что к моменту образования курского выступа большая часть органов тыла фронтов и некоторых армий находилась в 400–600 км от обеспечиваемых войск [8, с. 43]. К тому же началась весенняя распутица, еще больше осложнившая положение войск. В этих тяжелых условиях Военные советы стали оказывать действенную помощь тыловым службам.

Командующий войсками Воронежского фронта создал при Военном совете оперативную группу по организации материального снабжения войск².

Военные советы объединений и руководители воинских частей, руководствуясь решениями Военных советов фронтов, провели целый ряд организационных и политико-воспитательных мероприятий по мобилизации сил и средств служб тыла на материальное обеспечение войск.

Так, Военный совет 7-й гвардейской армии Воронежского фронта принял 28 апреля 1943 г. постановление «О состоянии подготовки тыла армии к бесперебойному обеспечению активных действий войск армии на летний период», в котором ставились задачи всем службам тыла. Планировалось к 7 мая довести запас продовольствия до 12 суток и горячего до шести заправок; к 1 августа 1943 г. — до 5 тыс. пар кожаной обуви. Ответственность за это возлагалась Военным советом на начальника тыла армии гвардии генерал-майора Александрова³.

26 апреля состоялось совещание заместителей командиров (начальников) по политчасти воинских частей тыла Центрального фронта. Начальник политотдела тыла фронта подполковник Местечкин в своем докладе подчеркнул, что сейчас фронт находится накануне решающих боев с немецко-фашистскими захватчиками и задача офицерского состава в связи с этим заключается в мобилизации всех военнослужащих на бесперебойное тыловое обеспечение войск. Каждый офицер должен найти свое место в решении вопроса материального снабжения войск фронта⁴.

20 мая состоялся партактив тыловых частей 6-й гвардейской армии Воронежского фронта. Члены Военного совета армии генерал-майор П. И. Крайнов и полковник Г. Н. Касьяненко и начальник политуправления фронта генерал-майор С. С. Шатилов призвали всех присутствующих мобилизовать личный состав на успешное решение задач по тыловому обеспечению войск⁵.

На Воронежском фронте 26–27 мая 1943 г. было проведено совещание политработников, участники которого заслушали и обсудили доклады различных должностных лиц, в том числе и начальника политуправления фронта генерал-майора С. С. Шатилова. На нем было подчеркнуто, что от военнослужащих частей тыла зависит успех действующей армии. В работе совещания принял участие член Военного совета фронта генерал-лейтенант Н. С. Хрущев⁶.

Особое внимание Военные советы уделяли работе автомобильного транспорта. Как показал опыт войны, главная тяжесть в подвозе материальных средств войскам ложилась на автомобильные подразделения и части, так как железнодорожный транспорт подвергался постоянному воздействию противника, а восстанавливать железные дороги было сложно.

¹ Там же. Ф. 203. Оп. 2847. Д. 48. Л. 103.

² Советская Украина в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: док. и материалы: в 3 т. Киев : Наукова Думка, 1985. Т. 2. С. 164–165.

³ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2847. Д. 48. Л. 103–105.

⁴ Там же. Ф. 201. Оп. 422. Д. 8. Л. 82–99.

⁵ Там же. Ф. 203. Оп. 2847. Д. 47. Л. 338–344.

⁶ За честь Родины. 1943. 29 мая; ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11318. Д. 59. Л. 166.

«Шофер — участник победы, — подчеркивалось в передовой газеты 6-й гвардейской армии. — Не будут вовремя доставлены боеприпасы — замолчат орудия, не будут вовремя накормлены бойцы — и подразделение потеряет часть своей боеспособности. Наши водители не должны забывать об этом...»¹

Четкая и слаженная работа автотранспортных подразделений была связана с постоянным напряжением всех духовных и физических сил воинов-автомобилистов, так как им приходилось работать днем и ночью, в любых погодных условиях. О сложности их труда говорит и тот факт, что среднесуточный пробег автомашин в условиях ожесточенных бомбежек и обстрелов противника составлял 195–280 км².

Учитывая все это, командование, Военные советы проводили огромную работу среди водителей. Так, например, командующий войсками Центрального фронта своим приказом от 8 марта 1943 г. ввел для всех водителей транспортных средств личные книжки, куда командиры заносили данные о выполненной работе³. В конце каждого месяца при подведении итогов отмечались лучшие водители.

Большое значение для улучшения работы транспорта имело решение Военного совета Центрального фронта, принятое 18 марта 1943 г., о поощрении воинов-водителей за бесперебойную и своевременную доставку грузов. За совершение трех дальних рейсов (пробег в один конец — свыше 150 км) без аварий и поломок с соблюдением графика доставки водителю выдавалась премия в сумме 200 руб., за шесть — 300 руб., за пятнадцать таких рейсов водитель награждался медалью «За боевые заслуги», за тридцать — орденом «Отечественной войны»⁴.

28 марта был издан приказ начальника тыла Центрального фронта «Об упорядочении обслуживания водительского состава автотранспортных частей резерва фронта», который потребовал от командиров принятия мер, направленных на улучшение материально-бытовых условий водителей⁵.

На военно-автомобильных дорогах фронтов курского направления были созданы круглосуточные пункты питания и отдыха водителей, медицинской помощи, где они могли принять горячую пищу, отдохнуть, получить в дорогу сухие пайки и при необходимости — медпомощь. Эффективность работы автотранспорта достигалась еще и тем, что на фронтовых и армейских дорогах были развернуты пункты технической помощи, заправочные, контрольно-пропускные пункты, посты регулирования⁶.

В целях обмена боевым опытом водителей в частях тыла проводились технические конференции, позволяющие рассматривать разнообразные вопросы изучения, эксплуатации, сбережения и ремонта автотракторной техники⁷. Успех конференций во многом определялся качеством подготовки к ним, высоким уровнем их проведения. Командиры и политработники заранее планировали тематику докладов, выступлений, наглядных пособий, фотовитрин, выставок реставрированных деталей и т. п.

Работа автотранспорта зависела и от личной подготовки водителей. С целью повышения их квалификации во фронтах и армиях по решению Военных советов была организована переподготовка малоопытных водителей. С водителями и командирами автотранспортных подразделений проводились занятия по изучению

¹ По-боевому работать за рулем! // Боевой натиск. 1943. 1 апреля.

² ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 422. Д. 4. Л. 235; Оп. 2694. Д. 2. Л. 125.

³ Там же. Ф. 201. Оп. 422. Д. 4. Л. 45.

⁴ Там же. Л. 55–56.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 422. Д. 4. Л. 3.

⁶ Там же. Оп. 384. Д. 53. Л. 117; Ф. 361. Оп. 6092. Д. 66. Л. 5–6; Ф. ВАД-7. Оп. 526730. Д. 3. Л. 81, 95–96.

⁷ Там же. Ф. 201. Оп. 422. Д. 8. Л. 68–70; Ф. 361. Оп. 6109. Д. 2. Л. 10; Ф. 422. Оп. 10521. Д. 1. Л. 181.

правил движения в автоколоннах, особенно в ночное время с применением светомаскировки, под огневым обстрелом противника¹.

Командиры и начальники изыскивали возможности увеличения суточного пробега автомашин. Так, в 83-м отдельном автотранспортном батальоне тыла 70-й армии в июне 1943 г. были организованы показательные рейсы автоколонны в количестве восьми машин по доставке боеприпасов из Курска в Ржаву. Перед выездом в рейс в колонне был назначен актив и с водителями была проведена беседа «О задачах перевозок и значении своевременного обеспечения боеприпасами частей передовой линии». Все машины были тщательно осмотрены, произведено техническое обслуживание их. Начальнику автоколонны был дан маршрут движения с указанием пунктов погрузки, разгрузки, заправки ГСМ, питания и техобслуживания. Автоколонна работала в течение трех суток, пройдя в общей сложности 10 778 км. Водители отдыхали в сутки четыре часа, за это время ремонтные бригады обслуживали машины и при необходимости ремонтировали их. Деятельность пунктов обеспечения была организована так, что автомашины и водители, пользуясь их услугами, затрачивали на это не более 15 минут. Цель, какую поставили перед собой командиры и начальники, — показать личному составу части, что при условии четкой организации движения автоколонны с максимально возможными скоростями, снижения времени простоя машин в районах погрузки и выгрузки можно увеличить суточный пробег автомашин — была достигнута. Автоколонна вместо 150–200 км в сутки прошла 544 км². Передовой опыт военнослужащих 83-го ОАТБ стал широко распространяться командирами и начальниками тыла 70-й армии среди личного состава автомобильных частей³.

Важным средством обучения и воспитания военнослужащих тыла являлась армейская печать, которая стала больше уделять внимания вопросам тылового обеспечения. Газета Центрального фронта «Красная армия», например, за пять месяцев (апрель–август) 1943 г. поместила 174 материала, посвященных работе тыловых частей и подразделений⁴, а армейская газета «Боевой натиск» за этот же период — 71 материал⁵.

Кроме того, тираж многих газет был значительно увеличен. Так, тираж газеты Брянского фронта «На разгром врага» увеличился в июле 1943 г. с 24 тыс. до 30 тыс. экземпляров, позднее — в августе — он составил 35 тыс.; газеты «За честь Родины» (Воронежский фронт) — соответственно с 25 тыс. до 34 тыс.; газеты Юго-Западного фронта «Советский воин» — с 25 тыс. до 35 тыс. экземпляров⁶.

В августе того же года в Степном фронте выпускались две фронтовые, четыре армейские, четыре корпусные, 22 дивизионные газеты общим тиражом 86 тыс. экземпляров [6, с. 233].

Газеты уделяли много внимания вопросам сбережения горючего. Мобилизуя бойцов и командиров на экономное расходование топлива, военная пресса разъясняла им, каким образом, за счет чего можно этого добиться.

Газета 2-й танковой армии Центрального фронта «Ленинское знамя» учила фронтовиков, что при спаренной езде машин, когда часть их передвигается на жестких буксирах, достигается значительная экономия горючего⁷. Немалую роль играет повседневный уход за двигателем и правильная регулировка карбюратора.

¹ Там же. Ф. 201. Оп. 422. Д. 1. Л. 27; Ф. 202. Оп. 20. Д. 15. Л. 59; Ф. 236. Оп. 2694. Д. 2. Л. 89.

² Там же. Ф. 427. Оп. 11133. Д. 5. Л. 2–3.

³ Там же.

⁴ Подсчитано авт.: Красная армия. 1943. Апр.-авг.

⁵ Подсчитано авт. Боевой натиск. 1943. Апр.-авг.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 795436с. Д. 8. Л. 18, 48.

⁷ Скидкин М. Как мы добились экономии горючего // Ленинское знамя. 1943. 31 марта.

Результаты организаторской деятельности Военных советов, командиров, начальников и политработников тыла с личным составом автотранспортных частей были налицо. Водитель А. Ростовцев, например, за счет умелой регулировки карбюратора за пять дней сэкономил 80 кг горючего¹. Отделение старшего сержанта Н. Боровик, как писала газета Центрального фронта «Красная армия», за 240 боевых рейсов сэкономило более 1,5 тыс. кг горючего². 184-й ОАТБ Воронежского фронта в июне 1943 г. сэкономил 2592 кг топлива³.

Об улучшении работы транспорта свидетельствовал резко возросший коэффициент технической готовности (КТГ) машин. Так, если в автотранспортных частях тыла Центрального фронта КТГ ОАТБ № 26 в марте составлял 0,85, то в мае 1943 г. — 0,98, ОАТБ № 98 соответственно — 0,74 и 0,97, ОАТБ № 155 — 0,76 и 0,97, ОАТБ № 616 — 0,89 и 1,0⁴.

Воины-автомобилисты проявляли мужество, с честью и достоинством выполняли свою почетную и благородную задачу по доставке частям боеприпасов и вооружения, горючего, продовольствия и т. д. Автотранспортом тыла Центрального фронта за март-апрель 1943 г., к примеру, было перевезено 122 080 т грузов⁵, а с 5 по 25 июля — 3 992 223 т и 14 578 раненых. Кроме того, впервые автотранспортом фронта в короткие сроки была осуществлена оперативная перевозка трех стрелковых дивизий со снаряжением, вооружением и имуществом⁶.

Многие из военнослужащих за ратный и трудовой подвиг были поощрены. Например, лишь из водителей тыла Центрального фронта за период с 16 марта по 25 мая 1943 г. два человека были награждены орденом Отечественной войны, восемь — орденом Красной Звезды, четыре — медалью «За отвагу», 30 — медалью «За боевые заслуги» и 94 — представлены к государственным наградам⁷.

Итак, организаторская деятельность ГКО, Ставки ВГК, НКО СССР, Военных советов, политорганов, командиров и начальников, героизм военнослужащих обеспечили победу над немецко-фашистскими войсками на Курской дуге.

Значительный вклад в победу внес тыл. Поистине титаническую работу проделали тылы фронтов, объединений и соединений, как писал Г. К. Жуков. Личный состав тыловой службы своим трудом, своей творческой инициативой помогал войскам и командованию всех степеней бороться с противником, громить его и завершить войну всемирно-исторической победой. «Вообще без хорошо организованного и четко работающего тыла современные сражения успешно проводить нельзя. Отсутствие надлежащего материально-технического обеспечения войск в процессе операции неизбежно приводит к неудачам» [5, с. 40–41].

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков дал высокую оценку командующим войсками Воронежского и Центрального фронтов: «Генералы Н. Ф. Ватутин и К. К. Рокоссовский лично много занимались вопросами тыла и этим в значительной степени объяснялась хорошая материально-техническая обеспеченность войск к началу сражения» [5, с. 42].

Немецкий генерал-полковник Г. Гудериан писал: «Провалив операцию „Цитадель“, мы потерпели жестокое поражение. Бронетанковые части, на переформирование и перевооружение которых было затрачено столько сил, понесли тяжелые потери как в технике, так и в личном составе и теперь на долгое время выбыли из строя.

¹ Там же.

² Сообщение // Красная армия. 1943. 4 апреля.

³ ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2694. Д. 2. Л. 125.

⁴ Там же. Ф. 201. Оп. 422. Д. 8. Л. 105.

⁵ Подсчитано авт. по: там же.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 422. Д. 4. Л. 235.

⁷ Там же. Д. 8. Л. 104–105.

...Русские извлекли максимум из своей победы. Отныне инициатива находилась однозначно в руках неприятеля» [4, с. 343–344].

Именно победа в Курской битве и последовавший за ней выход советских войск на Днепр завершили коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны и всей Второй мировой войны.

Опыт Курской битвы учит, что в современных условиях угроз необходимо постоянно повышать обороноспособность страны, в том числе и качество тылового обеспечения Вооруженных сил Российской Федерации.

Литература

1. Василевский А. М. Дело всей жизни. М. : Воениздат, 1984.
2. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. М. : Воениздат, 1984.
3. Военный энциклопедический словарь. М. : Воениздат, 1983.
4. Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945. М. : ЗАО Центрполиграф, 2007.
5. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 3. М. : Изд-во АПН, 1986.
6. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: в 6 т. Т. 3. М. : Воениздат, 1961.
7. Комаров Н. Я. Государственный Комитет Оборона постановляет. Документы. Воспоминания. Комментарии. М. : Воениздат, 1990.
8. Малюгин Н. Особенности тылового обеспечения войск по опыту Курской битвы // Военно-исторический журнал. 1983. № 7. С. 43–49.
9. Самсонов А. М. Вторая мировая война, 1939–1945: очерк важнейших событий. М. : Наука, 1985.
10. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. М. : Воениздат, 1977.
11. Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: в 2 кн. Кн. 1. М. : Воениздат, 1985.

References

1. Vasilevsky A. M. *Lifework* [Delo vsei zhizni]. M. : Voenizdat, 1984. (rus)
2. *Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945* [Velikaya Otechestvennaya voina Sovetskogo Soyuz 1941–1945]. M. : Voenizdat, 1984. (rus)
3. *Military encyclopedic dictionary* [Voennyi entsiklopedicheskii slovar']. M. : Voenizdat, 1983. (rus)
4. Guderian H. *Memoirs of the German general. Tank troops of Germany in World War II. 1939–1945* [Vospominaniya nemetskogo generala. Tankovye voiska Germanii vo Vtoroi mirovoi voine. 1939–1945] / Translation from English D. A. Likhachev. M. : CJSC Centrpoligraf, 2007. (rus)
5. Zhukov G. K. *Memoirs and reflections* [Vospominaniya i razmyshleniya]: in 3 v. V. 3. M. : APN Publishing house, 1986. (rus)
6. *History of the Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941–1945* [Istoriya Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuz 1941–1945 gg.]: in 6 v. V. 3. M. : Voenizdat, 1961. (rus)
7. Komarov N. Ya. *The state Committee of Defense decides. Documents. Memoirs. Comments* [Gosudarstvennyi Komitet Oborony postanovlyaet. Dokumenty. Vospominaniya. Kommentarii]. M. : Voenizdat, 1990. (rus)
8. Malyugin N. *Features of logistic support of troops by experience of the Battle of Kursk* [Osobennosti tylovogo obespecheniya voisk po opytu Kurskoi bitvy] // Military and historical journal [Voenno-istoricheskii zhurnal]. 1983. N 7. P. 43–49. (rus)
9. Samsonov A. M. *World War II, 1939–1945: sketch of the major events* [Vtoraya mirovaya voina, 1939–1945: ocherk vazhneishikh sobyitii]. M. : Science [Nauka], 1985. (rus)
10. *The back of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War, 1941–1945* [Tyl Sovetskikh Vooruzhennykh Sil v Velikoi Otechestvennoi voine, 1941–1945 gg.]. M. : Voenizdat, 1977. (rus)
11. Shtemenko S. M. *The General Staff in the years of war* [General'nyi shtab v gody voiny]: in 2 books. Book 1. M. : Voenizdat, 1985. (rus)

Российское офицерство в годы революционных потрясений и Гражданской войны: моральный и политический выбор

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-140-147

Марченко Геннадий Викторович

Санкт-Петербургский Университет МВД Российской Федерации (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы
Доктор исторических наук
gen.marchenco@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье раскрываются причины различного морального и политического выбора офицеров в пользу «красных» или «белых» в период Революции и Гражданской войны. Непростая дилемма рассматривается на основе обращения к мировоззрению дореволюционного офицерства русской армии и нравственному содержанию офицерских традиций. В статье также прослеживается историческая преемственность воспитания патриотизма и гражданственности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

отечество, армия, революция, гражданская война, офицерство, мировоззрение, воспитание, выбор, патриотизм, традиции, долг

Marchenko G. V.

Russian Officers during the Years of Revolutionary Turmoil and the Civil War: Moral and Political Choice

Marchenko Gennady Viktorovich

Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of department of Personnel Management and Educational Work
Doctor of Science (History)
gen.marchenco@yandex.ru

ABSTRACT

The article reveals the reasons for the different moral and political choice of officers in favor of «reds» or «whites» during the revolution and the civil war. The dilemma of choice is examined on the basis of an appeal to the worldview of the pre-revolutionary officers of the Russian army and the moral content of officer traditions. Traces of the historical continuity of the education of patriotism and civic-mindedness are also analyzed.

KEYWORDS

fatherland, army, revolution, civil war, officers, worldview, education, choice, patriotism, traditions, duty

Обращение к героическим страницам славных побед русского оружия во многом определяет современное содержание военно-патриотического воспитания молодого поколения. Патриотизм и гражданственность «становятся важнейшим фактором консолидации и укрепления духовных истоков общества, надежной защитой от негативного информационно-психологического воздействия различных внешних и внутренних деструктивных сил» [7, с. 162].

Победы российского воинства в Ледовом побоище и Куликовской битве, под Полтавой и Бородино, на полях сражений Великой Отечественной войны убеждают

в том, что защита Отечества всегда была священным долгом для наших соотечественников, а офицерская служба являлась одной из наиболее почетных профессий.

Идеологическую основу мировоззрения офицерства и нравственное содержание его вековых традиций неизменно составляли патриотизм, любовь к Родине и верность воинскому долгу. Защита «Веры, Царя и Отечества» предполагала активное участие офицерского корпуса во внутриполитической жизни государства, особенно в период коренных переломов отечественной истории.

На мировоззрение офицерского корпуса к началу революционных событий 1917 г. большое влияние оказали значительные изменения в его социальном составе. Так, С. В. Волков отмечал, что в начальный период Первой мировой войны погиб почти весь кадровый офицерский состав пехоты, а к концу войны в полках оставалось один-два кадровых офицера [1, с. 298]. Потери среди офицеров значительно превышали солдатские: на тысячу офицеров количество убитых составляло 82,9 человека, на тысячу солдат — 59,5 человека [8, с. 510–511]. Значительная убыль кадровых офицеров привела к тому, что большинство командиров рот и взводов к концу 1916 г. были представителями недворянских сословий, фактически, офицерами военного времени — выпускниками военных учебных заведений ускоренного обучения, солдатами и унтер-офицерами, произведенными в офицерские чины за боевые отличия, а также призванными из запаса.

Резкое обновление социального состава офицерского корпуса в преддверии Февральской революции привело к тому, что офицерство перестало быть дворянским по происхождению, в его среду стали массово привноситься иные традиции и другая культура. Довоенных кадровых офицеров, которые являлись преимущественно потомственными дворянами и продолжали семейные традиции офицерской службы, почти полностью сменили офицеры — выходцы из других сословий, перед которыми встал непростой моральный и политический выбор своей позиции в период революционных потрясений.

Революция и Гражданская война «до основания разрушили» прежние устои общества, привели к его расколу. Свой жизненный выбор пришлось делать и представителям офицерского корпуса: сначала — после отречения императора и передачи власти Временному правительству в условиях проводимой «демократизации» армии, затем — после взятия власти большевиками и слома многовекового уклада жизни.

Но если после Февральской революции большинство офицеров, несмотря на преимущественное неприятие новых порядков, все же оставалось на военной службе в условиях продолжавшейся мировой войны, то уже к осени 1917 г. ситуация изменилась кардинально.

Эйфория политической свободы и кратковременная консолидация общества совсем скоро сменились резкой политизацией основных движущих сил революции и обострением социально-политической борьбы за будущее бывшей империи. Октябрьская революция привела к выходу России из тяжелейшей войны, победа в которой была не за горами. Сепаратный Брестский мир, подписанный лидерами большевиков в марте 1918 г. с немецкими властями на невыгодных условиях, обусловил переход в оппозицию к советской власти большей части представителей офицерского корпуса, часть которого примкнула к белому движению.

В то же время на этом этапе многие офицеры занимали выжидательную позицию, не желая участвовать в начинавшейся Гражданской войне. Так, например, Добровольческая армия, сформированная на Дону и ставшая впоследствии ядром белого движения, к январю 1918 г. насчитывала всего около 4 тыс. человек, численность офицеров при этом составляла около 3 тыс., т. е. менее 1% от общей численности всего офицерского корпуса русской армии [4, с. 54].

Но уже совсем скоро ситуация стала меняться. Появились новые внешние угрозы, нешшие в себе опасность утраты страной независимости. Началась военная интер-

венция вооруженных сил стран и союзников Антанты. Отпор интервентам организовывало теперь уже большевистское руководство. По инициативе председателя Революционного Военного Совета республики и народного комиссара по военным делам Л. Д. Троцкого началось привлечение бывших генералов и офицеров к сотрудничеству с РККА в качестве военных специалистов различного уровня. В марте 1918 г. было принято решение об отмене выборного начала в армии, после чего доступ в нее бывших генералов и офицеров был открыт; еще через несколько месяцев издан декрет Совнаркома о мобилизации офицерского состава. Военспецы командовали ротами, батальонами, полками, дивизиями, армиями и даже фронтами. По оценкам современных исследователей, в различные периоды Гражданской войны командный состав РККА на 20–30% состоял из бывших офицеров царской армии, а в решающий период Гражданской войны и борьбы с интервентами в 1919 г. — более чем на 50% [2; 3].

Рассмотрение вопросов создания советских командных кадров позволило А. Г. Кавтарадзе сделать вывод, что представители дореволюционного офицерского корпуса занимали основные высшие должности и в новой армии. Из 20 командующих фронтами 17 были кадровыми офицерами, все 25 начальников штабов фронтов являлись кадровыми специалистами, а 22 человека закончили Академию Генерального штаба, из 485 начальников дивизий около 90% были офицерами, в том числе 55% — кадровыми. Примечательно, что 639 офицеров — довоенных выпускников Академии Генерального штаба, военной элиты русской армии, — служили впоследствии в Красной армии (46% от их общего количества), в белых армиях находилось 750 генштабистов [3, с. 196–197, 208–209].

В один из наиболее тяжелых для новой власти периодов лета и осени 1920 г. — в ходе советско-польской войны и борьбы с белыми частями генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля в Крыму и Новороссии — большую моральную поддержку большевистскому руководству оказали многие авторитетные военные деятели русской армии. Генералы А. А. Брусилов, М. В. Акимов, П. С. Балувев, А. Е. Гутор, А. М. Зайончковский, В. М. Клембовский, Д. П. Парский, А. А. Поливанов вошли в состав Особого Совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами республики и подписали «Воззвание ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились». В этом документе царские генералы призывали русское офицерство вступать в ряды Красной армии для защиты Отечества от вторжения польских войск.

В сентябре 1920 г. бывший главнокомандующий русской армией генерал от кавалерии А. А. Брусилов — один из наиболее известных военачальников Первой мировой войны — вместе с руководителями Советской России В. И. Лениным, М. И. Калининым и Л. Д. Троцким обратился с новым воззванием к солдатам и офицерам белой армии. В документе гарантировалось освобождение от ответственности всем, кто поможет в войне с Польшей и борьбе с Врангелем.

Вскоре после разгрома белых, в ноябре 1920 г., Особое Совещание было распущено, а некоторые его члены из числа бывших генералов — арестованы. Тысячи офицеров, находившихся в Крыму и поверивших призывам новой власти к сотрудничеству, не захотели или не смогли уехать в эмиграцию. После добровольного прибытия в пункты регистрации при местных органах советской власти большинство из них было расстреляно.

По различным оценкам исследователей, в Гражданскую войну через службу в РККА прошло от 70 до 75 тыс. бывших офицеров, в белых армиях служило около 100 тыс. человек. Еще более 70 тыс. по различным причинам уклонилось от участия в вооруженной борьбе и перешло на гражданское положение [3; 5, с. 464; 6, с. 529].

Основную массу бывшего офицерства, служившего в Красной армии, составляли обер-офицеры (младшие офицерские чины) — прапорщики, подпоручики, поручики и штабс-капитаны. Тысячи младших офицеров были мобилизованы в Крас-

ную армию принудительно. Но многие шли на службу и добровольно: одни — из идейных соображений, другие надеялись на новый этап карьеры, так как подготовленных военных специалистов было явно недостаточно. К решению служить в красных частях и штабах РККА офицеров подталкивало и стремление уберечь семьи от репрессий, а также желание улучшить материальное положение. Сказалось и то немаловажное обстоятельство, что значительная часть офицеров увидела в большевиках единственную политическую силу, которая сможет вновь объединить государство после окончания мировой и гражданских войн и защитить страну от внешних угроз.

Многие будущие высшие командиры РККА до революции были в невысоких офицерских чинах. Так, например, легендарные полководцы Гражданской войны полный Георгиевский кавалер штабс-капитан Е. И. Ковтюх и прапорщик С. С. Вострецов, награжденный за храбрость тремя Георгиевскими крестами, были выходцами из крестьянских семей, а свои офицерские звания получили на фронтах Первой мировой войны, начав ее рядовыми.

Иной политический выбор сделал видный деятель белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке В. М. Молчанов, автор книги «Последний белый генерал». Выходец из семьи мелкого чиновника стал кадровым офицером и начал Первую мировую войну штабс-капитаном. Был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени за умелое командование ротой в ходе отражения первой газовой атаки немцев летом 1915 г., революцию встретил в звании подполковника, после ранения оказался в немецком плену, бежал. В годы Гражданской войны получил звание генерал-майора белой армии и руководил различными соединениями, в том числе бригадой, сформированной из рабочих-оружейников Ижевска и Воткинска, составивших против советской власти. Именно В. М. Молчанов организовывал оборону Хабаровска и Спасска от наступающих красных частей на заключительном этапе Гражданской войны.

Количество генералов и штаб-офицеров (старших офицеров), поддерживавших советскую власть в различные периоды Гражданской войны, составляло от 5 до 10% от их общего количества, значительно уступая числу обер-офицеров (младших офицеров), служивших в РККА. В основном представители военной элиты или сохраняли нейтралитет, или выбирали иной путь, приводивший к трагическому исходу.

Показательна судьба одного из наиболее заслуженных генералов русской армии П. И. Мищенко. Военачальник, получивший всероссийскую известность в годы русско-японской войны, в своей военной карьере командовал войсками Туркестанского военного округа, был атаманом Войска Донского, командующим корпусом в годы Первой мировой войны. Награждался одиннадцатью боевыми орденами, в том числе орденом Святого Георгия 4-й степени и золотой шашкой «За храбрость», имел несколько ранений. Его отец был полковником, участником Кавказской войны.

В апреле 1917 г. генерал от артиллерии П. И. Мищенко, не приняв «демократизации» армии, в возрасте 64 лет был уволен с военной службы. Проживал в родном городе Темир-Хан-Шура в Дагестане (современный Буйнакск). После ухода из региона осенью 1918 г. белых частей, к которым П. И. Мищенко не примкнул, не поддерживал он и новую власть. Вскоре генерал отказался снять погоны и отдать боевые ордена группе пришедших к нему красноармейцев, после чего застрелился.

Служба в рядах красных и белых сталкивала лицом к лицу участников недавних сражений (русско-японской войны и Первой мировой), начальников и подчиненных, товарищей по обучению в военных учебных заведениях и совместной службе. При этом моральный и политический выбор, приводивший офицеров на различные стороны политических баррикад, не всегда зависел только от должностного положения, социального происхождения, уровня образования и общей культуры.

Так, в годы Гражданской войны произошел стремительный взлет военной карьеры в РККА потомственного дворянина, подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка, будущего маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского и родившегося в крестьянской семье поручика артиллерийского дивизиона И.П. Уборевича, ставшего впоследствии командармом 1-го ранга. Оба были назначены командующими красными армиями в 25 и 23 года соответственно. В то же время начавший воевать с самого начала Первой мировой войны потомственный дворянин поручик А.Н. Пепеляев спустя пять лет командовал одной из белых армий в Сибири, став генерал-майором в 27 лет.

Выходцы из недворянских сословий штаб-офицеры русской армии полковники И.И. Вацетис и С.С. Каменев в годы Гражданской войны были главнокомандующими вооруженными силами Советской республики, полковник Б.М. Шапошников и подполковник А.И. Егоров являлись впоследствии начальниками Генерального штаба РККА.

В отличие от Красной армии войсками белого движения в различных регионах страны руководили известные российские военачальники. На юге и северо-западе страны лидерами антибольшевистских сил были генералы царской армии Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель, Н.Н. Юденич, П.П. Скоропадский, А.М. Каледин и П.Н. Краснов, достойно командовавшие фронтами, армиями, корпусами и дивизиями в годы Первой мировой войны. Были выдвинуты на высокие командные должности и стали генералами такие незаурядные военачальники белых армий, как полковники М.Г. Дроздовский, А.П. Кутепов, Я.А. Слащев, штабс-капитан В.Л. Покровский, служившие на фронтах мировой войны на невысоких командных и штабных должностях.

Боевой опыт и полководческие таланты руководителей белых армий, большое количество кадровых офицеров, позволили белому движению, даже при значительном численном превосходстве Красной армии, добиться значительных военных успехов в Гражданской войне в 1918–1919 гг. в южных и центральных областях бывшей империи, стабилизировать впоследствии военно-политическую обстановку в Крыму в 1920 г.

Исход Гражданской войны на востоке страны также зависел от профессиональной подготовленности военного руководства, наличия опыта командования крупными соединениями. Это понимало и большевистское руководство. Так, Восточным фронтом в Красной армии с июля 1918 г. по январь 1920 г. руководили перешедшие в РККА опытные военачальники царской армии, закончившие в разные годы Императорскую Николаевскую военную академию: генерал-майоры А.А. Самойло, П.П. Лебедев, В.А. Ольдерогге, полковник С.С. Каменев. Непродолжительное время (27 дней) командовал фронтом М.В. Фрунзе, у которого не было военного образования, но который обладал незаурядным стратегическим даром и организаторскими способностями. Обязанности начальника штаба Восточного фронта в этот период выполняли полковники Н.В. Соллогуб, В.Е. Гарф, подполковник А.К. Колленковский, также имевшие академическое образование.

Красной армии противостояли войска Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака. Очевидно, что адмирал и высший командный состав белых армий, за редким исключением, не обладали соответствующим боевым и штабным опытом руководства войсковыми соединениями и объединениями. Например, генералы В.М. Молчанов, А.Н. Пепеляев и Б.В. Анненков в годы Первой мировой войны являлись командирами небольших подразделений. Последовавший сокрушительный разгром и стремительное отступление белых войск после достигнутых первоначальных успехов во многом объясняются слабыми навыками военного руководства именно в организации управленческой деятельности и планировании крупномасштабных операций. Примечательно, что Б.В. Анненков, один из наиболее одиозных

организаторов «белого террора», был внуком декабриста И. А. Анненкова, сосланного в Сибирь.

Большинство военных руководителей белого движения являлись выходцами из дворянских, преимущественно офицерских семей, но при этом значительно отличались по происхождению. Например, генерал-лейтенант П. П. Скоропадский, ставший в 1918 г. гетманом Украинской державы, был праправнуком гетмана Украины И. И. Скоропадского, сподвижника Петра I. В то же время генерал-лейтенант А. И. Деникин, являвшийся в 1918–1919 гг. главнокомандующим вооруженными силами Юга России, был сыном отставного майора пограничной стражи из семьи крепостных крестьян Саратовской губернии. Консолидировало борьбу белого движения против новой власти стойкое неприятие большевизма как идеологии и бескомпромиссная борьба с Советами, ведущими, по мнению антибольшевистских сил, Российское государство к гибели.

Рассмотрение вопросов причин и обстоятельств морального и политического выбора российского офицерского корпуса в годы революции и Гражданской войны позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, выбор офицерства, ставшего к началу революции в социальном отношении преимущественно разночинным, не всегда определяла сословная принадлежность. На решение служить новой власти влияли мировоззренческие позиции, большое воздействие оказывала и продуманная кадровая и информационно-пропагандистская работа органов советской власти по привлечению офицеров в РККА в качестве военспецов для защиты Отечества от иностранных интервентов. Сказывались и обстоятельства материального характера (стремление защитить семью от голода и репрессий, сделать военную карьеру и др.).

Моральный и политический выбор большинства офицеров в пользу борьбы против большевиков определил впоследствии преимущественно отрицательное отношение населения Советской России к офицерству как к врагам социализма, «золотопогонникам», пытавшимся под руководством своих военных руководителей, генералов и адмиралов русской армии, добиться реставрации изжившей себя монархии. Во второй половине 30-х годов прошлого столетия недоверие советского руководства ко многим бывшим офицерам царской армии, служившим в РККА, трансформировалось в обвинения в антисоветской деятельности, организации военных заговоров, измене Родине. Все это привело к трагической гибели в годы Большого Террора полководцев Гражданской войны — М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича, А. И. Егорова, И. И. Вацетиса, Е. И. Ковтюха и многих других.

Во-вторых, очевидной была стремительная эволюция мировоззренческих и идеологических взглядов тысяч офицеров в условиях падения самодержавия и отречения императора от престола. Крах самодержавной власти освобождал их от верности воинской присяге. Основная масса генералов и офицеров сначала спокойно восприняла свержение одной из старейших европейских правящих династий. Более того, последовавшее в Октябре отстранение от власти непопулярного к тому моменту Временного правительства также не вызвало в войсках большого протеста. Ситуация стала резко меняться в условиях развернувшейся в стране Гражданской войны и военной интервенции иностранных государств: от морального и политического выбора офицерства зависело будущее государства.

В-третьих, на выборе офицеров во многом сказывалось негативное отношение к центральной власти, усилившееся в условиях военных неудач в Первой мировой войне. Многие офицеры связывали поражения на полях сражений с предательством интересов России в высших эшелонах власти, неготовностью страны к войне, прежде всего — в военно-экономическом отношении.

Снижение морального авторитета монарха и доверия к нему как носителю верховной власти впоследствии усилилось неприятием политики Временного

правительства и деятельности Советов по реформированию прежней армии, ее «демократизации». Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 1 (14) марта 1917 г., предусматривавший введение выборов ротных, батальонных и полковых комитетов и их контроль над оружием, право смещения неугодных командиров, резко подорвал воинскую дисциплину в войсках. Фактическое уравнивание солдат и офицеров в правах и обязанностях, отмена отдания воинского приветствия и уставного обращения к офицерам негативно сказались и на морально-психологическом состоянии офицерства. Совсем скоро российская армия была деморализована и оказалась неспособной к ведению полномасштабных боевых действий в ходе продолжавшейся Первой мировой войны.

Таким образом, неоднозначное отношение к политике центральной власти, радикальные изменения общественно-политических настроений в ходе затянувшейся войны, различное понимание офицерами традиций служения Отечеству и защиты его интересов, нравственного содержания воинского долга и присяги приводили российское офицерство в противоположные военно-политические лагеря. Требовалось добровольно сделать свой моральный и политический выбор: бороться за возвращение дореволюционных порядков или выбирать новые мировоззренческие ориентиры.

Офицеры, сделавшие выбор в пользу советской власти, сумели передать свой опыт и знания новому поколению красных командиров, обеспечить преемственность лучших традиций военной службы. Свидетельством этому являлся достаточно высокий уровень подготовки командного состава РККА к началу Великой Отечественной войны, прежде всего — на полковом, бригадном и дивизионном уровнях. Получив боевой опыт, многие командиры этой категории к концу войны командовали корпусами, армиями и фронтами. Большой эмоциональный подъем среди командно-начальствующего состава Красной армии вызвало и введение в годы войны офицерских званий и погон как общепризнанных знаков различия. Все это укрепляло единоначалие и авторитет командных кадров.

Политический выбор белого офицерства заканчивался, как правило, трагедией эмиграции. Но и там многие из эмигрантов верили в будущее Российского государства, искренне переживали за его судьбу в годы Второй мировой войны, категорически отвергали идеи коллаборационизма, моральной поддержки и сотрудничества с нацистской Германией. Достаточно назвать, например, одного из лидеров белого движения в годы Гражданской войны — генерал-лейтенанта А. И. Деникина, а также вспомнить фамилии сотен русских офицеров, сражавшихся с фашизмом в армиях Франции, Великобритании, США, в рядах Сопротивления.

Очевидно, что героические традиции российского офицерского корпуса достойно продолжает современное поколение защитников Отечества. Многочисленные примеры мужества и отваги военнослужащих и сотрудников силовых структур показывают историческую преемственность воспитания патриотизма и гражданственности, готовности честно и бескорыстно служить своему Отечеству, надежно отстаивать интересы государства.

Литература

1. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М. : Воениздат, 1993.
2. Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М. : Центрполиграф, 2001.
3. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М. : Наука, 1988.
4. Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М. : Вече, 2009.
5. Кляцкин С. М. На защите Октября. М., 1965.
6. Кораблев Ю. М. В. И. Ленин и защита завоеваний Октября. М., 1979.

7. Марченко Г. В. Воспитание патриотизма и гражданственности у молодежи: новые реалии // Сб. науч. статей XIV Междунар. науч. конф. «Тенденции и перспективы современного научного знания». 6–7 апреля 2015 г. М., 2015.
8. Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М. : Издательство социально-экономической литературы, 1960.

References

1. Volkov S.V. *Russian officer case* [Russkii ofitser'skii korpus]. M. : Voenizdat, 1993. 367 p. (rus)
2. Volkov S.V. *Tragedy of the Russian officers* [Tragediya russkogo ofitserstva]. M. : Centrpoligraf, 2001. 543 p. (rus)
3. Kavtaradze A. G. *Military experts on service of the Republic of Soviets in 1917–1920* [Voennye spetsialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov 1917–1920 gg.]. M. : Science [Nauka], 1988. 282 p. (rus)
4. Karpenko S. V. *White generals and red distemper* [Belye generaly i krasnaya smuta]. M. : Veche, 2009. 432 p. (rus)
5. Klyatskin S. M. *On protection of October* [Na zashchite Oktyabrya]. M., 1965. (rus)
6. Korablev Yu. M. *V. I. Lenin and protection of gains of October* [V. I. Lenin i zashchita zavoevanii Oktyabrya]. M., 1979. (rus)
7. Marchenko G. V. *Fostering patriotism and civic consciousness at youth: new realities* [Vospitanie patriotizma i grazhdanstvennosti u molodezhi: novye realii] // Collection of scientific articles of the XIV International scientific conference "Tendencies and Prospects of Modern Scientific Knowledge" [Sb. nauch. statei XIV Mezhdunarodnoi nauch. konferentsii «Tendentsii i perspektivy sovremennogo nauchnogo znaniya»] on April 6–7, 2015. M., 2015. (rus)
8. Uralanis B. Ts. *Wars and population of Europe* [Voyny i narodonaselenie Evropy]. M. : Publishing house of social and economic literature [Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury], 1960. 565 p. (rus)

Динамика образа Октябрьской революции 1917 года в российских учебных текстах: 1918–2017 годы

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-148-153

Бродская Ирина Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры социальных технологий
Кандидат педагогических наук, доцент
Brodskaya-IM@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается изменение образа Октябрьской революции 1917 г. в изданных в России учебных текстах по общественно-историческим дисциплинам. Подчеркивается необходимость исследования источниковедческого потенциала продукции студенческой издательской деятельности и журналов-учебников, издаваемых в период с тридцатых по 40-е годы XX в. Для выявления образа революции используются следующие категории: характер революции; вопрос о собственности, отношение автора к насилию; итоги революции; значение революции. Анализируется роль государства в формировании содержания, языковых, структурно-логических и физических свойств учебного текста в различные исторические эпохи. Раскрывается содержание понятия «нормативность учебного текста» и выделяются ее виды. Результаты анализа учебного текста позволили выделить следующие этапы в развитии образа Октябрьской революции 1917 г. в учебных текстах 1918–2017 гг.: мифотворчество, рационализация, анония, унификация.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

образ революции, методология науки, идеология, истина, учебный текст, нормативность учебного текста, государство

Brodskaya I. M.

Dynamics of the 1917 October Revolution Image in Russian Educational Texts: 1918–2017

Brodskaya Irina Mikhailovna

North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate professor of the Chair of Social Technologies
PhD in Pedagogic, Associate Professor
Brodskaya-IM@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The article considers change of 1917 October Revolution Image in educational texts for socio-historical disciplines that were published in Russia. A necessity to investigate the source studying potential of students' publishing and students' magazines, published in the period between the thirties and forties of the twentieth century is emphasised. The following categories are used to find the image of the revolution: character of the revolution; issue of property, author's attitude to violence; results of the revolution; importance of revolution. The role of the state in formation of content, language, structural, logical and physical properties of the educational text in different historical epochs is analysed. Standardization of educational texts is defined and its types are marked. Results of educational texts analysis allowed us to form out the following stages of the 1917 October Revolution Image in educational texts of 1918–2017 years: mythmaking, rationalisation, anomaly, unification.

KEYWORDS

image of the revolution, methodology of science, ideology, truth, educational text, standardization of educational texts, state

Развитие образования является традиционной темой российской исторической науки (Е. М. Балашов [1], Н. В. Фролова [13], Е. И. Щулепникова [15] и др.). Н. Г. Федорова выделяет устойчивые темы дискуссий, посвященных проблемам учебника по истории. Может ли учебник по истории быть идеологически нейтральным? Является ли он средством формирования историко-аналитических умений? Открытым остается вопрос о роли автора и государства в определении содержания учебника [12, с. 3–4].

Необходимо уточнить, что в данной статье рассматривается учебный текст — любой печатный текст, созданный специально для применения в образовательном процессе, адресованный обучающемуся, и дозволенный (в смысле «не запрещенный») государством. Граница учебного текста определяется целостностью его содержания, т. е. учебным текстом может быть параграф, раздел или весь учебник. Анализ учебного текста как исторического источника представляет интерес в силу того, что учебный текст нормативен, при условии, что общество не переживает период аномии. Если государство выполняет свою управленческую функцию, то оно будет определять требования к содержанию, языковым, структурно-логическим, физическим свойствам (длина строки, цвет бумаги и т. п.) учебного текста и результатам работы с ним.

Нормативность учебного текста может быть императивной — государство допускает только один возможный вариант содержания учебного текста. Нормативность учебного текста может быть и диспозитивной — государство устанавливает и обеспечивает определенный диапазон точек зрения на проблему, реализуемых в учебном тексте. Нормативность определяется самой природой учебного текста. Он несет информацию, воспроизводство которой оценивается государством как одно из условий сохранения общества. Таким образом, результаты анализа динамики содержания учебного текста позволяют более полно оценить «пределы государственной деятельности» (в понимании Вильгельма фон Гумбольдта) в ту или иную эпоху [4].

Крайне значимой темой при анализе учебных текстов по общественно-историческим дисциплинам является аксиологическая составляющая методологии науки [2]. Вероятно, именно она порождает дискуссии о том, является ли учебник средством идеологического воздействия или же поиска истины. Возможно, совокупность учебных текстов транслирует образ человека и мира, характерный для общества, в котором он существует. Или же этот образ является оптимальным для властной элиты и части населения абсолютно ее поддерживающей. Учебный текст несет нам понимание того, что воспринимается как истина в данном обществе. Вместе с этим учебный текст — инструмент, средство, используемое в образовательном процессе, и он, безусловно, носит практическую направленность. Таким образом, учебные тексты обладают императивной или диспозитивной нормативностью, которая определяет возможность их существования в ту или иную эпоху. То есть учебный текст — это голос эпохи, и голос искренний¹.

Если же обращаться к термину «образ» в контексте исторических исследований, то он характерен для работ по историографии, источниковедению. В контексте заявленной темы необходимо отметить диссертационное исследование А. В. Юшниковой [16]. При анализе образа Великой французской революции он выделяет основные сюжеты: причины и неизбежность революции; характер революции; вопрос о крестьянской поземельной собственности; отношение к революционному террору; итоги революции.

¹ Это не исключает того, что учебный текст может быть капиталом (в понимании П. Бурдьё), средством позиционирования автора в социальном пространстве.

Результаты анализа работ по историографии революции 1917 г. позволяют также обнаружить общие сюжеты: Так, например, Н.Д. Ерофеев выделяет четыре темы: хронология, тип революции, причины и предпосылки, результат революции [6]. Тогда при анализе образа революции 1917 г. в учебных текстах по общественно-историческим дисциплинам будем использовать следующие категории: характер революции; вопрос о собственности, отношение автора к насилию; итоги революции; значение революции.

Формируя круг источников учебных текстов, содержащих образ революции, необходимо отметить крайне перспективную и не включенную в исследования по этой проблематике группу — продукцию студенческого учебного книгоиздания. Ее источниковедческий потенциал рассмотрен А.В. Зайцевой: «...Именно в такой издательской самостоятельности находила выражение потребность широких слоев общества в книге и в книжном, культурном общении. ...Книгоиздательство студентов Московского сельскохозяйственного института существовало особенно долго: в 1925 г. оно было реорганизовано в кооперативное студенческое издательство «Новый агроном», а в 1930 г. присоединено к ОГИЗу» [7, с. 3–4].

В подавляющем большинстве случаев выбор той или иной учебной книги, ставшей объектом анализа в этой работе, определяется количеством изданий, которое она смогла выдержать. Исключение составляют учебные тексты, опубликованные до 1932 г. Поскольку в 1923–1932 гг. истории как обязательной учебной дисциплины в школах не существовало, было введено обществоведение, включающее комплекс из разных дисциплин: истории культуры и техники, страноведения, экономики [15]. Но это не привело к тому, что события новейшей истории не представлены в учебниках, равно как к прекращению изданий учебников по истории, издаваемых, прежде всего, для самообразования и высшей школы.

Так, в учебнике Н.А. Рожкова дан следующий образ революции [11, с. 123–125]. *Причина и неизбежность революции*: война, недостаток продовольствия, медлительность властей при решении значимых вопросов, поражение генерала Корнилова. *Характер революции*: переворот, захват власти. *Вопрос о собственности*: не отражен. *Отношение автора к насилию*: упорная борьба с силами контрреволюции. *Итоги революции*: «выделились четыре самостоятельные республики — польская, литовская, латвийская, эстонская», создан Третий коммунистический интернационал. *Значение революции*: война и революция — важнейший переломный момент в истории.

В начале 30-х годов XX в. широкое распространение получает такая форма учебного текста, как журнал-учебник. Рассмотрим образ революции в журнале-учебнике для заочных совпартшкол, комсомольских университетов [8]. Он интересен тем, что содержит инструкции по работе с текстами и различные способы описания одного и того же события (обращение к работам В.И. Ленина и И.В. Сталина, статистический материал, предельно эмоциональные оценки участников исторических событий и самих событий). В нем дан следующий образ революции. *Причина и неизбежность революции*: объективные факторы — угроза экономической катастрофы, процесс большевизации масс, отказ от революции — измена интернационализму и крестьянству; субъективные факторы — воля пролетарской партии. *Характер революции*: пролетарская, социалистическая, довершающая буржуазно-демократические задачи. *Вопрос о собственности*: декрет о земле отменил «помещичью собственность немедленно и без всякого выкупа», но только «борьба с кулаком за хлеб и землю» убедили эксплуатируемое крестьянство, что «выход не в уравнительном землепользовании, а в победе социализма над капитализмом». *Отношение автора к насилию*: упорная и успешная борьба с контрреволюцией. *Итоги революции* цитируются по статье И.В. Сталина «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов». *Значение революции* раскрывается на содержании той же статьи.

Дальнейшую эволюцию учебников по истории рассмотрим по результатам исследования А. Н. Фукса [14]. В двадцатые годы двадцатого века официальным был учебник М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке». Но содержание учебника не включало Октябрьскую революцию 1917 г., он заканчивался 1906 г. [9]. А. Н. Фукс подчеркивает, что с 1937 г. каноническим учебным тестом по истории становится «Краткий курс истории СССР» под редакцией А. В. Шестакова [14].

После 1993 г. динамика образа Октябрьской революции совпадает с развитием российской историографии этого события. Н. Д. Ерофеев приходит к выводу, что переломным моментом явилась научно-практическая конференция «Октябрь 1917 г. и большевистский эксперимент в России», которая проходила 5 ноября 1994 г. в Москве. Она была проведена по решению Администрации Президента России и Правительства Москвы, т. е. по инициативе властей. На этой конференции четко обозначились полюса в оценке событий Октября 1917 г.: отрицание революции, описание ее как абсолютного зла и попытка деидеологизации и деполитизации революции 1917 г. [6].

В России в канун столетия Октябрьской революции существует ожидание разработки концепции революции, не противопоставляющей ее участников, а рассматривающей их, прежде всего, как граждан одной великой страны. Эта концепция оценивается высшим руководством России как одна из основ консолидации российского общества: «...мы должны вести дело к примирению, к сближению, а не к разрыву, не к нагнетанию страстей»¹.

Поиск общей концепции Октябрьской революции неразрывно связан с государственной образовательной политикой. Поскольку учебный текст, в том числе и по истории, несет образ нации, в которую интегрируется школьник или студент. В этом случае учебные тексты направлены на содействие адресату в обнаружении смысла изучаемого события. Содержательные, структурно-логические свойства подобных текстов на теоретическом уровне представлены в работах Г. Г. Граник, Л. П. Добраева и др. [3; 5].

Итак, возможно выделить следующие этапы в развитии образа революции 1917 г. в российских учебных текстах.

Этап мифотворчества. Его содержанием является сакрализация революционных событий. Революция рассматривается с позиций холической парадигмы (в понимании К. Поппера) [10]. В 1937 г. завершается стандартизация описания революции 1917 г. в учебных текстах.

Этапы рационализации. Они осуществляются во времена «хрущевской оттепели» и в начале «перестройки Горбачева». При сохранении общей оценки революции как прогрессивного события, изменится фактологическая составляющая учебных текстов.

Этап аномии. Для девяностых годов двадцатого века характерно существенное уменьшение роли государства в образовании, в том числе и в издании учебников. В учебных текстах содержатся альтернативные трактовки революции 1917 г.

Этап унификации. Начало XXI в. совпало с возвращением государственного контроля в сфере содержания образования, поиском единой позиции по отношению к событиям советской истории, стремлением сформировать содержание исторического образования, усиливающее национальное единство.

Литература

1. Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 годов: становление «нового человека»: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004.

¹ Ежегодная пресс-конференция Президента 23 декабря 2016 г. // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53573> (дата обращения: 17.08.2017).

2. Бродская И. М. Формирование свойств учебного текста с позиций постнеклассической методологии педагогики // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. Вып. 3 (131). С. 60–67.
3. Граник Г. Г. Учитель, учебник и школьники. М. : Знание, 1977.
4. Гумбольдт фон В. О пределах государственной власти. Челябинск : Социум, 2009.
5. Добраев Л. П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания / под ред. В. В. Давыдова. М. : Педагогика, 1982.
6. Ерофеев Н. Д. Современная отечественная историография русской революции 1917 года // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 92–109.
7. Зайцева А. В. Студенческое учебное книгоиздание в Москве (вторая половина XIX — начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2016. С. 3–4.
8. Петров Г. Журнал-учебник для заочных совпартшкол, комсомольских университетов и для самообразования. Ин-т массового заоч. обучения партактива при ЦК ВКП(б); Вып. 6. М. : Парт. изд-во, 1932.
9. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. 4-е изд., посмертное. М. : Партиздат, 1933.
10. Поппер К. Р. Нищета историцизма. М. : Прогресс. VIA, 1993.
11. Рожков Н. А. Учебник истории всеобщей и русской: Курс сист. для втор. ступ. единой труд. шк. и для самообразования. М. : Гос. изд., 1921–1922.
12. Федорова Н. Г. Школьный учебник по истории средних веков в дискурсивном пространстве российского общества (вторая четверть XIX — начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. С. 3–4.
13. Фролова Н. В. Государственная политика в области историко-обществоведческого образования в школах севера западной Сибири в 1920–1930-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2016. 23 с.
14. Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. — 1930-е гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2011.
15. Шулепникова Е. И. Почему в 1920-е годы в школах не преподавали историю // Преподавание истории в школе. Научно-теоретический и методический журнал. Статьи за 2014 год // Сайт журнала «Преподавание истории в школе» [Электронный ресурс]. URL: <http://pish.ru/blog/archives/category/articles/articles2014> (дата обращения: 17.08.2017).
16. Юшников А. В. Образ Великой французской революции в русской периодике и публицистике конца 1850-х — начала 1880-х годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013.

References

1. Balashov E. M. *School in the Russian society of 1917–1927: formation of “the new person”* [Shkola v rossiiskom obshchestve 1917–1927 godov: stanovlenie «novogo cheloveka»]: Dissertation abstract. SPb., 2004. 36 p. (rus)
2. Brodskaya I. M. *Formation of properties of the educational text from positions of post-nonclassical methodology of pedagogics* [Formirovanie svoistv uchebnogo teksta s pozitsii postneklasicheskoi metodologii pedagogiki] // Scientific and technical sheets SPbSPU. Humanitarian and social sciences [Nauchno-tekhnicheskie ведомosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki]. 2011. Release 3 (131). P. 60–67. (rus)
3. Granik G. G. *Teacher, textbook and pupils* [Uchitel', uchebnik i shkol'niki]. M. : Knowledge [Znanie], 1977. 64 p. (rus)
4. Humboldt W. von. *On the Limits of State Action* [O predelakh gosudarstvennoi vlasti]. Chelyabinsk : Society [Sotsium], 2009. 285 p. (rus)
5. Dobraev L. P. *Semantic structure of the educational text and a problem of its understanding* [Smyslovaya struktura uchebnogo teksta i problemy ego ponimaniya] / Under the editorship of V. V. Davydov. M. : Pedagogics, 1982. 176 p. (rus)
6. Erofeev N. D. *Modern domestic historiography of the Russian revolution of 1917* [Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya russkoi revolyutsii 1917 goda] // Modern and contemporary history [Novaya i noveishaya istoriya]. 2009. N 2. P. 92–109. (rus)
7. Zaytseva A. V. *Student's educational book publishing in Moscow (the second half of XIX — the beginning of the 20th century)* [Studencheskoe uchebnoe knigoizdanie v Moskve (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)]: dissertation abstract. Moscow, 2016. 27 p. P. 3–4. (rus)
8. Petrov G. *The journal textbook for the correspondence Soviet party schools, Komsomol universities and for self-education* [Zhurnal-uchebnik dlya zaochnykh sovpartshkol, komsomol'skikh

- universitetov i dlya samoobrazovaniya]. Institute of mass correspondence training of the active of Party — Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) [In-t massovogo zaoch. obucheniya partakтива pri TsK VKP(b)]; Issue 6. M. : Party publishing house [Part. izd-vo], 1932. 94 p. (rus)
9. Pokrovsky M. N. *The Russian history in the most compressed sketch* [Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke] / M. N. Pokrovsky. 4th edition., posthumous. M. : Partizdat, 1933. 514 p.
 10. Popper K. R. *The Poverty of Historicism* [Nishcheta istoritsizma]. M. : Progress. VIA, 1993. 185 p. (rus)
 11. Rozhkov N. A. *Textbook of history general and Russian* [Uchebnik istorii vseobshchei i russkoi: Kurs sist. dlya vtor. stup. edinoi trud. shk. i dlya samoobrazovaniya] / N. Rozhkov, prof. of Petrograd University, Pedagogic Institute of N. A. Nekrasov and Pedagogic Institute of A. I. Herzen. M. : State publishing House [Gos. izd.], 1921–1922. 125 p. (rus)
 12. Fedorova N. G. *The school textbook on history of the Middle Ages in discourse space of the Russian society (the second quarter the XIX beginning of the 20th centuries)* [Shkol'nyi uchebnik po istorii srednikh vekov v diskursivnom prostranstve rossiiskogo obshchestva (vtoraya chetvert' XIX-nachalo XX vv.)]: dissertation abstract. Kazan, 2008. 28 p. P. 3–4. (rus)
 13. Frolova N. V. *State policy in the field of a historical and social education at schools of the North of Western Siberia in the 1920–1930th years* [Gosudarstvennaya politika v oblasti istoriko-obshchestvovedcheskogo obrazovaniya v shkolakh severa zapadnoi Sibiri v 1920–1930-e gody]: dissertation abstract. Surgut, 2016. 23 p. (rus)
 14. Fuks A. N. *School textbooks on national history as a historiographic phenomenon (the end of the 17th century — the 1930th)* [Shkol'nye uchebniki po otechestvennoi istorii kak istoriograficheskii fenomen (konets XVII v. — 1930-e gg.)]: dissertation abstract. Moscow, 2011. 54 p. (rus)
 15. Shchulepnikova E. I. *Why in the 1920th years at schools didn't teach history* [Pochemu v 1920-e gody v shkolakh ne prepodavali istoriyu] // Teaching history at school. Scientific-theoretical and methodical journal [Prepodavanie istorii v shkole. Nauchno-teoreticheskii i metodicheskii zhurnal]. Articles for 2014 [Electronic resource]. URL:<http://pish.ru/blog/archives/category/articles/articles2014> (date of the address: 8/17/2017). (rus)
 16. Yushnikov A. V. *An image of the Great French revolution in the Russian periodical press and journalism of the end of the 1850th — the beginning of the 1880th years* [Obraz Velikoi Frantsuzskoi revolyutsii v russkoi periodike i publitsistike kontsa 1850-kh — nachala 1880-kh godov]: dissertation abstract. Tomsk, 2013. 28 p. (rus)

Стратегирование — новая область профессиональных знаний

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-154-159

Алимурадов Мурад Камилович

Московская школа экономики МГУ им. М. В. Ломоносова
Доцент кафедры финансовой стратегии, заместитель заведующего кафедрой
Кандидат экономических наук
alimuradov@mse-msu.ru

Власюк Людмила Ивановна

Московская школа экономики МГУ им. М. В. Ломоносова
Доцент кафедры финансовой стратегии
Кандидат экономических наук, доцент
lvasyuk@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье обосновывается необходимость выделения стратегирования как самостоятельной области экономических знаний в профессиональной сфере деятельности. В России практически отсутствует полноценное восприятие профессии «стратег», хотя в ведущих мировых университетах широко реализуется подход к стратегии как к самостоятельной профессии, которой можно научиться. В современных российских реалиях экономические агенты всех уровней представляют документы стратегического характера в той или иной форме, но занимаются их разработкой, как правило, люди, не имеющие специальных знаний и навыков теории и практики стратегирования. Созданная в 2007 году в Московской школе экономики МГУ им. М. В. Ломоносова кафедра финансовой стратегии является единственной в России, готовящей подобных профессионалов. Кафедра уже 10 лет осуществляет комплексное обучение специалистов в области теории стратегии и практики стратегирования по методологии профессора В. Л. Квинта. В статье представлена суть этой методологии и процессы развития данной специальности в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

стратегия, стратегирование, стратегические документы, кафедра финансовой стратегии, методология В. Л. Квинта, прогнозирование, планирование, регион, отрасль

Alimuradov M. K., Vlasjuk L. I.

Strategizing as a New Field of Professional Knowledge

Alimuradov Murad Kamilovich

Moscow School of Economics of Lomonosov Moscow State University (Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Financial Strategy, Deputy Head of the Chair
PhD in Economics
alimuradov@mse-msu.ru

Vlasjuk Lyudmila Ivanovna

Moscow School of Economics of Lomonosov Moscow State University (Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Financial Strategy
PhD in Economics, Associate Professor
lvasyuk@mail.ru

ABSTRACT

The article proves the necessity of singling out the strategy as an independent field of economic knowledge in the professional sphere of activity. In Russia, there is practically no full-fledged perception of the “strategist” profession, although in the world’s leading universities, the approach to strategy as an independent profession that can be learned is widely implemented.

In modern Russian realities, economic agents of all levels present strategic documents in one form or another, but they are developed, as a rule, by people who do not have special knowledge and skills of theory and practice of strategic planning. Created in 2007 in the Moscow School of Economics, Moscow State University, M.V. Lomonosov Department of Financial Strategy is the only one in Russia that prepare such a professionals. For 10 years the department has been carrying out comprehensive training of specialists in the field of theory of strategy and practice of strategic planning, according to the methodology of Professor V.L. Quint. The essence of this methodology and the development processes of this specialty in Russia

KEYWORDS

strategy, strategizing, strategic documents, financial strategy department, methodology of V.L. Kvint, forecasting, planning, region, industry

Динамичное развитие современных экономических отношений создает необходимость формирования большого количества профессиональных навыков. Ряд теорий и прикладных исследований со временем теряют свою актуальность — меняются технологические уклады, происходит смена экономических парадигм. Специалисты в различных областях экономических знаний должны регулярно изучать новые теории и модели, следовать современным мировым тенденциям. Усложнение экономических взаимоотношений, усиление процессов глобализации, сокращение продолжительности экономических циклов ведут к необходимости формирования долгосрочных устойчивых концепций, позволяющих хозяйствующим субъектам определять вектор развития, обеспечивающий оптимизацию использования ресурсов, с учетом имеющегося потенциала и изменчивости внешней среды.

Реализация подобного подхода требует использования концепций стратегирования и стратегического управления, обеспечивающих участников экономического процесса необходимым набором формализованных правил и процедур разработки стратегических документов, развития навыков стратегического мышления и умения последовательно и уверенно воплощать принятые стратегические документы. Однако все это становится возможным и приносит действительные положительные результаты исключительно тогда, когда при разработке стратегии используется подход, позволяющий обоснованно определять приоритеты развития объекта стратегирования, формулировать цели и задачи непосредственным исполнителям. Для успешной реализации подобной концепции необходимо сформировать набор профессиональных компетенций и навыков, овладение которыми, совместно с развитием стратегического мышления, позволит сделать процесс принятия стратегических решений обоснованным, а реализацию стратегии устойчивой и успешной.

В современных экономических реалиях область стратегирования становится отдельной профессиональной сферой деятельности, требующей полного набора последовательных этапов формирования профессиональных знаний, навыков и компетенций. Таким образом, необходимо создать все условия для того, чтобы лица, занимающиеся процессами разработки и реализации стратегических документов, обладали необходимыми профессиональными навыками. Стратегирование становится отдельным самостоятельным блоком экономических знаний, а стратегия — новой профессией. Подобный подход уже достаточно давно и широко реализуется в практике ведущих мировых университетов, однако в России до сих пор практически отсутствует полноценное восприятие стратегии как самостоятельной профессии.

Все это особенно удивительно на том фоне, что в последнее время в нашей стране практически не осталось хозяйствующих субъектов, не представивших документы стратегического характера в той или иной форме. И именно их изучение позволяет однозначно сделать вывод о том, что в стране отсутствует единое понимание сущности процессов стратегирования, а специалисты, занимающиеся

разработкой подобных документов, являются профессионалами в любой другой сфере, кроме теории и практики стратегирования. Следует отметить, что в России за последние десять лет опубликовано большое количество стратегических документов, особенно это касается региональных и отраслевых стратегий. Это демонстрирует осознание властями острой необходимости формирования долгосрочных концепций, оптимизации использования имеющихся ресурсов, создания условий экономического и социального развития, повышения уровня конкурентоспособности регионов и отраслей. Однако фактически все принятые стратегии уже через несколько лет претерпевают кардинальные изменения, что приводит к невозможности их последовательной реализации, а ресурсы, направляемые на достижение целей, заявленных в предыдущих вариантах, оказываются утраченными безвозвратно. Для регионов и отраслей, испытывающих жесткие ресурсные ограничения, подобные действия могут оказаться фатальными.

Существует и другая группа стратегий — корпоративные стратегии. Следует понимать, что для любой корпорации стратегия — это документ, определяющий ее видение относительно формирования конкурентных позиций, позволяющих добиться успеха, превосходящего отраслевые показатели. Таким образом, корпоративные стратегии являются практически полностью закрытыми документами и изучение их эффективности — достаточно сложная задача. Представление о качестве подобных документов можно сформировать только в результате анализа процессов функционирования компаний, последовательности их действий на рынках, причин усиления конкурентных позиций (случайное изменение факторов внешней среды или намеренные действия самой корпорации — вывод нового товара, выход на новые рынки и т. п.). Именно по этим причинам сформировать мнение о качестве корпоративных стратегий в России достаточно сложно. В большинстве случаев анализ процессов функционирования российских корпораций демонстрирует отсутствие полноценных стратегических документов, поскольку их действия в основном непоследовательны, устойчивые положительные результаты наблюдаются крайне редко и носят случайный эпизодический характер, в большинстве случаев формируются под влиянием благоприятной внешней конъюнктуры.

Очевидно, что как на уровне отраслей и регионов, так и на уровне корпораций наблюдается явная нехватка профессионалов в области процессов разработки и реализации стратегии. Причин тому множество:

- отсутствие единой общепринятой методологии разработки региональных, отраслевых и корпоративных стратегий;
- отсутствие единой терминологии, используемой в процессах стратегирования;
- искусственная подмена процессов стратегирования процессами долгосрочного планирования и прогнозирования;
- неразвитость нормативно-правовой базы, регулирующей процессы стратегирования;
- острая нехватка программ профессиональной подготовки специалистов в области стратегирования.

Ряд этих недостатков настолько очевиден, что в стране наблюдаются определенные подвижки в решении этих проблем. Так, в 2014 году был принят Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹, определивший основные требования к системе стратегического планирования социально-экономического развития на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Предшествующим был закон № 115-ФЗ от 20 июля 1995 года «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ // Система ГАРАНТ.

Федерации»¹. Уже по одним названиям федеральных законов очевидно, что наблюдается явный положительный процесс трансформации принимаемых подходов — от прогнозно-программных к стратегическому. Одна лишь подобная смена формулировок свидетельствует о совершенствовании применяемого методологического подхода и осознании прогрессивности и перспективности реализации принципов стратегирования.

В ряде высших учебных заведений России в процессе обучения различным экономическим и управленческим специальностям уже много лет изучаются отдельные дисциплины стратегической направленности — «Стратегический менеджмент», «Стратегический маркетинг», «Планирование и прогнозирование», «Стратегический управленческий учет» и т. п. Помимо этого готовятся специалисты по кафедрам, формирующим отдельные, выборочные компетенции в области долгосрочного планирования и стратегирования (например, кафедра макроэкономической политики и стратегического управления в МГУ им. М. В. Ломоносова, кафедра стратегического маркетинга в НИУ ВШЭ, кафедра стратегического управления ТЭК в РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина). Ни одно из подобных подразделений вузов не готовит специалистов, профессиональной деятельностью которых является непосредственно разработка и реализация стратегий.

Именно осознание необходимости выделения стратегии в область самостоятельной профессиональной деятельности подвигло руководство Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Московской школы экономики создать в 2007 году на этом факультете кафедру финансовой стратегии, вот уже 10 лет осуществляющую комплексное обучение специалистов в области теории стратегии и практики стратегирования. До сих пор это единственная в России кафедра, выпускающая специалистов в области стратегии, обучающихся по уникальной методологии, разработанной лидером науки стратегирования профессором Владимиром Квинтом² и созданных на ее основе учебных программ и методик. Методология стратегирования изучается по его авторским монографиям, учебникам и статьям, опубликованным как на русском, так и на иностранных языках в ведущих мировых издательствах научной экономической литературы [1; 2; 4; 5]. Все остальные дисциплины, преподаваемые студентам, согласованы с данной методологией, что позволяет формировать у выпускников целостную концепцию стратегирования, позволяющую рассматривать все факторы, формирующие будущий образ объекта стратегирования, в их взаимосвязи. Важно подчеркнуть, что преподавание ведется с использованием учебников, подготовленных заведующим кафедрой профессором В. Л. Квинтом и широко используемых в учебных процессах университетов и колледжей многих стран мира: *Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications* (издательство Routledge, 2016 г.) [4] и *The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics* (издательство Routledge, 2009 г.) [5], переизданного в России на русском языке в качестве учебника под грифом УМО. За десять лет кафедрой подготовлены более 350 специалистов в области стратегирования. Их профессиональная деятельность связана непосредственно с процессами разработки и реализации стратегий на различных уровнях — национальном, региональном, отраслевом, корпоративном.

Суть концепции, лежащей в основе методологии, применяемой при подготовке данных специалистов, заключается в четком разграничении процессов прогнозирования, стратегирования и планирования. Подобное разделение позволило вы-

¹ О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации: Федеральный закон от 20.07.1995 № 115-ФЗ // Система ГАРАНТ.

² Владимир Львович Квинт — доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, член Бреттон-Вудского комитета, Иностранный член РАН.

делить стратегирование в отдельное направление долгосрочной деятельности, сформировать ее основные элементы и последовательность этапов реализации. Согласно методологии академика В. Л. Квинта, основой любого стратегического процесса является выявление ценностей и интересов объекта стратегирования, позволяющее сформулировать обоснованные стратегические приоритеты развития, а не «набор добрых пожеланий»¹ разработчиков стратегии. Следующий необходимый этап — выявление имеющихся (либо наличие потенциала формирования) конкурентных преимуществ, позволяющих реализовать выбранные стратегические приоритеты. Все остальные документы стратегии должны быть жестко согласованы с данными приоритетами и обеспечивать их эффективное достижение с оптимальным использованием имеющихся ограниченных ресурсов.

Успех реализации программы подготовки специалистов в области стратегии, реализуемой в МГУ, вызвал большой интерес в других вузах России и за рубежом [3]. Наибольшую заинтересованность в данной программе проявили в Санкт-Петербурге — городе, разработавшем и уже в течение ряда лет последовательно реализующем стратегию экономического и социального развития до 2030 года. Так, по данной методологии и в соответствии с реализуемой в МГУ программой, в Северо-Западном институте РАНХиГС при Президенте РФ была создана кафедра стратегии, территориального развития и качества жизни.

В Словении создана и с 2017 года реализуется уникальная совместная магистерская программа МГУ им. М. В. Ломоносова и университета города Коппер по подготовке специалистов в области стратегии. Программа обучения осуществляется на английском языке и полностью идентична программе, реализуемой в Московской школе экономики МГУ, она предполагает, что первый год обучения проходит в Словении, а второй — в МГУ им. М. В. Ломоносова, в результате чего выпускники получают два диплома.

Важной вехой в развитии стратегии как области профессиональной деятельности стало объединение выпускников кафедры финансовой стратегии в ассоциацию профессионалов — «Гильдию стратегов». Подобное объединение позволило актуализировать знания и навыки выпускников, повысило уровень обмена профессиональным опытом, обеспечило доступ к опыту практической разработки и реализации стратегии в различных сферах.

В МГУ им. М. В. Ломоносова процессу подготовки специалистов и интеграции стратегической науки в экономические отношения уделяется большое внимание. В рамках Института математических исследований сложных систем, руководителем которого является ректор МГУ академик В. А. Садовничий, в 2010 году был создан Центр стратегических исследований. Этот центр объединил ведущих специалистов в области теории стратегии и практики стратегирования. Основными задачами данного Центра является анализ существующих и выработка рекомендаций по совершенствованию и разработке новых стратегических документов на национальном, региональном, отраслевом и корпоративном уровнях.

Таким образом, комплекс мероприятий и решений по развитию профессионального образования в области стратегии создал положительную основу для выделения этой сферы в область самостоятельной профессиональной деятельности, обеспечив все необходимые базовые условия для появления новой для России профессии — «стратег». Этой профессии можно научиться, она уже сегодня является крайне востребованной и обладает серьезными перспективами развития. Предстоит большая работа по популяризации данной профессии, развитию профессиональных компетенций, внедрению программ подготовки в крупнейших высших учебных заведениях

¹ Владимир Квint: у России нет четкой стратегии развития – отсюда наши беды // Аргументы и факты. № 41. 07.10.2015.

страны как на уровнях бакалавриата и магистратуры, так и на уровне подготовки профессиональных научных кадров. Последняя задача требует формирования в вузах диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций по новой специальности «Экономическая стратегия».

Литература

1. Квинт В. Л. К истокам теории стратегии. 200-летие теоретической работы генерала Жомини / В. Л. Квинт (предисловие, комментарии). СПб. : ИПЦ СЗИУ — фил. РАНХиГС, 2017. 52 с.: илл. (Сер. «Библиотека стратега»).
2. Квинт В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М. : Бюджет, 2012. 628 с.
3. Шамахов В. А., Косов Ю. В. Обращение к истокам теории стратегии // Управленческое консультирование. 2017. № 9. С. 204–211.
4. Kvint V. L. *Strategy for the Global Market Theory and Practical Applications*. Routledge. New York. 2016. 520 p.
5. Kvint V. L. *The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics*. Routledge. New York. 2009. 454 p.

References

1. Kvint V. L. *To sources of the theory of strategy. 200 years of theoretical work of the general of Zhomini* [K istokam teorii strategii. 200-letie teoreticheskoi raboty generala Zhomini] / V. L. Kvint (preface, comments). SPb. : Publishing Center of NWIM — branch of RANEPa [IPTs SZIU — fil. RANKhiGS], 2017. 52 p.: silt. (Series "Library of the Strategist"). (rus)
2. Kvint V. L. *Strategic management and economy on global emerging market* [Strategicheskoe upravlenie i ekonomika na global'nom formiruyushchetsya rynke]. M. : Budget, 2012. 628 p. (rus)
3. Shamakhov V. A., Kosov Yu. V. *Appeal to Sources of the Theory of Strategy* [Obrashchenie k istokam teorii strategii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]. 2017. No. 9. P. 204–211. (rus)
4. Kvint V. L. *Strategy for the Global Market Theory and Practical Applications*. Routledge. New York. 2016. 520 p.
5. Kvint V. L. *The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics*. Routledge. New York. 2009. 454 p.

Административная политика и административные реформы*

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-160-169

Wollmann H., Cullmann S.

Administrative Policy and Administrative Reforms

1. Административные реформы как инструмент административной политики

1.1. Процесс принятия политических решений в рамках административной политики

Как правило, административные реформы являются результатом целенаправленных политических вмешательств в институциональную структуру¹. Соответственно, они трактуются как специфический вариант определения политики, а именно институциональной политики (institutional policy)², который может анализироваться с помощью инструментов исследования политики как процесса принятия решений (policy), с одной стороны, а с другой стороны, отличается от «нормальных» субстанциальных политик конкретной направленности по сути.

В первую очередь, принципиально они вписываются в канон «обычного» процесса принятия решений (policy) в той степени, в которой они состоят, как и любая другая политическая сфера, из политических намерений и предполагаемых управленческих воздействий, субъектов и объектов вмешательства, мер воздействия и видов деятельности, а также определенных результатов и эффектов [14, с. 329]. Институциональная политика, понимаемая, скорее в более узком смысле, как целенаправленное формирование структуры и образцов поведения внутри политико-

* Представленный материал является частью учебника «Административное управление и административные реформы в Европе. Введение в сравнительную административную науку» (Verwaltung und Verwaltungsreformen in Europa. Einführung in die vergleichende Verwaltungswissenschaft. Wiesbaden: Verlag Springer VS, 2013. P. 43–61). Пер. с нем. Р. М. Вульфович.

Вольман Хельмут. До выхода в отставку в 2001 г. профессор факультета политологии университета Гумбольдта (Берлин), автор большого количества работ, посвященных теории и практике административных реформ в Германии и других европейских странах, участвовал как эксперт в подготовке и проведении реформ в ряде стран, в том числе в России. В настоящее время продолжает активную лекторскую и исследовательскую работу, публикует статьи, монографии, учебники по проблемам государственного и муниципального управления. Профессор Вольман является членом международного редакционного совета журнала «Управленческое консультирование».

Кулман Сабина. Известный специалист по вопросам государственного и муниципального управления, автор большого количества работ по проблемам административной реформы, оценки деятельности административного аппарата. С 2013 г. заведует кафедрой политологии, административной деятельности и организационной теории Потсдамского университета (ФРГ). С 2017 г. является заместителем председателя Национального совета по контролю над соблюдением норм в деятельности административного аппарата Федерального правительства. С 2011 г. является соучредителем журнала DMS (der moderne staat — современное государство)

¹ Это не исключает того, что их результаты и воздействия также могут основываться на непредусмотренных эффектах проводимых реформ или «эмерджентных» процессах (прим. автора).

² Английские варианты терминов везде приводятся авторами (прим. переводчика).

административной системы, включает в себя принятие осознанных и понятных решений в отношении создания новых вариантов, соответствующих реальным политическим процессам, или изменения уже существующих [4, с. 19]. При таком понимании административная политика должна рассматриваться как попытка политических и административных акторов изменить институциональный порядок, в рамках которого они принимают и реализуют решения (polity). В этом варианте она может характеризоваться как процесс принятия политических решений в конкретной политической системе (police — polity) [32, с. 199; 29, с. 180]. Административная политика, понимаемая как процесс принятия политических решений, может относиться ко всему политическому циклу, что позволяет анализировать ее различные фазы, начиная с инициирования решения, включая формулировку программ и их проведение, вплоть до измерения ее воздействий и отмены принятых решений или их переформулирования. При этом существующая лишь «слабая связь» между реформаторской риторикой (talk), программами действий (decision) и действительными изменениями (action) представляет собой только функциональную и рациональную стратегию организации реформы [15; 6].

Административные реформы могут отличаться различными характеристиками и целевыми ориентациями в зависимости от того, направлены ли они на изменения элементов или уровней в духе проведения «внешней институциональной политики», на модернизацию внутреннего устройства административной системы («внутренняя институциональная политика») или на решение проблем участия граждан в административных процессах («партиципативные реформы»). В соответствии с этим существенно меняются взаимоотношения участвующих в них акторов, политические арены и производимые ими реформирующие эффекты.

1.2. Типы административных реформ

При понимании административных реформ как проявления институциональной политики следует различать внешние, т.е. направленные вовне реформы, и реформы внутренние. В зависимости от того, какие элементы институционального устройства входят в программу реформы и какие сферы регулирования конкретного органа или учреждения подлежат предполагаемым изменениям, реформа включается в ту или иную категорию. Административные реформы, направленные на изменение внешних связей (*институциональная политика, ориентированная вовне*)¹, нацелены на изменение функциональных и/или территориальных границ компетенции, регулирование членства и связей между организациями различных уровней или секторов таким образом, что в процесс институциональной политики постоянно также вовлекаются внешние акторы. Их целью является изменение институциональной структуры в целом [4, с. 20] и определение новых границ в этой структуре. *Внутренние реформы* занимают, наоборот, перераспределением задач и ресурсов внутри структурных элементов административной системы и между этими элементами, а также формированием новых правил принятия решений и осуществления взаимодействия между ними². В тех случаях, когда изменяются внешние связи административной системы,

¹ Везде курсив автора.

² «Внутренняя институциональная политика» не равнозначна микрополитике [см. 2, с. 103; 4, с. 20], хотя между этими двумя понятиями существует множество пересечений. Под микрополитикой подразумеваются внутриорганизационные стратегические процессы возникновения конфликтов и достижения консенсуса [2], а также «эмерджентное» организационное развитие [4]. Введенное в нашем тексте понятие «внутренней институциональной политики» относится к внутренним процессам, ориентированным на мероприятия по институциональному реформированию в организациях (в отличие от институциональных реформ, направленных вовне), которые включают в себя микрополитические процессы и эмерджентное организационное развитие, но не сводятся только к нему (прим. автора).

можно ожидать гораздо более сильного сопротивления и попыток блокировать процесс, чем это происходит в ситуации проведения реформирующих мероприятий, затрагивающих только внутренние связи в административных органах [4, с. 23]. *Внешние административные реформы* могут быть дифференцированы на три группы:

- (1) В первую очередь можно назвать институциональные изменения в многоуровневых системах государственного управления (*вертикальные структурные административные реформы*). К ним могут быть отнесены реформы, целью которых является децентрализация / рецентрализация, функциональные реформы, регионализация, деволюция вплоть до «квази-федерализации». Здесь речь идет об изменении профиля задач и сферы компетенции в рамках взаимоотношений центрального уровня государственной власти с региональными / местными территориальными корпорациями¹. Общим фоном интересующих нас в данном случае административных и функциональных изменений могут быть, при этом, фундаментальные конституционные и политические реформы, например, в варианте «квази-федерализации» (Италия) или проведения политики деволюции (Великобритания).
- (2) Во-вторых, следует рассматривать реформы, направленные на изменение территориального деления или «территориальную консолидацию» в субнациональном пространстве и на связанные с этим изменения правил координации и кооперации между различными территориальными корпорациями одного уровня (*горизонтальные административные реформы внутренней структуры / территориальная консолидация*). В данном случае речь идет обо всех вариантах институционализации, начиная с административной кооперации и вплоть до слияния территориальных единиц.
- (3) В-третьих, нужно обратить внимание на реформы, которые затрагивают различные сектора, особенно, публичный, частный и общественный (*внутрисекторальные реформы*) и охватывают приватизацию, аутсорсинг, публично-частное партнерство, а также все варианты развития в противоположном направлении: возвращение функций государству или муниципалитетам. В ряде случаев эти реформы также определяются как «горизонтальная децентрализация» [сравн. 1].

Внутренние административные реформы разворачиваются только в одном из элементов системы, а изменения затрагивают в основном три сферы: организационную структуру, инструменты осуществления основных процессов и управления, а также персонал. Особое значение имеет во всех трех сферах с 1980-х годов признанная в мире модель Нового публичного менеджмента (далее НПМ), реализация которой в дальнейшем будет рассмотрена особо. При этом необходимо отметить, что внутренняя модернизация административной системы происходила и путем использования скорее «традиционных» мероприятий, опиравшихся на дискурс о реформировании, происходивший до появления модели НПМ [сравн. различных моделей см. 16; 3; 18, с. 199]. В упрощенном виде типология административных реформ может быть представлена в следующем виде (рис. 1).

С момента появления НПМ в 1980-е годы во многих работах рассматривалось распространение этого концепта, его применение и, частично, его воздействия [в числе прочих см.: 16; 3; 18, с. 199; 13; 17; 23; 26; 28; 36; 24; 7; 34]. В отличие от концепций постоянно расширяющегося социального государства и «классического бюрократического администрирования», движение за реформы по типу НПМ, так же как первопроходцы в этом направлении и международные образцы, прежде всего в англосаксонских государствах (Великобритания, Новая Зеландия), преследовали две основные цели. Во-первых, речь шла о том, чтобы по-новому опре-

¹ Территориальные корпорации являются юридическими лицами, обладают на конкретной территории публичными правами, которые этой территорией строго ограничиваются. На местном уровне власти они представлены местными сообществами (общинами) различного уровня, создаваемыми непосредственно жителями (прим. переводчика).

Рис. 1. Типология административных реформ (выполнен автором)

делить сферу деятельности государства (ограничить ее), усилить рыночные механизмы, стимулировать конкуренцию и укрепить позиции гражданина как клиента в сфере государственных услуг. Это направление главного удара, с аналитической точки зрения, может быть определено как макроизмерение в рамках модели НПМ [33, с. 79]. С другой стороны, в ходе процесса внедрения экономических стимулов, применения производственно-экономических ноу-хау, демонтажа иерархических структур и четкого разделения функций и ролей между политикой и административной деятельностью должны были быть перестроены многие элементы административных систем: внутренняя структура, принципы организации и характеристики персонала публичного управления в соответствии с образом «государства-менеджера» (managerial state), вдохновленным, прежде всего, микроэкономическими категориями. Этот комплекс мероприятий может быть определен как внутрискруктурное микроизмерение в рамках НПМ (там же). В обобщенном виде данная модернизация может быть представлена в следующем виде (рис. 2).

Поразительное доминирование НПМ в международном контексте привело к интерпретации движения в этом направлении как всеохватного процесса конвергенции административных систем, являющегося фазой развития, следующей за государством всеобщего благосостояния и ведущей через неолиберальное и менеджеральное государство к государству, «гарантирующему» и «активирующему» [25; 11], однако в то же время эмпирические исследования административных процессов противопоставляют этому, скорее нормативно обоснованному тезису, различные факты, демонстрирующие отклонения от данной траектории в разных странах Европы и за ее пределами.

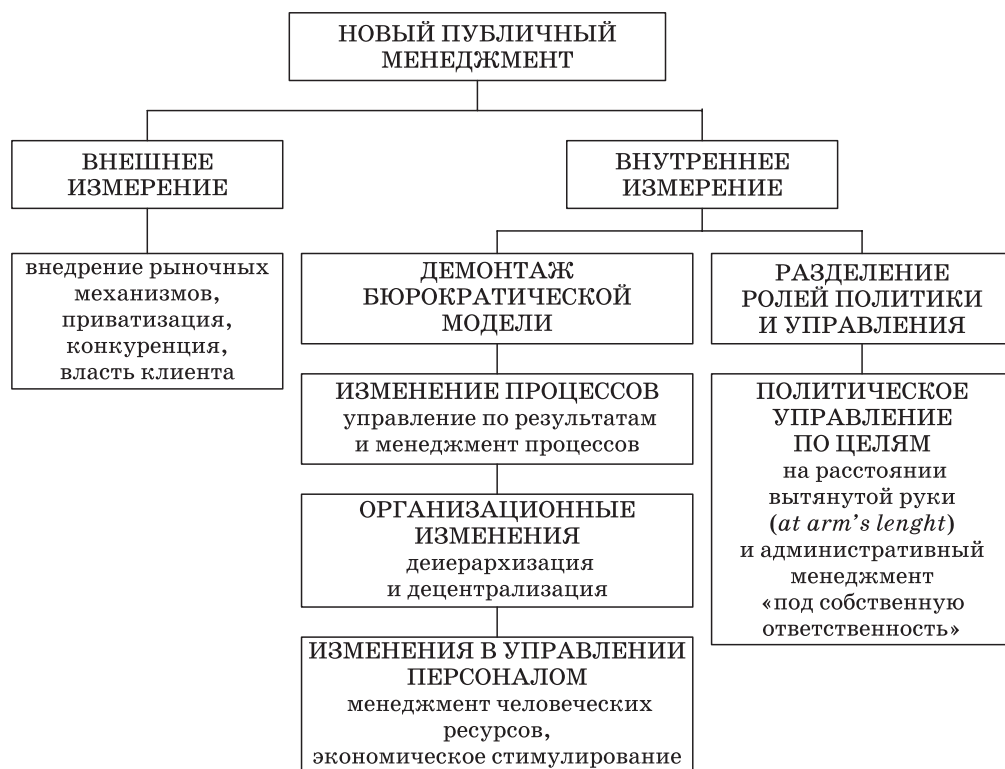

Рис. 2. Новый публичный менеджмент как «идеальный образ» реформы [18, с. 45]

1.3. Воздействия административной политики

Вопрос о реализации административной политики и ее конкретных воздействиях (effects) возникает, прежде всего, когда дискурс о реформе (talk), программа реформы (decision) и реальные действия акторов (action) лишь слабо связаны друг с другом или даже явно расходятся. Практическая административная политика, так же как политические исследования, посвященные этой проблеме, до настоящего времени уделяла (слишком) мало внимания этому вопросу, что связано с концептуальными и методическими проблемами, а также с вопросами политической рациональности и (не)желательности исследований этих воздействий. С одной стороны, программы политико-административных реформ связаны со специфическими управленческими проблемами, среди прочего, с часто встречающимся единством субъекта и объекта вмешательства, с тем фактом, что целью вмешательства является, прежде всего, политико-административная система, а также со значимостью определяющих идей и дискурсов по поводу реформы, которые часто (с политической точки зрения) имеют большее значение, чем проведение конкретных мероприятий [сравн. 14, с. 330; 4, с. 22]. Следствием всего этого для анализа воздействия административных реформ является то, что он, в отличие от оценки секторальных политик, имеет в большей степени комплексное построение [32]. Таким образом, исследования воздействий в сфере административных реформ преимущественно рассматривают институциональные изменения (например, новые организационные структуры), но не должны останавливаться на первом этапе анализа (рис. 3). Явно меньше эмпирических данных имеется для оценки реальных воздействий при проведении мероприятий реформ-

мы (второй аналитический этап), т. е. конкретного улучшения или ухудшения результатов деятельности административных органов (например, скорости осуществления процессов, сокращения затрат), которые являются непосредственным эффектом проведенных реформирующих мероприятий. Наименее развитым является исследование конечных эффектов (outcome effects) административной реформы (третий этап), которое относится к изменениям в окружающей среде политико-административной системы (например, привлечение на территорию фирм, сокращение безработицы и т. п.) и характеризуются, соответственно, комплексными связями между различными переменными [сравн.: 19] (рис. 3).

Наряду с методическими и концептуальными ловушками [см.: 32, с. 201; 22] существуют также ограничения, вытекающие из макроструктуры политико-административной системы конкретной страны. Так, предметная область оценки результатов административной реформы является в германской федеративной системе в высокой степени вертикально и горизонтально фрагментированной и исключительно многообразной. В унитарных государствах в процессе самой реформы, а также при ее оценке определяющую роль часто играет один центральный актор (например, в Великобритании таковым является Национальная аудиторская Комиссия — Audit Commission). Напротив, в Германии при иницировании и проведении политико-административной оценки децентрализованная и фрагментированная структура оказывается препятствием, что в целом характеризует германскую модель [об австрийской системе см.: 27]. Следует констатировать, что в ФРГ до сих пор, в отличие от других стран, со стороны парламентов и контрольно-счетных палат земель наблюдается почти полное отсутствие интереса к оценке модернизации административной системы [сравн.: 12, с. 116]. Это может быть следствием того, что результаты таких исследований, в случае если они предполагают критику или плохой «баланс результатов», идут вразрез с политическими намерениями и самопрезентацией конкретных акторов. Дополнительной трудностью является то, что инициаторы административных реформ стремятся добиться нескольких целей [28, с. 6], которые часто несвободны от противоречий [35, с. 5; 21]. Цели административно-политических вмешательств не всегда ясно сформулированы, и во многих сферах наблюдается последующее регулирование в ином направлении. Различные группы интересов (стейкхолдеры) дают разные оценки и определяют по-разному результаты по отдельным параметрам, в зависимости от перспективы и принадлежности к конкретной группе [сравн. 8; 5, с. 14; 10]. Часто необходима одновременная оптимизация множественных параметров, взаимно исключающих друг друга, например, экономичности и приближения процесса принятия решений к гражданам (так называемые компромиссы).

Если несмотря на все ограничения предпринимается попытка исследовать результаты и эффекты проведения административных реформ, то необходимо, как при любой оценке в целом, установить соответствующие критерии и индикаторы. Опираясь на известную из «классических» принципов политического анализа модель входа — выхода (input — output) политико-административной системы [сравн.: 9, с. 112], основанную на общей теории систем и использовавшуюся также в институциональных исследованиях и при анализе демократических процессов [сравн.: 30, 31], можно выделить два основных измерения воздействий административной реформы: эффекты в сфере легитимности «входов» и эффекты в сфере легитимности «выходов». В то время как легитимация «входов» описывает измерение участия и представительства граждан с помощью открытых для них в рамках демократических процессов возможностей, легитимация «выходов» охватывает качество, действенность и эффективность выполнения задач. Наряду с этими критериями устанавливается третье измерение, ориентированное на процесс деятельности, которое концептуально опирается на аргументацию, связанную с движением всех компонентов, поступа-

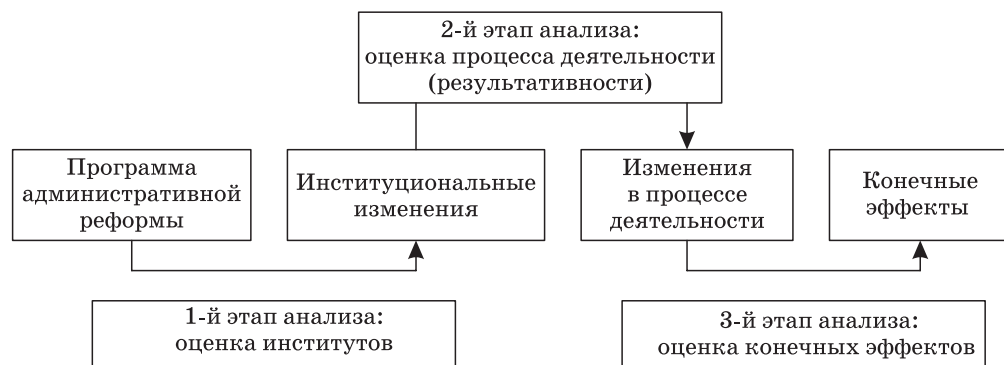

Рис. 3. Три этапа анализа воздействий административной политики [21, с. 481]

ющих через «входы» и превращающихся в продукты «выхода» в рамках процессов, происходящих внутри системы [37; 38]¹. В данном случае речь идет о деятельности по вертикальной и горизонтальной координации, состоящей во взаимодействии различных *стейкхолдеров* — участников процесса принятия и исполнения решений. На этой основе можно выделить три основных измерения как основу сравнительного исследования политико-административных воздействий [сравн. также: 28; 22]:

- воздействия в сфере «легитимации выхода»: эффективность, действенность, производительность;
- воздействия в сфере «управления и координации»: вертикальная и горизонтальная координация, формирование или устранение связей в административной структуре;
- воздействия в сфере «легитимации входа»: демократический контроль, политическая ответственность, участие, прозрачность.

Эти три сферы воздействия могут дополнительно перекрываться еще одним вводимым измерением — определением происходящего в ходе реформы усиления или ослабления различий и диспаритетов в процессе деятельности при внутриорганизационном / региональном сравнении для того, чтобы определить, насколько конкретные мероприятия в рамках реформы (например, децентрализация выполнения задач) ведут к усилению диспаритетов между различными административными единицами или, наоборот, к гармонизации / унитаризации. При некотором упрощении матрица оценки административных реформ может быть представлена в следующем виде (табл. 1).

Таблица 1

**Основные измерения и индикаторы анализа
воздействий административных реформ [20, с. 118]**

Критерии действенности реформы	Возможные измерения / индикаторы
Воздействия в сфере «легитимации выходов (эффектов)»	
Ресурсы, затраты, эффекты	Использование ресурсов (персонал, время, финансы). Полученная экономия. Объем «произведенных» услуг. Соотношение «вход-выход»

¹ В немецком языке так же, как и в английском, в данном случае используется термин «throughput», использующийся в ИКТ и в бизнесе (прим. переводчика).

Критерии действенности реформы	Возможные измерения / индикаторы
Профессионализм / качество правового обеспечения/ достижение целей	Соблюдение специализированных профессиональных стандартов качества / контрольных показателей. Корректность с точки зрения права. Соответствие интересам граждан / доброжелательность в отношении к клиентам / качество обслуживания. Действенность, решение проблем, соответствие интересам целевых групп
Воздействия в сфере управления и координации	
Горизонтальная и вертикальная координация	Согласование действий различных подразделений. Межмуниципальное взаимодействие. Согласование действий различных уровней власти; потери при возникновении трений. Контроль / вмешательство сверху. Готовность участвовать в реформе / открытая борьба / сопротивление снизу. Вертикальные / горизонтальные тенденции к переплетению (совместному решению задач) или разделению деятельности
Воздействия в сфере обеспечения легитимности «входа»	
Демократический контроль	Участие совета. Гражданское участие; демократия пользователей. Прозрачность извне
Варианты реализации внутри различных институтов; различия в организации деятельности / качестве услуг	

Продолжение в следующем номере.

Литература / References

1. Bennet R. (ed) Territory and Administration in Europe. London, New York : Continuum International Publishing Group Ltd, 1989.
2. Bogumil J., Schmid J. Politik in Organisationen. Organisationstheoretische Ansätze und praxisbezogene Anwendungsbeispiele. Wiesbaden : Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2001.
3. Bogumil J. et al. Zehn Jahre Neues Steuerungsmodell. Eine Bilanz kommunaler Verwaltungsmodernisierung. Berlin : Edition sigma, 2007.
4. Benz A. Institutionentheorie und Institutionenpolitik // Benz, A., Siedentopf, J. H., Sommermann, K.-P. (Hrsg.) Institutionenwandel in Regierung und Verwaltung. Festschrift für Klaus König zum 70. Geburtstag. Berlin : Duncker & Humblot, 2004.
5. Boyne C. A. et al. Evaluating Public Management Reform: Principles and Practice. Buckingham: Open University Press, 2003.
6. Brunsson N. The Organization of Hypocrisy. Talk, Decision and Actions in Organizations. Chichester u. a.: Wiley. 1989.
7. Christensen T., Laegreid P. A Transformative Perspective on Administrative Reforms // Christensen, T., Lasg Reid, P. (ed) New Public Management. The Transformation of Ideas and Practice. Aldershot : Ashgate, 2001.
8. Connolly T., Conlon E. J., Deutsch S. J. Organizational effectiveness. A multiple-constituency approach // Academy of Management Review. 1980. Vol. 5. N 2. P. 211–217.
9. Easton D. A. A Framework for Political Analysis. Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1965.
10. Enticott G. Multiple Voices of Modernization. Some methodological Implications // Public Administration. 2004. Vol. 82. N 3. P. 743–756.
11. Holmes M., Shand D. Management reform. Some practitioner perspectives on the past ten years // Governance. 1995. Vol. 8. N 4. P. 551–578.

12. *Färber G.* Finanzkontrolle // Voigt R., Walkenhaus R. (Hrsg.) Handwörterbuch zur Verwaltungsreform. Wiesbaden : Springer, 2006.
13. *Flynn N., Strehl F.* (ed) Public sector management in Europe. Hemel-Hempstead : Prentice-Hall, 1996.
14. *Jann W.* Verwaltungsreform als Verwaltungspolitik. Verwaltungsmodernisierung und Policy-Forschung // Schröter E. (Hrsg.) Empirische Policy und Verwaltungsforschung. Lokale, nationale und internationale Perspektiven. Opladen : Springer, 2001.
15. *Jann W.* Die skandinavische Schule der Verwaltungswissenschaft. Neoinstitutionalismus und die Renaissance der Bürokratie // Bogumil J., Jann W., Nullmeier F. (Hrsg.) Politik und Verwaltung. PVS-Sonderheft. 2006. N 37. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften. P. 121–148.
16. *Jaedicke W., Thrun T., Wollmann H.* Modernisierung der Kommunalverwaltung. Evaluierungsstudie zur Verwaltungsmodernisierung im Bereich Planen, Bauen und Umwelt. Stuttgart : Wüstenrot Stiftung, 2000.
17. *Kickert W. J. M.* (ed) Public management and administrative reform in Western Europe. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 1997.
18. *Kuhlmann S.* Politik und Verwaltungsreform in Kontinentaleuropa. Subnationaler Institutionenwandel im deutsch-französischen Vergleich. Habilitationsschrift an der Universität Potsdam. Baden-Baden : Nomos, 2009.
19. *Kuhlmann S.* Die Evaluation von Institutionenpolitik in Deutschland. Verwaltungsmodernisierung und Wirkungsanalyse im föderalen System // Widmer T., Beywl W., Carlo F. (Hrsg.) Evaluation. Ein systematisches Handbuch. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009.
20. *Kuhlmann S.* Siegeszug der Territorialität? Dezentralisierungsprofile und -wirkungen in Westeuropa // Schimanke D. (Hrsg.) Verwaltung und Raum — Zur Diskussion um Leistungsfähigkeit und Integrationsfunktion von Verwaltungseinheiten. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010.
21. *Kuhlmann S., Wollmann H.* The Evaluation of institutional reforms at sub-national government level. A still neglected research agenda // Local Government Studies. 2011. Vol. 37. N 5. Special Issue on Evaluating Functional and Territorial Reforms in European Countries (ed v. Kuhlmann, S., Wollmann, H.). P. 479– 494.
22. *Kuhlmann S. et al.* Messung und Vergleich von Verwaltungsleistungen. Benchmarking-Regime in Westeuropa // Die Verwaltung. 2011. Jg. 44. N 2. P. 155–178.
23. *Lane J.-E.* (ed) Public sector reform — rationale, trends and problems. London : Sage Publications LTD, 1997.
24. *Naschold F., Bogumil J.* Modernisierung des Staates. New Public Management in deutscher und internationaler Perspektive. 2. Auflage. Opladen : Springer, 2000.
25. OECD, Governance in transition. Public management in OECD countries. Paris : Organisation for Economic Cooperation and Development, 1995.
26. *Peters B. G., Savoie D. J.* Taking stock — assessing public sector reforms. Montreal u.a.: McGill-Queen's Press-MQUP. 1998.
27. *Pleschberger W.* Die Modernisierung der kommunalen Verwaltung. Outsourcing kommunaler Aufgaben im Vormarsch // Österreichische Gemeinde-Zeitung. 2009. 12-2009/01-2010. P. 33–35.
28. *Pollitt C., Bouckaert G.* Public Management Reform. A Comparative Analysis. Oxford : OUP Oxford, 2004.
29. *Ritz A.* Evaluation von New Public Management. Bern u.a. : Haupt, 2003.
30. *Scharpf F. W.* Regieren in Europa. Effektiv und demokratisch? Frankfurt a.M. / New York : Campus Verlag, 1999.
31. *Scharpf F. W.* Interaktionsformen. Akteurzentrierter Institutionalismus in der Politikforschung. Opladen : Springer, 2000
32. *Wollmann H.* Evaluierung und Evaluierungsforschung von Verwaltungspolitik und -modernisierung — zwischen Analysepotenzial und — defizit // Stockmann, R. (Hrsg.) Evaluationsforschung. Opladen : Springer, 2000a.
33. *Schröter E.* New Public Management // Blanke, B. et al (Hrsg.): Handbuch zur Verwaltungsreform. 4. Auflage. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. 2011.
34. *Wollmann H.* Evaluation and public sector reform in Germany. Leaps and lags // Wollmann H. (ed) Evaluation in Public-Sector Reform. Cheltenham UK / Northampton MA USA : Edward Elgar, 2003.

35. *Wollmann H., Bouckaert G.* State Organisation in France and Germany between Territoriality and Functionality // Hoffmann-Martinet, V., Wollmann, H. (Hrsg.) State and Local Government Reform in France and Germany. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften< 2006.
36. *Wollmann H., Schröter E.* (ed) Comparing Public Sector Reform in Britain and Germany. Key traditions and trends of modernisation. Aldershot: Ashgate. 2000.
37. *Zürn M.* Regieren jenseits des Nationalstaates. Globalisierung und Denationalisierung als Chance. Frankfurt a. M. : Suhrkamp Verlag, 1998.
38. *Zürn M.* Democratic Governance Beyond the Nation-State. The EU and Other International Institutions // European Journal of International Relations. 2000. Vol. 6. N 2. P. 183–221.

Политическая мобилизация: перспективы развития теории принятия политических решений

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-170-173

Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации / науч. ред. В. А. Ачкасова, Г. С. Мельник. М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. 246 с.

ISBN 978-5-9765-2555-9 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-038973-1 (Наука)

РЕФЕРАТ

В статье представлена рецензия на коллективную монографию «Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации» под научной редакцией В. А. Ачкасовой, Г. С. Мельник, а также возможности развития теории принятия политических решений в свете представленных в монографии методов и технологий мобилизации и деполитизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политическая мобилизация, политическая демобилизация, общественное мнение, повестка дня, принятие политических решений

Kosov Yu. V., Trokhinova O. I.

Political Mobilization: Prospects of Development of the Theory of Adoption of Political Decisions

ABSTRACT

The article provides a review of the collective monograph «Communicative technologies in the processes of political mobilization» Ed. V. A. Achkasova, G. S. Melnik.

KEYWORDS

political mobilization, political demobilization, public opinion, agenda, adoption of political decisions

Феномен политической мобилизации на сегодняшний день получает особую актуальность в современной коммуникативистике. Монография «Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации», авторы которой — представители Санкт-Петербургского государственного университета (В. А. Ачкасова, В. А. Ачкасов, И. А. Быков, А. Н. Гришанина, А. Ю. Дорский, С. И. Коренюшкина, А. Е. Кузьмин, Г. С. Мельник, Б. Я. Мисонжников, И. М. Побединский, М. Тюпина, О. Г. Филатова) и Университета Николая Коперника, Торунь (Польша) (Массака Ивона), позволяет представить проблематику политической мобилизации максимально широко и осветить ее с точки зрения различных аспектов.

К измерению и формированию общественного мнения обращались многие отечественные и зарубежные исследователи XX в. Тем не менее, с учетом качественных и количественных характеристик, современным ученым открылся новый парадокс этого явления — аномалии динамики измерения. Результаты опросов и основанные на них прогнозы могут идти вразрез с реальными событиями и действиями активной части общества. Одной из причин такого диссонанса являются коммуникационные технологии, методы и приемы, направленные на мобилизацию или демобилизацию общественного мнения, которые зачастую делают несостоятельными какие-либо долгосрочные прогнозы.

Расширение видов средств и форм массовых коммуникаций повлекло за собой и изменения форм существования социальных институтов, а также способов взаимодействия между ними. Активная социально-политическая динамика породила целый комплекс новых мобилизационных средств, которые делают общественное мнение еще более чувствительным. И если традиционные технологии предполагали планомерную целенаправленную деятельность, результат которой, как правило, был отложен во времени, то сегодня появляются методы, обеспечивающие практически сиюминутную реакцию.

В российской политической практике уже сложился ряд прецедентов, когда общество не просто выражало ту или иную точку зрения, а менялась система общественных взглядов на сложившиеся проблемы в целом. Также зафиксировано и обратное явление — политическая демобилизация, предполагающая спад гражданско-политической активности, ослабление готовности к решительным действиям. И в том, и в другом случае фактор вовлеченности или деактивации может культивироваться через коммуникационные каналы. Однако это всегда не единичные точечные «удары», а целый комплекс методов и средств, диктующий необходимость многоуровневого и разнопланового подхода к изучению процессов политической мобилизации.

Безусловно, эти процессы хранят в себе риски массовых провокаций, однако их детальное изучение — это и новые перспективы для социальных институтов, общественных и политических лидеров, а также один из способов укрепления национальной безопасности.

При этом затронутая проблематика вызывает и академический интерес.

Монография «Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации» предлагает комплексный подход к изучению мобилизации.

Важно, что в представленной работе собраны все основные подходы к мобилизации, формированию общественного мнения, использованию приемов пропаганды. При таком ретроспективном подходе, тем не менее, особый акцент сделан на новых факторах мобилизационной системы, таких как этничность, медиаактивизм и др. С принципиально новых позиций рассматриваются и традиционные сематические доминанты — например, тексты и музыка. Авторами отмечена и роль новых площадок, сетевого сообщества, которые значительно изменили формы классических методов политической мобилизации. Рассматриваются конкретные и общедоступные примеры этих трансформаций.

Широко раскрываются потенциальные возможности фрейминга и создания повестки дня. Особый интерес вызывает разбор самых актуальных и современных кейсов, в том числе отечественных, что позволяет взглянуть на известные ситуации с другой стороны, перемещая аудиторию «на другую сторону баррикад».

Таким образом, монография освещает актуальные подходы к мобилизации, исходя из теоретической базы, наработанной зарубежными и отечественными ис-

следователями, результатов практического опыта и зондажа общественного мнения последних лет.

Подобная систематизация и обобщение научных подходов к изучению политической мобилизации, а также процессов демобилизации, открывает перспективы и для других дисциплин, в том числе для развития теории принятия политических решений.

Прогнозирование, точное определение коммуникационных каналов и последовательное использование технологий политической активизации или же деполитизации населения способны подготовить общественное мнение, скорректировать его для скорейшего социального признания того или иного готовящегося государственного публичного решения. Это обеспечивает легитимацию власти в целом, а также способствует снятию части рисков государственной безопасности. Авторы монографии приводят примеры корректировки повестки дня, смещения фокуса общественного внимания в целях снижения социального напряжения, смягчения острых дискуссий.

В этой связи особый интерес представляют конкретные методы и технологии демобилизации общественного мнения, которые могут быть использованы правящей элитой, представителями СМИ и лидерами мнений для стабилизации настроений в обществе, которые в критических случаях способны поставить под угрозу национальную безопасность.

Исходя из традиционных моделей принятия политических решений, можно предположить, что зачастую технологии политической мобилизации или демобилизации латентно присутствуют на всех этапах процесса. Они способствуют постоянной балансировке общественно-политических сил, а также, в случае необходимости, могут быть использованы для нейтрализации протестных настроений.

Важно отметить, что монография «Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации» несет особую ценность и с точки зрения представленной литературы и источников: огромный массив исследований и полученных выводов будет интересен практикующим специалистам в сфере коммуникации, а также представителям высшей школы. Дальнейшая разработка проблематики на основе уже собранных авторским коллективом данных, безусловно, будет способствовать развитию отечественных коммуникационных наук.

Описываемые в монографии технологии могут быть отражены в реализации тех или иных государственных решений, однако для этого необходима более детальная проработка затронутой тематики, в первую очередь, применительно к отечественным реалиям.

Косов Юрий Васильевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Заместитель директора

Доктор философских наук, профессор

kosov-yuv@sziu.ranepa.ru

Трохинова Ольга Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Аспирант кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении

olgatrox@gmail.com

Kosov Yury Vasilyevich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (Saint-Petersburg,

*Russian Federation)
Deputy Director
Doctor of Science (Philosophy), Professor
kosov-yuv@sziu.ranepa.ru*

Trokhinova Olga Igorevna
*Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Graduate student Department of Public Relations in Politics and Public
Administration
olgatrox@gmail.com*

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

23.00.00. Политология;

07.00.00. Исторические науки и археология;

08.00.00. Экономические науки.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory” (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/login>). Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>)

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК, редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
 - ♦ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»;
 - ♦ после проведения научной экспертизы редакция вправе запросить две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае, если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.

3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождается:
 - ◆ сведениями об авторах (на **русском и английском языках**), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - ◆ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
 - ◆ **ключевыми словами на русском и английском языках**.
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - ◆ номера страниц — внизу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - ◆ шрифт — Times New Roman;
 - ◆ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, межстрочный интервал — 1;
 - ◆ основной текст — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5;
 - ◆ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
 - ◆ инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - ◆ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - ◆ краткий реферат на русском языке;
 - ◆ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
 - ◆ ключевые слова на русском языке;
 - ◆ ключевые слова на английском языке;
 - ◆ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - ◆ абзацный отступ — 1,25 см (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - ◆ расстановка переносов не применяется;
 - ◆ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста в низ полосы документа;
 - ◆ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - ◆ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным шрифтом, не допускаются);
 - ◆ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;

- ♦ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
- 5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
 - ♦ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - ♦ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка дается на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (полный объем издания либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;
 - ♦ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком «точка с запятой»;
 - ♦ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой ...

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире : политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

♦ *Монографии:*

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ *Статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ *Публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. : пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ *Статьи в научных журналах:*

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2, рис. 1). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2017. № 11(107) УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 01.11.2017.

Подписано к печати 15.11.2017.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 14,35. Тираж 200 экз.

Заказ № 11/17.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97